

Анастасия Кравец

Волчье логово

16+

Анастасия Ивановна Кравец

Волчье логово

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67549337

SelfPub; 2022

Аннотация

История в духе европейского романтизма, при этом скрыто говорящая о проблемах современности. В глухом монастыре Фландрии XIV века ведет печальную жизнь талантливый художник по витражам отец Жозеф. Монах трагически отличается от окружающих многими чертами: цветом кожи, образом жизни и странным характером. В поисках вдохновения Жозефу суждено встретить на своем пути удивительные чувства, с какими он еще не сталкивался. Возможно ли сохранить искры страсти и вдохновения в мире, полном скуки, феодальной вражды и предрассудков? Возможно ли сохранить возлюбленную, столь же сильно, как и он, чуждую окружающему миру?

Содержание

Предисловие	6
I. Путники	11
II. В монастыре	20
III. Проповедь	32
IV. Неожиданный визит	42
V. Владение	50
VI. Витражи	63
VII. Мрачные мысли	79
VIII. Неприятный разговор	93
IX. В замке	102
X. Учитель и ученицы	111
XI. Мечты	122
XII. Старый воин	128
XIII. Бланш	138
XIV. Желания	153
XV. Юсуф	167
XVI. Испытание	182
XVII. Вероломство	195
XVIII. Мечь	204
XIX. Пустота	217
XX. Старинные предания	230
XXI. Праздник	239
XXII. Ночная прогулка	252

XXIII. Откровения	259
XXIV. Страсть	268
XXV. В часовне	277
XXVI. Вместе	287
XXVII. Граница	299
XXVIII. Пленник	306
XXIX. Сесиль	316
XXX. У графа	322
XXXI. В разрушенном замке	340
XXXII. Одинокие	347
XXXIII. Осада	356
XXXIV. Вдова	365
XXXV. Закон	374
XXXVI. Уговоры	383
XXXVII. Свидание	392
XXXVIII. Воспоминания	401
XXXIX. Жестокие признания	410
XL. Государь и девушка	418
XLI. В клетке	428
XLII. Полет	437
XLIII. Государь и мертвая девушка	444
XLIV. Вечер	449
XLV. В склепе	458
XLVI. Собрание капитула	466
XLVII. Тени прошлого	474

Анастасия Кравец

Волчье логово

Ненавистные установления порождают ненависть.

Э. Т. А. Гофман «Майорат»

Этот дворец творит ужасные вещи с людьми. Эта цитадель обычаев, традиций, обрядов и ритуалов сводит меня с ума.

Индийский фильм «Эклавия. Княжеский страж»

Предисловие

Закончив эту странную фантазию, я почувствовала необходимость вкратце пояснить ее замысел.

Годы моей ранней юности проходили в трепетном увлечении литературой эпохи романтизма. В ту счастливую пору меня всецело поглощали драматические страсти и ужасы, заключенные в ней. Но со временем во мне проснулся глубокий интерес к той атмосфере, в которой возникла культура романтизма, и к тем сложным механизмам, с помощью которых она создавалась.

Совсем недавно меня посетила дерзкая и забавная мысль написать небольшой роман в духе и по образцу волшебных произведений той эпохи. Все знают, какое значительное место занимают в нашей современной культуре неоготические мотивы. Сложно представить себе человека, который не слышал бы о вампирских историях, о всевозможной нечисти из фэнтези и прочих милых ужасах, которыми полна литература наших дней. Но мало кто задумывался над тем, что все эти причудливые мотивы берут начало именно в изящной, наивной и пугающей культуре первой половины XIX века...

Правда, некоторые шедевры той эпохи популярны и в наше время. Стоит вспомнить довольно распространенное увлечение «Собором Парижской богородицы» или «Грозным перевалом». Но сколько еще остается удивительных

произведений романтизма, которые почти или совершенно неизвестны современному читателю. Но даже если эти книги до сих пор читают, культурный контекст, в котором они существовали и который дает ключ к более полному их пониманию, безвозвратно утерян...

И вот мне страстно захотелось создать историю, содержащую в себе бесчисленное пересечение мотивов, сюжетов, персонажей и смыслов романтизма.

Мой роман построен по образцу произведений того времени. В тексте множество намеков на предыдущие сюжеты и персонажей. Этот метод виртуозно использовали и сами романтики. Когда Гюго описывает келью Клода Фролло, он напоминает нам о гётевском Фаусте. Когда Фролло мечтает о Восточной империи, не является ли это тонким намеком на дерзкие планы Бриана де Буагильбера из «Айвенго»?.. Не имея таланта великих мастеров, я все же в данном случае следую их методу. Почти в каждой ситуации или фразе содержится напоминание о чем-то предыдущем, уже описанном романтиками. Но, в отличие от них, я не имею радужной надежды, что моим читателям (если они вообще найдутся) так хорошо знакома вся эта старая и полузабытая литература. Поэтому, для простоты создания ассоциаций, главы в книге снабжены эпиграфами из разных произведений. Естественно, эта идея тоже принадлежит не мне. Она принадлежит Вальтеру Скотту. Как известно, подражание этому прославленному писателю приобрело повальный харак-

тер среди европейских романтиков. Стоит вспомнить хотя бы «Сен-Мара» Альфреда де Виньи или «Гана Исландца» Виктора Гюго. Однако, в системе эпитафий, используемой мной, есть и некоторые отличия от традиции. В ней можно встретить цитаты не только из романтических произведений, но и из литературы XX века и даже из мюзиклов и фильмов. Эти изменения легко объяснить. Я все-таки живу почти два века спустя после романтиков.

В произведениях эпохи романтизма существовало как бы два фона. Один воссоздавал события далеких, красочных и экзотичных эпох, другой – пытался через эту блестящую завесу прокричать о драмах человека XIX столетия... Как-то мне встретился глубокий риторический вопрос: не являются ли страдания Клода Фролло в большей степени страданиями влюбленного XIX века, чем драмами средневекового священника?.. Я думаю, в этом есть большая доля истины.

Средневековье, описанное романтиками, было не совсем таким, каким представляем его мы. Это тоже создавало определенные трудности для воплощения...

В моем романе три фона. Самый поверхностный из них средневековый. Создавая его, я должна была учитывать в первую очередь не современные представления о той эпохе, а то, какими видели те далекие времена романтики. Но этот фон как раз наименее важен. Он является лишь формой. Второй фон – воспроизведение представлений собственно XIX века с его роковыми персонажами, безумными страстями

ми и бесконечными психологическими самоанализами. На этом можно было бы исчерпать тему, но вышло иначе... Я живу сегодня, поэтому произведение неизбежно должно было наполниться драматическим третьим фоном, который будет кричать о проблемах нашей жизни сквозь раскрашенные маски ушедших эпох... Об этом я не скажу больше ничего. Драмы наших дней читатель без труда сможет узнать сам...

Единственное, что, пожалуй, стоит пояснить: в споре культур, представленных в книге, я остаюсь беспристрастной. Я не придерживаюсь никаких религиозных взглядов (хотя у меня есть собственная система ценностей, в какой-то мере заменяющая их), и категории той или иной религии зачастую написаны с большой буквы только, чтобы показать их место в сознании моих персонажей, но не в сознании автора. На самом деле, спор и противостояние культур не приносят никакого положительного результата. Прошу помнить, что я не веду никаких теологических дискуссий. Это не имеет для меня значения. Значение имеет описанное мной поведение людей.

Й. Хёйзинга писал, что культура возникает в тесной связи с игровым элементом. Он не верил в то, что авторы готических романов могли быть вполне серьезны, описывая свои наивные ужасы. Я тоже не верю в это.

Несомненно, мрачный антураж готической и романтической литературы в наши дни способен вызвать скорее снисходительные улыбки и веселый смех, чем настоящий страх.

Все эти окровавленные кинжалы, виселицы, сверкающие взоры и роковые проклятья стали не больше, чем безнадежно устаревшим и покрытым пылью забвения литературным хламом. Но кто из нас хотя бы однажды не испытывал подлинной боли, читая о тяжелом безумии Франца, мучительной пытке Эсмеральды, бредовых видениях архидьякона или неприкаянных призраках Грозового перевала?.. Да, они оставили нам нечто большее, чем все эти наивные ужасы сырых подземелий и кошмарных снов. Нечто ранящее и настоящее... Быть может, что-то такое, чего современная литература оставить не сможет...

Моя история начиналась как забавная и не имеющая большого значения литературная игра с символами и смыслами. Но с какого-то момента все пошло не так... Я задумалась о серьезных и тяжелых вопросах, и страницы сами собой наполнились живой и самой настоящей болью...

15 августа 2015 г.

I. Путники

Грозовой Перевал – так именуется жилище мистера Хитклифа. Эпитет «грозовой» указывает на те атмосферные явления, от ярости которых дом, стоя на юру, несколько не защищен в непогоду. Впрочем, здесь, на высоте, должно быть и во всякое время изрядно прохватывает ветром. О силе норда, овевающего взморье, можно судить по чрезмерному наклону малорослых елей подле дома и по чередке чахлого терновника, ветви которого тянутся все в одну сторону, словно выпрашивая милостыню у солнца.

Эмили Бронте «Грозовой Перевал»

Мы в Трансильвании, а Трансильвания – это не Англия. Наши обычаи не те, что у вас, и многое здесь вам покажется странным.

Брэм Стокер «Дракула»

Где-то на окраине графства Эно, которое фламандцы называли Геннегау, раскинулась обширная, серая равнина. Ее пересекала длинная извилистая дорога, больше похожая на заброшенную тропинку. По этой дороге, убежавшей в сторону епископства Льежского, одиноко брели два путника. Используя выражения хронистов того времени, можно сказать, что это происходило в год Милости 1323, через две или три

недели после Дня Всех Святых.

Бледный осенний день медленно догорал. Не успело солнце закатиться, как его алые лучи уже скрылись за громадами тяжелых туч, набежавших с севера. Тучи сталкивались, разбегались, принимая один за другим все более причудливые образы: то рыцаря с развевающимся на ветру плюмажем, то руин старого покинутого замка, то корабля, гонимого бурными волнами... Казалось, будто они стремительно пожирают светлую часть небосвода. Поднялся холодный и резкий ветер, который больно хлестал в лицо запоздалым путешественникам, развевал их плащи и норовил сбросить капюшоны.

В стремительно сгущающихся сумерках место казалось еще более диким и пустынным, чем было на самом деле. Лишь черные и одинокие силуэты голых деревьев слабо вырисовывались на горизонте.

Удивительно, но, несмотря на непогоду и на поздний час, у пешеходов не было ни фонаря, ни другого светильника, лучи которого могли бы разогнать мглу и ночные страхи. Они шли медленно, как будто вовсе и неспешили поскорей добраться до цели своего пути.

Человек, который шел впереди, и, должно быть, являлся проводником, был уже немолод. Он был облачен в широкую черную монашескую сутану, подол которой щедро украшала свежая дорожная грязь, и в теплый плащ из грубой шерсти. Крепкая фигура, грубоватые, но мягкие черты лица и стои-

ческое презрение к трудностям пути выдавали в нем хорошее здоровье и крестьянское происхождение.

Второй путешественник выглядел совсем еще юным. Это впечатление усиливал его тонкий и гибкий стан, немного угловатые движения, а также задумчивое и даже испуганное выражение открытого и приятного лица. Плащ юноши, сшитый из более дорогой и яркой ткани, чем у монаха, красивые кожаные башмаки, сильно пострадавшие от сырости, изящный темно-серый костюм и дорожный узелок в его руке, наводили на мысль, что он приехал издалека. Возможно, даже из города. В легкой одежде он сильно страдал от холода и пронизывающего ветра, и пытался согреть дыханием свои тонкие, дрожащие пальцы.

Но становилось все темнее и темнее, огромные тучи уже заволокли все небо, порывы ветра едва не сбивали с ног, а никакого жилья по-прежнему не было видно...

Наконец, не в силах больше терпеть гнетущее молчание, молодой горожанин крикнул своему спутнику:

– Святой брат, скоро ли мы доберемся до вашего монастыря?

– Мы придем туда к ночи, – ответил монах, не проявляя ни малейших признаков беспокойства.

Вряд ли такой ответ мог развеять тягостные сомнения собеседника.

– А сейчас разве день?

– Ночью мы уже будем в обители, – спокойно и невозму-

тимо повторил достойный брат.

Поняв, что ему ничего не удастся добиться от своего странного проводника, юноша решил продолжать путь молча. Внезапно до его напряженного слуха долетел далекий, пугающий звук, совсем непохожий на шум непогоды. Он вздрогнул и поспешил догнать монаха.

– Что это? – изменившимся голосом спросил горожанин, и в его больших глазах заплясали искорки страха. – Неужели волки? Они здесь водятся?

– Водятся, – кивнул монах. – Отчего бы им не водиться? Прошлой зимой они загрызли кобылу сеньора де Кистеля, которая пала на дороге...

– Когда вы столь любезно встретили меня, чтобы проводить до обители, то сказали, что здесь не ездят на лошадях... А как же этот сеньор?

– То сеньоры. Святые братья не ездят. Они всюду ходят пешком.

– И никто не боится волков в такой холод и в столь поздний час? – удивился молодой человек.

– Здесь незачем бояться волков, – со зловещим спокойствием ответил святой брат.

– Вы хотите сказать, что в ваших краях встречается нечто более страшное, чем дикие звери? – медленно произнес горожанин. Темнота, усталость, безлюдность местности и потустороннее спокойствие его спутника начинали производить на него самое тяжелое и мрачное впечатление.

– Да. По правде сказать, место тут *проклятущее*, – чисто-сердечно признался брат. – Вы еще всяких чудес сможете навидаться...

Последнее обещание монаха совсем сломило мужество юноши. Он уже давно проклял в душе свою неудачную поездку. И зачем только его дяде, графскому бальи, вздумалось послать его в это глухое и неведомое место? Молодому человеку и раньше случалось пускаться в разные путешествия по долгу службы, но никогда еще жестокая судьба не забрасывала его в такой мрачный угол, навеки забытый Господом и покинутый людьми...

Он родился и вырос в городе, он привык к шумному гулу толпы на тесных улочках, к веселым студенческим забавам, к солнечным лучам и бою городских часов.

Однажды, когда он был почти еще мальчиком, дядя взял его с собой на пышную праздничную церемонию. Графский двор в Валансьенне блистал великолепными и фантастическими красками, точно далекая и манящая звездная пыль... Наряды дам пленяли невиданной, пламенеющей красотой. Когда они медленно и грациозно кружились в танце, то казались похожими на яркие осенние листья, которые злой ветер срывает с тонких, беззащитных ветвей...

Что мог он знать о далеких деревнях во владениях своих сеньоров? О неведомых краях, границы которых терялись в темных, густых лесах, где тревожно шелестела листва? И о тех странных людях, которые живут вдали от го-

родского шума: встают со звоном колокола, а не с боем башенных часов, проводят свои дни в жаркой охоте или бесконечных распрях... О тех людях, которые взглянув в окно, вместо моря островерхих городских крыш, видят бескрайние, покрытые сверкающим снегом равнины...

Юноша провел несколько лет в обществе повес-студентов. Ему был присущ здравый смысл и скептицизм, распространенный в среде горожан. Он охотно смеялся над многими предрассудками своего наивного и невежественного века. Но смеяться над ними было весело под защитой городских стен, освещенных лучами полуденного солнца. Здесь же, поздним вечером, на заброшенной и размытой недавним дождем дороге, без света, вдали от людей, в обществе единственного монаха, делающего злое пророчество, воображение невольно начинали тревожить мрачные образы из старинных легенд о нечисти...

Всем хорошо известно, что ночные часы – время, отданное во власть нечистой силе. Только безумец осмелится в ночную пору переступить порог своего дома, а уж тем более, собраться в дальний путь... Добрый же христианин, которому дорога его бессмертная душа, никогда этого не сделает. Страшно представить, сколько врагов рода человеческого бродит в поздний час по сумеречным лесам и опустевшим дорогам! А вдруг это не волки воют в неведомой дали, а оборотни рыщут в поисках добычи... И, быть может, не корявые ветви деревьев виднеются на горизонте, а костлявые

руки грешников, погибших не своей смертью...

От безрадостных размышлений горожанина вскоре отвлек вид какой-то мрачной громады, очертания которой смутно вырисовывались в непроглядной тьме.

– Это ваша обитель? – живо воскликнул юноша, с воодушевлением ожидая скорого конца своего затянувшегося странствия.

– Куда там, – отозвался святой брат. – Это замок графа.

– Какого графа?

– Здесь всего один граф.

Раздосадованный молодой человек в душе поклялся не задавать своему спутнику больше ни единого вопроса, ибо его ответы скорее запутывали, чем вносили хоть какую-то ясность в происходящее, и только напрасно разжигали ночные страхи.

После того, как они миновали замок таинственного «графа», дорога совсем исчезла, и теперь приходилось пробираться по липкой грязи, то и дело рискуя провалиться в глубокую лужу. Впрочем, туфли городского гостя были уже настолько мокрыми, что это все равно не имело бы никакого значения. А судя по непоколебимому спокойствию монаха, его не напугала бы и необходимость пройти по воде босиком, следуя примеру святого Петра, идущего навстречу Спасителю...

Глядя себе под ноги, юноша на этот раз даже не заметил, как перед ним выросло еще одно здание. Небольшое и

аккуратное, оно было столь хрупким и изящным, что, казалось, парило над землей, точно легкое, воздушное облако. Где-то наверху, под широкой черепичной крышей, смутными, дрожащими бликами поблескивали витражи большого, круглого окна-розы. С двух сторон главное здание обрамляли маленькие, островерхие башенки, в ночных сумерках напоминавшие рога или заячьи уши. Дальше, в черных сгустках тьмы, терялся целый лес изящных, устремленных в небеса шпилей.

Монах обошел главное здание и громко и настойчиво постучал в какую-то боковую дверь. Никто не спешил отозваться на стук, и ему пришлось не раз повторить свою попытку, прежде, чем она увенчалась успехом.

За дверью слышались торопливые шаги, и чей-то тихий голос задал вопрос, которого молодой человек не слышал.

– Брат Ватье и тот мэтр, – ответил монах.

Под «тем мэтром», очевидно, имелся в виду городской гость.

Дверь осторожно отворилась, и из щели вырвался яркий луч, который, больно резнув по глазам, привыкшим к окружающему мраку, заставил гостя на мгновение зажмуриться. Когда он снова открыл глаза, то увидел еще одну фигуру в монашеской сутане, освещенную неверным красноватым светом фонаря.

– Входите, – пригласил второй монах. – Время позднее.

Молодой горожанин медленно переступил порог. Он был очень рад окончанию своего мучительного путешествия. Но душу не покидали сомнения... Что ждет его в незнакомой обители? Желанный приют и отдых? Или зловещие «чудеса», обещанные его неразговорчивым проводником?..

II. В монастыре

Когда я с ним познакомился, он был уже в преклонном возрасте; белизна волос выдавала его годы, но в глазах еще сверкал огонек молодости, а приветливая усмешка, блуждавшая у него на устах, усиливала общее впечатление уравновешенности и покоя. Изящество, каким отличалась его речь, было также свойственно его походке и жестам, и даже обычно мешковатое монашеское одеяние отлично прилегало к его статной фигуре.

Э. Т. А. Гофман «Эликсир Сатаны»

Внутри собора было уже пусто и сумрачно. Боковые приделы заволкло тьмой, а лампы мерцали как звезды, – так глубок был мрак, окутывавший своды. Лишь большая розетка фасада, разноцветные стекла которой купались в лучах заката, искрилась в темноте, словно груда алмазов, отбрасывая свой ослепительный спектр на другой конец нефа.

Виктор Гюго «Собор Парижской богородицы»

При добром сердце твое лицо, мой мальчик, стало бы красивым, – продолжала я, – даже если бы ты был черней арана; а при злом сердце самое красивое лицо становится хуже, чем безобразным.

Не говоря ни слова, человек с фонарем провел гостя через темный и узкий коридор, миновав который, они оказались в просторной, холодной и слабо освещенной зале. Длинный деревянный стол, на который упал взгляд юноши, наводил на мысль, что это была трапезная монастыря. Коллеблющееся пламя фонаря осветило еще два черных монашеских силуэта. Высокие и величественные своды залы продолжали тонуть во тьме.

Вопреки опасениям горожанина, вызванным таинственностью места и поздним временем, он сразу же услышал обращенные к нему приветливые слова, произнесенные мягким и вежливым тоном:

– Вот наконец и вы, дорогой мэтр. А мы уже начали беспокоиться, что вас так долго нет. На дворе непогода и ночь... Брат Ватъе, – обратился говоривший к монаху-проводнику, – собирается дождь?

– Нет, – коротко ответил тот.

– Как нет? – вмешался человек с фонарем. – Я видел большие тучи, когда открывал вам дверь...

– Нет, – упрямо повторил брат Ватъе. – Дождя не будет. Будет снег.

Это глубокомысленное замечание было оставлено без ответа.

Тем временем, монах, начавший разговор с гостем, подо-

шел к нему, продолжая свои расспросы:

– Вы проделали долгий путь, верно? Вы, должно быть, очень устали? Боже мой, да вы просто дрожите от холода, бедное дитя!

С этими словами, он заботливо снял с горожанина капюшон и подвел его к очагу, который юноша заметил не сразу, так как огонь в нем едва тлел, тихо пожирая остатки обгоревших дров. Красные, сверкающие искры одна за другой медленно срывались в золу.

Только теперь стало ясно, что, несмотря на свою тонкую и хрупкую фигуру, приезжий совсем не так юн, как это казалось на первый взгляд. Ему было не меньше двадцати трех лет, если не все двадцать пять.

– Простите, я должен был уже давно представиться. Меня зовут Жиль дель Манж. Я послан в вашу священную обитель господином Пьером дель Манжем, графским бальи, чтобы...

– Мы знаем, кто вы, и с какой целью посланы к нам, – перебил его человек, державший фонарь, и в тоне его голоса приезжему послышалось что-то странное...

Немного согревшись и успокоившись, Жиль, в свою очередь, получил возможность как следует рассмотреть людей, в общество которых его забросила судьба.

Монах, который столь любезно заговорил с ним, был уже стар. Ему, вероятно, было около шестидесяти лет. Однако, умное лицо этого человека все еще сохраняло следы былой утонченной и изысканной красоты. Живые темные глаза

смотрели на собеседника с искренним и неподдельным интересом. Тонкие губы слегка улыбались. Правильные, приятные черты не портили даже морщины. Волосы, некогда темные, теперь почти полностью поседели. В отличие от остальных монахов, на которых одежда болталась как придется, на старике сутана сидела с безупречным, едва ли не придворным, изяществом. Это было особенно удивительно, учитывая, в каком глухом и диком месте находился монастырь. Во всей его фигуре чувствовалась почти юношеская гибкость и стройность.

По любезным и вежливым манерам, по изяществу одежды и по преклонному возрасту стоявшего рядом с ним монаха, Жиль пришел к выводу, что, наверняка, видит перед собой настоятеля.

В лице брата, державшего в руке фонарь, не было ничего запоминающегося или необычного. Небольшие, спокойные глаза под густыми бровями, широкий лоб, плотно сжатые массивные челюсти, немного поредевшие темно-русые волосы и печать легкой усталости и равнодушия на лице. Ладони у него были широкие, а на кончиках пальцев виднелись следы свежих чернил. Из-за своей отстраненности и равнодушия, а возможно, и из-за чернильных пятен на руках, человек этот производил впечатление скептического и сосредоточенного мыслителя. На вид ему можно было дать лет пятьдесят-пятьдесят пять. Но, несмотря на пожилой возраст, в нем, как и в настоятеле, казалось, еще не угасла воля к дей-

ствию и жизненные силы.

Третий монах, хотя и откинул скрывавший его лицо глубокий капюшон, до сих пор не произнес ни слова и не вышел из тени. Его высокая, худая фигура казалась еще более вытянутой и бесплотной при слабом свете затухающего очага. Несомненно, он был моложе и настоятеля, и брата с фонарем, но в нем совершенно не чувствовалось их живости и силы. Скрестив руки на груди, и замерев в странной неподвижности, монах смотрел куда-то поверх голов всех собравшихся в зале. В его светло-голубых глазах застыл неведомый и нездешний покой. Бледное лицо святого брата можно было бы назвать красивым, если бы не впалые щеки и не чрезмерная худоба, портившая эти правильные и по-северному холодные черты, хранившие на себе печать неумолимой суровости и какой-то недоступной остальным смертным благодати. Прямые, светлые волосы придавали его лицу еще большую прозрачность.

Вид этого неподвижного, погруженного в созерцание монаха почему-то наполнил душу Жилья робостью и легким страхом. Только одна вещь не вязалась с его задумчивостью и благочестием. Широкие рукава сутаны были испачканы чем-то вроде цветной краски...

Пока Жиль, с любопытством молодого человека и горожанина, разглядывал обитателей монастыря, настоятель снова обратился к нему:

– Я полагаю, мы зря теряем время. Вы, конечно, устали

после долгой и утомительной дороги. И я был бы очень плохим хозяином, если бы тотчас не предложил вам отдохнуть.

– Святой отец очень любезен, – с легким поклоном ответил Жиль. – Признаюсь, я не отказался бы от отдыха. Вечер был таким холодным... И этот ужасный ветер...

Молодой человек не отказался бы и от ужина, но, видимо, так далеко любезность настоятеля не простиралась.

– Брат Ватье, – бросил святой отец проводнику, – вы закрыли ворота на ночь?

– Нет, – безмятежно отвечал тот.

– Что значит нет?! Почему вы их не закрыли?!

– Вы мне не приказывали.

– Милосердный Господь! – настоятель всплеснул руками. – Да неужели вам на все нужны мои приказания?! Где это видано, оставлять ночью ворота открытыми! Идите и закройте их немедленно.

Брат Ватье повиновался, нисколько не прибавив шагу.

– А где брат Жозеф? – поинтересовался настоятель, оборачиваясь и ища кого-то взглядом. – Я же велел прийти всем... Брат Ульфар, вам известно, где он может быть?

– Когда я покидал церковь, то оставил его там, – произнес высокий монах тихим, ровным и бесцветным голосом. Он говорил с сильным фламандским акцентом.

– Мне проводить вас, отец Франсуа? – вмешался человек с фонарем.

– Нет, благодарю вас, брат Колен, в этом нет необходимо-

сти. Дайте мне фонарь. Я сам отведу нашего гостя. Отправ-
ляйтесь в свои кельи.

Властным жестом настоятель взял протянутый ему светильник, пламя которого становилось все бледнее и слабее, и пригласил Жиль следовать за ним.

Выходя из залы, молодой человек только успел заметить, как величественная фигура брата Ульфара выплыла в другую дверь. Если бы не тихий шорох сутаны, его можно было бы принять за призрака, ибо шаги его были неслышны и незаметны...

Брат Колен, оставшись без фонаря, продолжал в глубокой задумчивости стоять у двери.

Отец Франсуа шел столь быстрым и решительным шагом, что уставший Жиль едва поспевал за ним. Когда он начал отставать, маяком ему служил красный маленький огонек, во тьме коридоров похожий на крохотную, догорающую звезду...

Они миновали одну залу и свернули в другую. Во всем большом и холодном здании царили мрак и пустота. Быстрые шаги настоятеля гулко отдавались под старинными сводами, пробуждая странное, как будто разбивающееся на тысячу осколков, смутное эхо, которое постепенно замирало в самых отдаленных и таинственных уголках святой обители...

Наконец отец Франсуа толкнул какую-то тяжелую, резную дверь, и они вошли в пустую монастырскую церковь.

Жиль застыл пораженный. Ему никогда не доводилось бывать в церкви ночью. Хотя на дворе стояла тьма, здесь морозный воздух был наполнен удивительным синевато-лиловым легким светом, который парил вокруг вошедших, подобно инею, падающему с неподвижных ветвей в безветренную зимнюю ночь...

У Жилия невольно появилось искушение поймать этот дивный свет в ладонь. И будь он один, непременно попробовал бы это сделать.

Где-то в глубине церкви голубоватые тусклые искры пробегали по узорчатым, цветным витражам, вызывая в памяти блуждающие болотные огоньки, манящие запоздалого путника...

Откуда-то со стороны двери в залу долетали неистовые порывы ветра. Должно быть, одно из окон было разбито.

Вдалеке переливался золотыми бликами и вспыхивал багряными отсветами великолепный алтарь. Свечи, стоявшие на нем, все до единой, были безжалостно потушены дуновениями злого ветра...

– Брат Жозеф, вы здесь? – крикнул отец Франсуа.

Никакого ответа.

И, тем не менее, церковь не была совершенно безлюдна. Под одним из окон на коленях стояла человеческая фигура, слабо освещенная мерцающим светом единственной, догорающей свечи.

Сначала Жилию показалось, что этот человек молится. Но

когда они подошли ближе, он понял, что ошибся. Одной рукой коленопреклоненный монах прикрывал от ветра угасающую свечу, а другой – что-то судорожно и неистово чертил на лежавшем рядом желтом листе бумаги, низко-низко склонив над ним голову... Казалось, он даже не слышал шагов и не видел людей, пришедших нарушить его добровольное одиночество.

Только при этих словах настоятеля, прозвучавших так близко от него, монах поднял голову, и Жиль в ужасе отшатнулся, слабо вскрикнув от удивления и неожиданности. Все происходящее приобрело черты бессмысленного, жестокого, затянувшегося кошмара!

Прыгающий язычок пламени осветил своим неровным светом смуглое лицо язычника, неверного, сарацина!

Это было настолько страшно и невероятно, что Жиль не мог сделать ни единого шага, не мог произнести ни одного слова...

Прямо на него смотрели черные, сверкающие глаза сарацина, полные мрачного и адского, но какого-то вдохновенного и яркого огня. Ноздри острого, хищного носа нервно и взволнованно трепетали от таинственного ветра. Изогнутые, отливающие синевой, брови и настороженно сжатые сухие губы придавали его лицу серьезное и грозное выражение. На высокий лоб, прорезанный тонкой морщинкой, появившейся от частых и невеселых раздумий, в беспорядке падали черные, мокрые от пота, волосы.

Сложно сказать, сколько лет было этому чужестранцу. Возможно, немногим больше тридцати. Но замкнутое, отчужденное, недоброе выражение лица, больше подходящее преследуемому зверю, чем человеку, делало его резкие и острые черты старше и печальнее...

Тяжеловатой фигуре сарацина, скрытой под складками широкой черной сутаны, скорее были присущи сила и крепость, чем гибкость, изящество и стройность.

Его рукава тоже были перепачканы краской, как у брата Ульфара.

Неверный в благочестивом и добром краю, в христианской церкви, да еще и облаченный в монашеское одеяние! Поистине, что могло быть нелепее и невероятнее этого бессмысленного и хаотичного кошмара!

Однако, придя в себя от первого потрясения, Жиль очень скоро пожалел о вырвавшемся у него неосторожном восклицании. Ибо после него лицо сарацина стало еще угрюмее и суровее, если такое вообще было возможно.

– О, я должен был вас предупредить..., – тихо произнес отец Франсуа, глядя на растерянного гостя.

Затем он обратился к неверному:

– Брат Жозеф, это племянник бальи. Мы решили поселить его в вашей келье на то время, пока он будет пребывать в нашей обители.

Но до какой же невообразимой степени возросло удивление горожанина, когда сарацин ответил старому монаху на

чистейшем валлонском наречии, ничем не отличавшемся от того, на котором говорил сам настоятель!

– Прекрасно, святой отец! И с чего я удостоился этой великой чести? Неужели люди никогда не оставят меня в покое! О, я желал бы, чтобы они навсегда забыли о моем существовании и оставили меня наедине с моими холодными стеклами...

Его низкий голос звучал резко, насмешливо и неприятно.

После минутной задумчивости брат Жозеф продолжал:

– А почему нельзя было поселить достойного гостя у брата Ульфара или у брата Колена?

– Вы же знаете, – немного смутившись отвечал настоятель, – брат Колен очень занят своими бумагами, хозяйством... А брат Ульфар... он ревностно предается молитвам. Нам всем следовало бы по мере сил подражать его благочестивому примеру...

– Вы правы, – холодно прервал его сарацин. – Должно быть, в нашей святой обители бездельничаю только я один...

Он стремительно и резко поднялся с колен, и, бросив на побледневшего Жиля презрительный взгляд, коротко сказал:

– Идемте.

Через несколько минут племянник бальи уже находился в маленькой, уютной келье, тускло освещенной голубоватым лунным светом, который тихо струился из крохотного окошка под самым потолком. Низкий стол, стоявший в ке-

лье, был завален ворохом бумаги. На листах чернилами были начерчены какие-то причудливые, угловатые рисунки.

Брат Колен принес еще одну жесткую монастырскую постель, на которую Жиль упал, изнемогая от усталости.

И все же, несмотря на это, его сердце продолжало тревожно биться. Так вот какие «чудеса» ожидали его в этом далеком монастыре! Ночь под одной крышей с врагом Господа и христианской веры! Да Жиль лучше бы предпочел встретить здесь целый легион призраков или оборотней! Они-то хотя бы исчезают на рассвете...

Не спал и сарацин. Он сосредоточенно копался в рисунках, разбросанных на столе и на полу, и, тяжело дыша, рвал некоторые из них в мелкие клочки, нисколько не заботясь о том, куда они падали...

Внезапно Жиль поймал на себе его взгляд и тотчас притворился спящим.

– Не бойся, спи спокойно, – произнес брат Жозеф. – Я не убиваю женщин и не ем маленьких детей... Хоть об этом так увлекательно и рассказывают почтенные хронисты и авторы куртуазных романов.

Слабо улыбнувшись, он лег на свое жесткое ложе и дунул на свечу. Догорающий язычок пламени исчез в единое мгновение, и все погрузилось в непроницаемый мрак...

III. Проповедь

*Уродливый ворон –
И он прекрасен на первом снегу
В зимнее утро.
Басё*

*Ибо прах ты, и в прах возвратишься.
Библия. Бытие. 3*

*Ты стоишь нерушимо сосна!
А сколько монахов отжило здесь
Сколько венков отцвело.
Басё*

Брат Ватье был прав. Ночью выпал первый снег.

Когда Жиль дель Манж, проснувшись, утром вышел из монастыря, его удивленному взору открылся просторный двор, покрытый тонким слоем снега. Вчерашние лужи подернулись хрупкой, узорной корочкой льда. Ветви деревьев, росших возле входа в обитель, отяжелели от пушистого, колкого инея, который переливался сотней синеватых искр под бледными лучами утреннего зимнего солнца...

В прозрачном, морозном воздухе каждый звук становился еще звонче и резче.

События прошлой ночи смешались в мыслях горожанина, превратившись в разрозненные, отрывочные картины. Последние из его воспоминаний были связаны с таинственным сарацином... Несколько раз он виделся Жилю сквозь зыбкую дымку сна: то рвущий старые бумаги, то коленопреклоненный, с поднятыми вверх ладонями, озаренный розоватыми лучами рассвета...

Причиной пробуждения и Жиля, и брата Жозефа были громкие звуки, доносившиеся со двора. Чей-то звучный и вдохновенный голос сливался с нестерпимым, яростным скрежетом.

Первым, кого увидел молодой человек, выйдя из монастыря, был брат Ватье, который с таким невероятным усердием начищал большую оловянную кастрюлю, точно хотел, чтобы его слышали в самом Валансьенне.

Чуть подальше, под огромным раскидистым деревом, ветви которого все были усыпаны серебристым инеем, стоял брат Ульфар. Но как же он изменился! В глазах сверкал неистовый огонь, жесты стали широкими и размашистыми, а обычно столь тихий голос сейчас звучал уверенно и громко, поражая богатством красок и интонаций.

Вокруг Ульфара собралась небольшая группа монастырских крестьян. Оставив работу, они, как замороженные, с широко раскрытыми глазами, слушали мрачную речь своего святого пастыря.

– Только слепцы или безумцы, – воодушевленно воскли-

цал монах, – могут не видеть, что наш грешный мир стремится в глубокую бездну! Пороки и преступления людей переполнили чашу терпения великого Господа! Не осталось ни одного греха, которого бы мы, ныне живущие, не совершили! Мир умирает. Неужели же вы, имеющие глаза, этого не видите? С тех пор, как Господь, себе на горе, создал ничтожных людей, они только и делали, что нарушали его мудрую волю. Он запретил срывать плоды с древа познания, но хитрая и вздорная Ева, искушаемая врагом рода человеческого, нарушила этот запрет. И в наказание первые люди были изгнаны из светлого рая! Помните, дети мои, все беды в этом мире идут от коварных женщин. Женщина – это сосуд скверны и порока. Вас прельщает ее преходящая и недолговечная красота? Подует ветер, и она станет мерзостью и горстью праха... Вы думаете, люди остановились на этом в своем дерзком непослушании? Не тут-то было. Они решили воздвигнуть башню, чтобы возвыситься до самого Господа! Безумное намерение! Не впадайте в грех гордыни, не дерзайте приблизиться к Творцу. Бог смешал их языки, и они не смогли вознести к небесам свою дьявольскую башню. А кровавая вражда, которой с давних пор полны наши черствые сердца? Вспомните проклятого Каина, поднявшего руку на своего невинного и благочестивого брата. Господь сказал нам: не убий. Что же мы творим, несчастные?! Увы, вражда не утихает под этими печальными небесами! Люди погрязли в пороке, сладострастии, убийствах, гордыне и чревоуго-

дии. Горе всякому живущему! Терпение Отца нашего не безгранично. Помните, как он уничтожил людей, наслав на них хляби небесные? Один лишь Ной остался жив после потопа. Но кто из нас праведник? Вы надеетесь, что милосердный Иисус искупил ваши грехи, пролив свою кровь за род человеческий? Вы думаете, что теперь вам можно не бояться пылающего ада со всеми его демонами и мучительными карами? О, ничтожные грешники, как же вы слепы! Знайте, скоро, скоро пробьет час конца этого несчастного мира, этой юдоли скорбей! И из тысячи тысяч спасутся лишь единицы. Как вы дерзки и самонадеянны, если мечтаете попасть в их число! Всех ждет пылающее пламя Геенны огненной и торжествующий хохот демонов, которые будут когтями раздирать ваши души. Или вы надеетесь взобраться к Господу по лестнице Иакова? Увы, несчастные, ваши тяжкие грехи потянут вас вниз, в бездонную пропасть! Никому из смертных не подняться по лестнице, по которой ступают светлые ангелы...

Печальный вздох вырвался из груди брата Ульфара, и он на мгновенье опустил голову. Но вскоре собрался с мыслями и продолжал с еще большей горячностью:

– Послушайте меня и содрогнитесь от собственной мерзости. Сколько раз повторять вам, что наш жалкий мир погибает! Скоро, очень скоро, каждый рассыплется в прах! Вашу бrenную плоть будут есть отвратительные черви и гадкие

жабы!¹ А ваши грешные души достанутся на потеху ужасным демонам! Ни на мгновение не забывайте, что вы – жалкий прах, из праха вы вышли, туда же и возвратитесь! Время близится! Великий судия уже стоит у дверей!

– Удивительная новость! – раздался позади Ульфара насмешливый голос. – Все мы умрем и попадем в ад. И неужели ради того, чтобы сообщить эту общеизвестную истину, стоило так орать с утра пораньше? Вот если бы ты принес нам благую весть о каком-нибудь чуде или сказал, что для нас открылись врата рая, тогда бы, пожалуй, стоило лишать людей последнего сна...

Эти дерзкие и кощунственные слова произнес брат Жозеф, направлявшийся куда-то в глубину двора.

– Ну ладно наш великий святой, но вы-то, брат Ватье, какого черта подняли чуть свет этот адский шум?

– Мне надо почистить посуду к обеду, – прозвучало в ответ.

Мрачное и мистическое очарование грозной проповеди было безжалостно разрушено прозой жизни. Махнув рукой или качая головами, крестьяне один за другим начали медленно возвращаться к прерванной работе. Вскоре растерянный и возмущенный брат Ульфар остался под раскидистым деревом совершенно один.

На этот раз неожиданное появление сарацина обрадовало

¹ На одной из средневековых гробниц изображены лягушки, которые едят тело покойной. Возможно, в ту эпоху верили, что жабы питаются трупами.

Жиля. Его издевательский и шуточный тон мгновенно рассеял страшные картины ада, нарисованные неистовым Ульфаром.

Постояв еще немного на пороге, вдыхая свежий и прохладный утренний воздух, молодой человек скоро вернулся в монастырь, продолжая размышлять об этом странном месте и его удивительных жителях.

Монастырь Сен-Реми (именно так называлась эта печальная обитель, затерянная в сельской глуши) и вправду был местом необычным.

Старинные легенды утверждали, что первая церковь на этом месте была воздвигнута еще в те древние и варварские времена, когда языческие земли только начали покрываться христианскими храмами. Благочестивые ирландские миссионеры, вдохновленные высоким примером святого Колумбана и святого Галла, отправлялись в долгие и опасные путешествия, чтобы нести свет своей веры в самые отдаленные уголки Европы. Вскоре и некоторые местные аристократы из Артуа, Намюра и Эно, воодушевленные проповедями ирландцев, стали отрекаться от своих богатств и удаляться от мира. Возможно, одним из таких отшельников и был таинственный святой Ремигий, имя которого теперь носил монастырь. По правде сказать, никто в здешних краях, включая и самих монахов, уже не помнил, кем был этот святой человек и какими чудесами он прославился...

В эпоху клонийской реформы, пришедший в валлон-

ские земли из Франции, монастырь Сен-Реми тоже оказался захвачен этим мощным движением. Повсюду вспыхнуло стремление к очищению погрязшего в роскоши и пороках духовенства. Стремление к чистоте, аскетизму и абсолютному отречению от мира... Мрачное, черное одеяние ключнейцев стало выразительным символом этого отказа от всего земного... То были времена нескончаемых кровавых распрей своевольных сеньоров, времена «божьего мира» и первых Крестовых походов.

В XII столетии началось новое движение за очищение церкви. По воле фанатичного и строгого святого Бернара, отвергавшего сияние витражей, как и любое другое проявление красоты, в Европе выросли скромные обители цистерцианцев и премонстрантов.

Вслед за ними, в XIII веке, сердца верующих стремительно завоевали нищенствующие ордена братьев францисканцев и доминиканцев. Они стремились ни к отречению от мира и уединению, а в гущу людских толп, неся свое учение испорченным и скептическим горожанам. Новые ордена были встречены с радостью и воодушевлением, тогда как старые обители и капитулы вызывали лишь ненависть и презрение своими земельными богатствами, роскошью и развязным поведением монахов.

Ни одно из этих новых веяний не коснулось монастыря Сен-Реми. Правда, в XIII веке, благодаря щедрости какого-то местного сеньора, он был перестроен в соответствии с

новой архитектурной модой, но в остальном жизнь братьев осталась прежней. Здесь продолжали носить мрачные черные одежды, петь хором и отгораживаться от внешнего мира...

Старые орден не без основания обвиняли во владении огромными земельными богатствами и другим имуществом. Таких монастырей было много. Однако, у монастыря Сен-Реми никаких обширных владений не было. Все они давно принадлежали соседним сеньорам.

Затерянная в глухой и тихой, почти безлюдной местности, несчастная обитель служила оплотом разлагающей скуки и праздности. Монахи давным-давно не соблюдали ни обета молчания, ни обета послушания. Опытный и мудрый аббат, отец Франсуа, изо всех сил стоически боролся с ленью и капризами своих немногочисленных подчиненных. Напрасно. Серая, давящая тоска и бессмысленность существования постепенно начинала затягивать в свои сети и его деятельный ум и живую волю...

Время здесь как будто остановилось и повисло в вечности. Трудно было поверить, что где-то в Валансьенне блистал великолепный двор Гильома д'Эно, в Льеже шла непрерывная борьба между епископом и капитулом святого Ламберта, а в вольных городах Брюгге и Генте то и дело вспыхивали восстания ремесленников и городской бедноты. На границе графства Эно и епископства Льежского, в монастыре Сен-Реми, окруженном замками соседних сеньоров, веками ни-

чего не происходило...

Жиль дель Манж, привыкший к деятельной городской жизни, очень скоро ощутил на себе влияние тягостного безделья и скуки. К полудню он не знал, куда себя девать, и во второй половине дня от нечего делать отправился к вечерне.

Вся немногочисленная братия собралась под прохладными, величественными сводами старой церкви и возносила к богу торжественные псалмы. На бледных и задумчивых лицах монахов играли причудливые лилово-красные отсветы витражей, окрашенных багровыми лучами клонящегося к закату солнца...

Но как странен был этот хор!

С усердием и вдохновением пели только аббат Франсуа и брат Ульфар, и их сильные, красивые голоса возносились к высокому, необъятному потолку храма. Брат Колен, не наделенный от природы музыкальным слухом, нещадно фальшивил. Брат Жозеф, напротив, был им одарен, но его резкий, прерывистый голос, подходящий скорее демону, чем ангелу, славящему господа, составлял странный и неприятный контраст мягким и красивым голосам настоятеля и Ульфара. Брат Ватье попросту не знал латыни и безжалостно коверкал непонятные ему звонкие слова.

Печальное зрелище! Когда-то под этими темными сводами звучали вдохновенные голоса нескольких десятков монахов, сливаясь в мощный и великолепный хор, возносивший хвалу всевышнему. Жалкий же хор, звучавший в хо-

лодной церкви сегодня, казалось предвещал времена, предсказанные в проповеди брата Ульфара, когда грешный мир стремительно рассыплется в прах, не оставив после себя ни единого следа, ни единого доброго воспоминания...

IV. Неожиданный визит

Оба некоторое время молчали, придавленные тяжестью своих переживаний: он – обезумев, она – отупев.

Виктор Гюго «Собор Парижской богородицы»

*Was wir nicht hassen,
Das lieben wir nicht.
Gott ist tot. Tanz der Vampire*

*То, что мы не ненавидим,
Мы просто не любим.
«Бог мертв». Мюзикл «Бал вампиров»*

После вечерни аббат знаком подозвал к себе Жилия и произнес:

– Дорогой мэтр, я вижу, что и вас уже одолела наша деревенская скука. Ничего. Скоро у вас появится возможность ее рассеять. Завтра в монастыре соберутся все наши уважаемые сеньоры: барон де Кистель, сеньор де Сюрмон и даже сам граф де Леруа. Они приедут, чтобы изложить вам суть нашей давней и печальной тяжбы, ради которой вы и прибыли сюда.

Это известие обрадовало Жилия, ему не терпелось приступить к исполнению своих обязанностей.

Однако, не успел он поблагодарить настоятеля, как был бесцеремонно прерван братом Ватье, доложившим:

– Там та женщина.

– Сколько раз я просил вас не вмешиваться в чужой разговор! – раздраженно воскликнул отец Франсуа. – Что случилось? Какая женщина?

– Ну та... из замка.

– Из вас не вытянешь ни одного порядочного и толкового ответа!

И, извинившись перед Жилем, аббат отправился взглянуть, кто пожаловал к нему с визитом.

Вернулся он очень скоро, и, подойдя к брату Жозефу, тихо сказал ему:

– Это мадам де Кистель. Она хочет поговорить с вами.

Странная тень пробежала по лицу сарацина, но, овладев собой, он спросил с искренним удивлением:

– Поговорить со мной? Зачем?

– Мне это неизвестно. Прошу вас, не заставляйте даму ждать.

– Женщинам запрещено входить в монастырь, – строго сдвинув брови, сказал брат Ульфар.

– Бог мой, о чем вы вспомнили? – изумился настоятель. – По-вашему, я должен был оставить благородную даму дрожать на морозе?

– Никто не просил ее приезжать сюда...

Брат Жозеф не стал дожидаться конца скучного спора и

направился в приемную монастыря. Он отворил низкую, старую дверь и переступил порог. В маленькой, тесной комнате не было ничего, кроме небольшого деревянного стола и лавки. Бледные лучи солнца все еще освещали холодное, неуютное помещение.

Посреди комнаты стояла блестящая дама в изящном и богатом наряде, вид которой настолько не вязался с убожеством окружающей обстановки, что она казалось случайно заброшенным сюда прекрасным цветком или редкой птицей. Она была одета в роскошное синеватое платье, расшитое сверкающей нитью, и темный плащ небрежно наброшенный на ее хрупкие плечи. Рыжеватые, отливающие огненным оттенком, заплетенные в косы, пышные волосы, словно корона, украшали ее гордую голову. Женщина была очень красива. На первый взгляд она казалась значительно моложе стоявшего перед ней брата Жозефа. Но, приглядевшись как следует, можно было заметить, под густым слоем румян и белил, первые морщинки и нездоровую бледность ее лица. Большие, серые глаза смотрели пронизательно и пристально, красивые, ярко покрашенные губы, были недоверчиво и плотно сжаты. Изящными белыми руками она придерживала полы плаща. Во всей позе женщины чувствовалось странное волнение и напряженность.

Некоторое время замершие в неподвижности люди молча и долго смотрели друг на друга.

Наконец, не дождавшись приглашения со стороны мона-

ха, баронесса медленно подошла к столу и села. Как только она опустилась на лавку, ее стройная спина мгновенно согнулась и ссутулилась как бы от сильной усталости.

– Садись, – произнесла женщина тихим, чуть хриплым от волнения голосом.

Брат Жозеф отрицательно покачал головой и прислонился к стене.

– Что тебе нужно, Сесиль? – спросил он спокойно и просто.

– Ты слышал, графский балъи написал письмо сеньору де Леруа... Он хочет знать, что здесь творится. Он хочет положить конец нашей тяжбе. Он даже послал в наши края своего помощника.

– Я знаю, – невозмутимо отвечал монах. – Этот легкомысленный и глупый горожанин теперь живет у нас. Что же дальше?

– Тебя не пугает решение, которое он может вынести?

– Чего мне бояться? Неужели ты думаешь, что этот вековой спор под силу распутать какому-то жалкому судье, когда и несколько поколений не смогли его разрешить? Безумие! Ты сама прекрасно знаешь, никто и не подумает исполнять его бестолковые приказы. В наших краях не действуют чужие законы.

– А если в дело вмешается сам великий граф д'Эно? – с тревогой спросила мадам де Кистель.

– Граф д'Эно, епископ Льежский... Мне плевать на их вы-

сокие титулы. Я сказал тебе, что мне нечего бояться.

Баронесса умолкла. Она собиралась с мыслями. Вдруг, как бы решившись на что-то, она быстро подняла блестящие глаза на брата Жозефа, и горячо произнесла:

– Подумай в последний раз, Жозеф... Время истекает. Быть может, завтра уже нельзя будет ничего изменить. Еще не поздно. Уступи Волчье Логово мне по доброй воле. Увы, завтра оно может не достаться никому.

Монах взглянул на женщину с глубоким удивлением.

– Я не верю своим ушам! О чем ты просишь меня, Сесиль? Сейчас не время для шуток. Неужели ты думаешь, что я десять лет непрерывно вел эту изматывающую борьбу, чтобы сегодня подарить Волчье Логово тебе?

Он горько усмехнулся.

– Время меняет людей, – задумчиво произнесла мадам де Кистель. – Я не понимаю твоего невероятного упрямства! Зачем тебе эти несчастные, проклятые Богом, земли? Что ты будешь делать с ними? Взгляни вокруг, – она жестом своей тонкой, белой руки указала на голые, серые стены комнаты. – Ты добровольно похоронил себя в этом черном, удушливом склепе. Разве ты можешь надеяться возродиться к жизни? Отсюда нельзя выйти. Печать этого жуткого места навсегда останется на твоей душе...

– А ты, Сесиль, – перебил ее Жозеф, – зачем эти владения тебе?

В уставших и потухших глазах женщины вспыхнул живой

огонек.

– О, у меня есть сокровище, которое имеют немногие! – произнесла она взволнованно и проникновенно. – Мой драгоценный Робер! Он станет моим наследником и будет владеть всеми богатствами рода де Кистелей. Но разве твоему холодному и очерстневшему сердцу о чем-нибудь говорит нежный детский голосок? Господь не дал тебе детей. Ты одинок и покинут всеми... Разве ты сможешь понять, что чувствует мать, обнимая своего обожаемого сына, прижимая его к груди, целуя его непослушные волосы?..

– Я знал одну такую мать, – внезапно прервал ее брат Жозеф. Его голос дрожал, на глазах выступили слезы. Несколько мгновений он боролся с собой, судорожно закусив губу и отвернувшись, потом продолжал: – Где она теперь? Где ее добрые слова, где чудесные волосы, с которыми играл ее мальчик, где ее нежные ласки?! А ее сын... Кто узнает ее маленького, прелестного сына в этом обезумевшем, опустившемся человеке, в этом одиноком изгнаннике в черной одежде, который стоит перед тобой?!

Оба опять замолчали. Монах резко вытер широким рукавом сутаны непрошенные слезы. Баронесса рассеянно теребила пальцами край своего черного плаща. Каждый сосредоточенно глядел в пустоту.

– Как это странно.., – наконец проговорила мадам де Кистель. – Ты мой самый заклятый враг, Жозеф... но только с тобой я могу говорить так откровенно...

– В таком случае, ты счастливее меня. Я не могу открыть свою душу никому в этом мире. Ты не можешь себе представить, как тяжёлый этот груз! В час заката я вижу мертвых. Они приходят и смотрят на меня своими пустыми глазами... Они требуют от меня ответа. Увы, что я могу им сказать?..

При этих словах Жозефа баронесса вскочила с места. Её глаза пылали, губы дрожали.

– Я ненавижу тебя, Жозеф де Сойе! – в бешенстве воскликнула она. – Если бы ты знал, как я тебя ненавижу! Ведь это ты, ты разрушил мою жизнь... Это ты...

– Ты меня ненавидишь! – резко выкрикнул он, и черты его исказились от жестокой, нестерпимой муки. – Слышишь, Сесиль, ты ненавидишь! Ты ещё можешь ненавидеть, ты ещё можешь чувствовать! Ты жива, Сесиль! А я? Я больше не могу ненавидеть... Посмотри на меня, я больше ничего не чувствую, я жалкий труп... Где это жаркое пламя ненависти, которое сжигало меня десять лет назад? Внутри меня зола...

Он задыхался. На мгновение он снова прислонился к стене и закрыл глаза.

– До завтра, – бросила Сесиль, быстрыми и решительными шагами направляясь к двери. – Я буду молить Бога, чтобы лучи рассвета осветили твой жестокий позор и поражение...

– Проклятое завтра! – иступленно крикнул Жозеф ей вслед. – Пусть завтра обвалятся своды этого несчастного монастыря! Мне отвратительны теплые лучи рассвета! К чему Бог создал это бесполезное солнце? Чтобы оно освеща-

ло мои муки?! Когда они закончатся эти проклятые, новые дни?..

Дверь громко захлопнулась. Последних слов Сесиль уже не слышала. Он остался один.

Тогда Жозеф медленно съехал вниз по стене и сел на пол. Бледные закатные лучи погасли. В маленькой комнате давно стало темно. А он все продолжал неподвижно сидеть на месте и невидящим взором созерцать скользящие, зыбкие тени на голой, холодной стене...

V. Владение

*Бедный старый близорукий Родерих! Какую злую силу вы-
звал ты к жизни, думая навеки укоренить свой род, ежели
самые первые его побеги иссушила смертельная отрав.*

Э. Т. А. Гофман «Майорат»

Ното homini lupus est.

Человек человеку волк.

Следующее утро выдалось пасмурным и серым. Тяжелые, темные тучи затянули все небо, не давая пробиться ни одному солнечному лучу. День как будто не желал наступать. В воздухе кружились редкие, большие хлопья снега, предвещающая скорый снегопад.

Хрустальная, печальная тишина во дворе монастыря Сен-Реми снова была нарушена множеством сменявших друг друга звуков. Но на этот раз то была не одинокая проповедь брата Ульфара и повседневный шум крестьянских работ. Морозный воздух наполнился звонким топотом конских копыт, лошадиным ржаньем, громким звоном оружия и властными голосами приезжих.

Выглянув в окно, можно было увидеть на фоне белого, чистого снега, кое-где уже испачканного лошадиными копытами, яркие одежды богатых сеньоров, вооруженных страж-

ников и вассалов, дамский портшез² с тяжелым занавесом, усеянным пушистой бахромой, красивых лошадей в цветной упряжи.

Немногочисленные монастырские крестьяне в спешке метались из стороны в сторону, стараясь разместить поудобнее всю эту праздную толпу, так неожиданно и внезапно свалившуюся на их головы...

Сеньоры и их слуги спокойно прогуливались по заснеженному двору, приветствуя друг друга, раскланиваясь и переговариваясь между собой. То и дело слышны были то удивленные возгласы, то короткие приказы, то громкий и несдержанный смех.

Впрочем, Жилю дель Манжу некогда было любоваться этими красотами деревенской жизни. Он делал последние приготовления перед советом: искал бумаги, данные дядей, вспоминал сложные тяжбы, с триумфом распутанные великими клириками и юристами, и просто собирался с мыслями.

Вскоре за ним пришел отец Франсуа, и они отправились в трапезную монастыря, где и должно было состояться торжественное собрание. Очевидно, эта зала, за неимением лучшей, всегда служила местом действия во всех важных случаях.

Войдя под сумеречные своды, Жиль учтиво поклонился

² Портшез – переносное кресло, в котором путешествовали знатные люди в эпохи, когда еще не было карет.

высоким гостям и сел на место, указанное ему аббатом.

Все жители монастыря были уже в сборе. Рядом с настоятелем, любезно улыбавшимся приезжим сеньорам, в задумчивости сидел брат Колен, положив переплетенные пальцы на стопку бумаг, которая возвышалась перед ним на столе.

Подальше от них, в тени большой оконной ниши, расположились братья Ульфар и Жозеф. Фламандец, по своему обыкновению, был спокоен и отрешен от всего происходящего. Побледневшее и подурневшее от бессонной ночи лицо сарацина, напротив, выдавало сильное внутреннее волнение. Темные тени залегли под глазами, брови сурово сдвинулись. Носком башмака он нервно постукивал по сырому, каменному полу.

Брат Ватье, который в числе прочих работ, исполнял еще и роль привратника, стоял у дверей и объявлял имена и титулы важных гостей, сокращая их до односложных обозначений по каким-то, известным лишь ему одному, странным правилам.

Кроме уже знакомых ему монахов, Жиль также заметил в зале еще несколько человек, которых он пока не знал. Судя по их богатой одежде и властным жестам, это и были местные сеньоры.

Прямо напротив брата Жозефа сидела роскошно одетая рыжеволосая дама. Ее резкие движения и настороженное выражение лица выдавали такое же нервное напряжение, какое владело сарацином.

За спинкой кресла прекрасной дамы, звеня оружием и шпорами, расхаживал по зале сильный и статный человек лет сорока. Взгляд его был уставлен в пол, густые брови грозно и нетерпеливо хмурились. Крупные и жесткие черты лица выдавали присущую ему решительность и прямолинейность. Темно-русые волосы в живописном и пугающем беспорядке падали на лицо. Сильной рукой, затянутой в грубую кожаную перчатку, сеньор крепко сжимал рукоять висевшего у него сбоку тяжелого, старого меча, не расставаться с которым, по видимому, давно вошло у него в привычку.

По левую руку от аббата сидел просто и скромно одетый старый господин, имевший вид небогатого мелкого вассала, прошедшего жизнь в постоянных походах, но не получившего за свои труды почетной награды. На спокойном и немного грустном лице старика, обрамленном прямыми седыми волосами, лежала печать усталости и смирения. Подобно сеньору, расхаживавшему по зале, он так же не расстался со своим большим, старым мечом, поставив его рядом с креслом.

Должно быть, все собравшиеся дожидались еще кого-то, так как совет все не начинался.

Эта догадка Жиля вскоре была подтверждена словами брата Ватье, который, широко распахнув дверь, объявил в своей лаконичной манере:

– Граф.

Если бы солнце наконец пробилось сквозь мрачные зим-

ние тучи, вряд ли оно принесло бы с собой больше света и блеска, чем великолепный, сверкающий сеньор, появившийся на пороге. На пышном, шикарном плаще и ярком, алом берете серебристыми точками сверкал тающий иней. Высокую, стройную фигуру графа облегало двухцветное, красное с белым, блио, расшитое золотой нитью, и такого же цвета шоссы. Изящество и грациозность красивых, белых рук подчеркивали длинные, разрезные рукава и тонкие перчатки. Походка и жесты сеньора де Леруа отличались уверенностью, придворной, изысканной размеренностью и церемонностью. Граф точно не шел по зале, а нес себя, как великую драгоценность. В презрительно и высокомерно прищуренных светлых глазах читалась огромная гордость, глубокий ум и властность. Красивые и правильные черты лица поражали величию и надменностью прирожденного властителя, с детства привыкшего к роскоши и исполнению своего малейшего каприза.

Граф был не один. Но из-за эффекта, произведенного его блистательным появлением, второго его спутника совсем нелегко было заметить. Это был тонкий, хрупкий юноша лет восемнадцати-двадцати, облаченный в черный, пышный наряд, который еще сильнее подчеркивал его природную бледность. Скучающее и рассеянное выражение его лица составляло удивительный контраст с живым и пронизательным выражением графа.

При появлении сеньора де Леруа все собравшиеся в за-

ле поспешно встали и застыли в глубоких, почтительных поклонах.

Граф ответил милостивым кивком и занял место за главным концом большого, терявшегося в полумраке стола.

– Мы можем начинать, – произнес Гильом де Леруа мужественным, но в то же время мягким и приятным голосом. – Где посланник почтенного бальи?

Жиль снова встал и отвесил графу второй поклон.

– Уважаемый мэтр, – продолжал граф, – наша старая тяжба состоит в том, что мадам Сесиль, баронесса де Кистель, – тут он указал на рыжую женщину, – оспаривает права мессира Жозефа, сеньора де Сойе, – последовал жест в сторону сарацина, – на Волчье Логово.

Конец фразы показался молодому человеку до того нелепым, что он удивленно переспросил:

– Волчье Логово? Что это значит?

– Это название, которое люди в здешних краях дали моему старому замку, – раздраженно перебил его сарацин. – То ли потому, что кто-то из моих древних предков был диким и необузданным, как зверь, то ли просто потому, что рядом находился лес и к замку часто подходили волки... Мало ли чего не выдумает темный люд! К делу все это не относится...

– Хорошо, хорошо, – примирительным тоном ответил Жиль. – На каком же основании благородная баронесса оспаривает права мессира Жозефа? Она состоит с ним в родстве?

– Да, – тихо обронила мадам де Кистель, – вы правы. Я

кузина Жозефа де Сойе. Наши отцы были родными братьями...

– К несчастью, – со вздохом вырвалось у сарацина.

Жиль начинал понимать все меньше и меньше. Как могли быть родственниками эта бледная женщина и смуглый, черноволосый язычник?

– Мой отец, Робер де Сойе, был младшим братом Жана де Сойе, отца Жозефа. Он женился на дочери соседнего сеньора, мессира Фастре де Пре, Жанне де Пре. Я их дочь и наследница.

– Вы являетесь единственной наследницей, мадам? – учтиво осведомился Жиль. – У вас больше нет братьев и сестер?

– Мой брат, Филипп де Сойе..., – еле слышно вымолвила баронесса.

– Где же он?

– Он умер, – раздался мрачный голос сарацина.

Сесиль разразилась диким, истерическим смехом. Все присутствующие невольно вздрогнули.

– Замолчите, черт вас возьми! – грубо крикнул сеньор с тяжелым мечом и в кожаных перчатках. – Я привез вас сюда не для того, чтобы смотреть ваши полоумные представления и слушать глупые капризы!

Мадам де Кистель повиновалась с явной неохотой. Ее плечи все еще продолжали судорожно вздрагивать от подавленного смеха.

– Если я правильно понимаю, – снова начал Жиль, – вы мессир Жозеф, сын Жана де Сойе и его жены?

– Его второй жены, – поправил монах, и голос его дрогнул.

– Вот как... Ну что ж, благородная баронесса дочь младшего брата, а замок принадлежит старшему и его наследникам. Ведь в здешних краях существует майорат³? Что говорят об этом кутюмы⁴ вашей местности?

– Да, майорат здесь существует, как и в соседних землях, – отвечал граф де Леруа. – Но вам следует еще учесть, достойный мэтр, что покойные сеньоры де Сойе приносили оммаж⁵ моему отцу, будучи его вассалами. Я хочу сказать, что земли де Сойе являются старинным фьефом⁶ графства Леруа.

– О.., – протянул несколько озадаченный племянник бабьи. – Постойте, монсеньор. Позвольте мне сначала разобраться с правом наследования. Итак, замок принадлежит наследникам Жана де Сойе... а это мессир Жозеф. У вас ведь нет других братьев?

– Был. Он тоже мертв.

³ Майорат – правило, согласно которому все владение доставалось в наследство старшему сыну, во избежание дробления феодалов.

⁴ Кутюмы – обычаи, характерные для той или иной местности в эпоху средневековья. Северная Франция и Фландрия были странами неписанного права. В Эно, в отличие от Брабанта и некоторых других фламандских графств, не существовало никакой территориальной конституции.

⁵ Оммаж – клятва верности, которую вассал приносил своему сеньору, связанная с рядом обязательств с обеих сторон.

⁶ Фьеф, как и лен, – в некоторых областях варианты названия феодала (земельного владения, зависимого от какого-либо сеньора).

От этих кратких и загадочных ответов сарацина и от взвинченного состояния баронессы атмосфера становилась все более мрачной и напряженной.

– Таким образом, единственный наследник замка де Сойе мессир Жозеф, это все...

– Нет, не все! – воскликнула мадам де Кистель. – Как вы могли заметить, Жозеф сменил костюм сеньора на одеяние монаха. К чему ему теперь его наследственные земли?!

На глазах дело становилось все более запутанным и неразрешимым...

– Вы забываете, мадам, – вмешался отец Франсуа, – что, когда мессир Жозеф вступил в нашу скромную братию, он принес свои земли в дар святой обители.

– Проклятье! – прогремел господин, несколько минут назад повздоривший с мадам де Кистель. – А какое право имел этот чертов язычник завещать порядочные земли поповской братии?!

– Я прошу вас не вмешиваться, сеньор де Кистель, – жестом приподнятой руки остановил его граф.

Несчастный горожанин почувствовал, что начинает медленно приходить в отчаяние.

– Это правда, мессир Жозеф? Вы подарили ваши владения монастырю?

Сарацин угрюмо кивнул.

– У меня есть бумага, подписанная мессиром Жозефом, которая удостоверяет этот дар, – вставил брат Колен, протя-

живая Жилю старую бумагу.

– А владения, отданные Господу Богу не могут больше принадлежать несчастным грешникам, – прозвучал из-под капюшона замогильный голос брата Ульфара. – Земли, находящиеся под покровительством нашей Святой Матери Церкви, уходят из-под власти дьявола, который правит в умирающем мире...

– Насколько мне известно, – робко начал Жиль, – в некоторых местах запрещено передавать земли в дар Церкви, ибо это влечет за собой «умерщвление лена»⁷...

– Подобного запрета в наших кутюмах нет, – резко перебил его брат Колен, бросив в сторону горожанина недовольный взгляд.

– Кто дерзнет оспаривать владения у самого Всевышнего?! – грозно воскликнул Ульфар. – Эти земли получил в дар сам святой Ремигий, наш великий и милосердный покровитель!

– Да плевал я на вашего святого со всеми его гнилыми костями! – взревел барон де Кистель, так треснув по столу кулаком, что тот заскрипел, а все собравшиеся вздрогнули от неожиданности. – Это проклятое Волчье Логово, это совиное гнездо, или как его там, принадлежит моей жене!

– Только через мой труп! – воскликнул брат Жозеф, стре-

⁷ С XIII века было запрещено передавать земли церкви, так как происходило «умерщвление лена» (церковь не была связана обязанностями военной службы). Тем не менее, конфликты из-за владений между светскими сеньорами и церковными еще долго продолжались.

нительно вскакивая с места. – Мой замок никогда не достанется Сесиль де Кистель, дочери того проклятого человека! Лучше пусть я буду гореть в аду!

– О да! – вскричала баронесса, впившись в сарацина пристальным, издевательским взглядом, который как будто с наслаждением подмечал незримые признаки тления на его лице. – О да! Ты будешь гореть в аду! Я вижу над твоей головой мрачные черные крылья смерти! Посмотри на себя, скоро ты будешь тлеть в могиле, а я с моим мальчиком буду владеть замком де Сойе! Ты разрушаешься и умираешь заживо! Это твое наказание, Жозеф! Наказание за твою преступную жестокость!

– За мою преступную жестокость?! Где был равнодушный Бог, когда твой отец отнял у меня все и разрушил мою душу! Десять лет она истекает кровью! – и брат Жозеф с силой ударил себя кулаком в грудь. – Десять лет и тысячу дней я умираю по крохотной частице моего существа! Будь ты проклята, Сесиль!

– Будь проклят ты и весь твой род!

– Но это и твой род тоже!

– Да подавитесь вы оба своими бреднями! Рога дьявола!

Мне нужно Волчье Логово!

– Не забудьте про оммаж! Это фьеф графства Леруа!

– Дерзкие грешники! Как смеее вы отбирать земли у Бога?!

– У меня есть грамота!

- Можешь ее сожрать, старый поп! Да чтоб ваш чертов монастырь провалился вместе с вашим поганым сарацином!
- Не раньше, чем обвалятся своды твоего замка!
- Ты будешь гореть в аду!

Неистовые выкрики и вопли смешались в одно. Больше невозможно было разобрать ни слова. Искаженные лица пылали дикой, неукротимой вековой яростью и злобой. В пылу ссоры барон де Кистель и брат Жозеф обменивались ужасными, кощунственными ругательствами. Лицо барона дышало свирепостью вепря, лицо сарацина – жестокостью хищной птицы. С брата Ульфара слетел капюшон, великолепная прическа баронессы де Кистель растрепалась, и теперь на ее искаженное бешенством лицо, точно языки пламени, падали длинные огненные пряди. Даже граф Леруа, аббат, старый сеньор и сын графа больше не могли сохранять спокойствия. Они тоже что-то возбужденно выкрикивали с пылающими лицами...

С ужасом и глубоким отвращением смотрел Жиль дель Манж на разыгравшуюся перед его взором уродливую сцену. Разве эти пылающие жаркой ненавистью глаза, разве эти перекошенные лица могли принадлежать блестящим благородным сеньорам и святым, благочестивым братьям?! Да человеческие ли существа перед ним?.. Кажется, еще немного и они вцепятся друг другу в горло, как голодные, злобные волки... Быть может, только днем принимают они человеческое обличье, чтобы жить среди людей... А ночью рыщут

по пустым, заброшенным дорогам в поисках свежей, горячей крови...

А резкие и охрипшие от ярости голоса не смолкали. В сумрачной зале становилось все темнее и темнее. За окнами густой стеной валил частый, сверкающий, белый снег...

VI. Витражи

С горящих яркими красками фресок на обширной стене смотрели бы на тебя, сквозь сумрачную листву платанов, ясные, полные жизни очи святых.

Э. Т. А. Гофман «Эликсиры Сатаны»

Высокие окна хоров поднимали над черными драпировками свои стрельчатые верхушки, стекла которых, пронизанные лунным сиянием, были расцвечены теперь только неверными красками ночи: лиловатый, белый, голубой – эти оттенки можно найти только на лице усопшего.

Виктор Гюго «Собор Парижской богородицы»

Позолота в одном месте опала, в другом вовсе почернела; лики святых, совершенно потемневшие, глядели как-то мрачно.

Н. В. Гоголь «Вий»

Разумеется, на собрании ничего определенного не решили. Безумием было бы надеяться в один день разрешить этот старинный, жестокий спор. Теперь Жиль это понял...

Медленно расходились благородные гости, продолжая обмениваться недобрыми, угрюмыми взглядами, в которых пламя ненависти, казалось, не утихало ни на миг... Настоя-

тель провожал их со всевозможными почестями.

Потом он подошел к графу Леруа и вежливым, но усталым голосом напомнил ему, что недавно граф выражал желание осмотреть новые витражи в церкви. Несмотря на поздний час, Гильом де Леруа согласился и велел сыну следовать за ним. Юноша исполнил приказание отца неохотно. Очевидно, красоты витражей интересовали его куда меньше, чем графа.

Уставший и подавленный, Жиль тоже попросил разрешения пойти со всеми в церковь, что было ему тут же позволено.

При мягком, матовом свете снежного вечера храм уже не казался таким мрачным, каким он предстал перед взором горожанина в первый раз. Чуть заметное свечение, разливавшееся по старой церкви, было светлого, нежно-голубого цвета. Оно напоминало таинственный лунные лучи в теплую, летнюю пору, когда мошकारа танцует у яркого пламени свечи... Искры, вспыхивающие на многочисленных витражах, блистали ровным, золотистым оттенком. Под изящными, высокими сводами было гораздо светлее. На этот раз вся обстановка рождала возвышенные мысли, дарила жизнерадостное настроение и манила надеждой...

В церкви аббата и графа Леруа уже ожидала вся скромная братия. Брат Колен выступил вперед и почтительно произнес:

– Сегодня монсеньор сможет взглянуть, на какие благоче-

стивые дела идут его щедрые пожертвования. Наша несчастная обитель часто подвергалась бедам и испытаниям. Не успела она отстроиться, как половину витражей уничтожил внезапный пожар, а другую – грозная буря... Но, с Божьей помощью, мы понемногу восполняем эту потерю. Увы, монастырь наш скромн и беден, у нас не хватает средств, чтобы нанять какого-нибудь знаменитого художника для росписи витражей. Поэтому нам приходится довольствоваться услугами брата Ульфара и брата Жозефа, которые обучены этому искусному ремеслу. Идемте, монсеньор, они покажут вам свои незатейливые творения.

Возле одной стены, прорезанной рядом высоких окон, стоял Ульфар, спрятав руки в широкие рукава сутаны и пристально глядя на свои рисунки, покрывавшие цветные стекла.

Сеньор де Леруа стал с увлечением разглядывать сиявшие перед ним серебристые витражи.

На первом окне была изображена святая Троица во всем своем неземном блеске и величии. Она как бы открывала длинный ряд остальных картин, на которых мощным и широким потоком разворачивалась библейская история.

Все начиналось с сотворения мира, с цветущих райских садов, изобилия живности и диковинных трав. Но светлые и мирные краски очень быстро сменялись более драматичными и темными.

Вот вздорная, легкомысленная и злонравная Ева с пре-

ступным удовольствием слушала сладкие речи лукавого Змия. На ярких устах ее играла смутная, сладострастная улыбка. А Змий с человеческой головой изящно изгибался вокруг ствола могучего зеленого дерева. Ева грациозно склоняла к нему свою хорошенькую и глупую голову...

Следующая картина повествовала об изгнании своевольных и неразумных людей из светлого и прекрасного рая. Несчастный Адам, погубленный своей коварной супругой, рыдая, закрывал пылающее от стыда лицо. Ева же, обернувшись к зрителям, торжествующе и дерзко улыбалась.

Эти драматичные сцены как бы говорили людям, созерцавшим их, о краткости и непрочности человеческого счастья, о порочности женской природы, о греховности и безумии людей, не имеющих сил противостоять хитрым и тонким ухищрениям Сатаны. Они призывали быть настороже: повсюду грех, порча и гибель!

Другой витраж со всей беспощадностью живописал ужасы всемирного потопа. Огромные, свирепые волны неудержимой стихии вздымались до небес. На лицах людей застыли отчаяние и жестокий страх, руки были подняты в напрасной мольбе... Чудовищные волны, то тут, то там разлучали мать с ребенком, жену с мужем, брата с сестрой... А где-то на заднем плане картины виднелся маленький Ноев ковчег, счастливо избегший неистовства стихии и стремящийся к новой, безгрешной жизни...

И опять картина говорила о хрупкости и скорой гибели

ужасного, грешного мира, о ничтожности и безумии рода людского... И спасутся единицы из тысяч! Но кто из нас праведник?

Грандиозное зрелище всемирного потопа сменялось изображением светлой и дивной лестницы Иакова, явившаяся ему в пророческом сновидении. Бесплотные, прозрачные души, прилагая усердные усилия, устремлялись по ней ввысь. Но достигнет ли хоть одна из них конца нелегкого пути?.. Вершина божественной лестницы терялась и таяла в необъятных, холодных небесах...

Далее взор останавливался на юном Давиде, попиравшем ногою тело поверженного чудовищного Голиафа. В чертах победителя читалось жестокое торжество, без проблеска милосердия к павшему врагу... Не так ли и великая церковь Христова в конце концов одержит победу над язычниками, святотатцами и еретиками, над всеми подлыми врагами христианской веры?..

Следующий витраж являл несчастного прокаженного Иова, восседающего на гноище, и в своем ужасном и невежественном ослеплении посылающего жалобы Всевышнему. Страдальческое лицо и удивительная худоба Иова вселяли в душу зрителей тревогу и печаль... Как жалок и ничтожен всякий смертный, как он полон мерзости, как горька его заслуженная доля!

На этом ветхозаветная история на рисунках брата Ульфера заканчивалась, и начинались эпизоды из жизни Иисуса.

На сценах детства Христа Ульфар не останавливался, с самого начала он живописал удивительные и великолепные чудеса, совершенные Спасителем за время его пребывания на земле. На одном витраже их было представлено множество: Иисус то воскрешал погребенного Лазаря, то умирлял бесноватого, то излечивал безнадежных больных, то изгонял бесов, вселившихся затем в стадо свиней... На все эти удивительные и великие деяния с трепетом взирала пораженная и потрясенная невежественная толпа.

Далее шла вдохновенная проповедь апостола Павла. Седобородый старец с суровым и замкнутым лицом произносил пылкую, мрачную речь, неистово сверкая очами...

Два окна еще продолжали оставаться почерневшими от пожара и не расписанными заново.

С последнего же витража на смущенных зрителей взирал грозный, вопрошающий, неумолимый Иисус на Страшном суде во всем блеске своего величия и славы. Его окружало темное, грозное облако, и сами очи, казалось, металы молнии, готовые испепелить несчастных грешников, простертых у его ног. Берегитесь, смертные, близок, близок час заката и гибели этого умирающего мира! Близок суд, близки ужасы пылающего ада!

Все рисунки брата Ульфара поражали редкой правильностью и гармонией линий, неподвижностью и величием застывших поз, суровостью и отрешенностью лиц и тягостной мрачностью колорита. Они были окрашены в синие и тем-

ные, холодные тона, кое-где разбавленные белым и серебристым. Горько и печально становилось на сердце у людей, когда они созерцали его творения. Стыд и страх поселялись в душе. Стыд за свою грешную, неисправимую природу и страх перед грозным божьим судом и ужасами огненного ада...

Долго и внимательно рассматривал Гильом де Леруа картины святого брата. Наконец он произнес:

– Ваши рисунки в высшей степени прекрасны и поучительны. А что же вы намерены изобразить на оставшихся двух окнах?

– Распятие и Вознесение Господа нашего Иисуса Христа, – перекрестившись, отвечал брат Ульфар.

– Весьма похвальное намерение...

И все отправились ко второй стене, где, опустив голову, задумчиво и одиноко стоял бледный и измученный недавней ссорой брат Жозеф.

Здесь перед пришедшими предстало совершенно иное зрелище.

Неожиданно и внезапно картина открывалась сценой убийства Авеля его непокорным и неистовым братом. Из уст поверженного на землю Авеля катились алые, как лучи заката, капли крови, в полуудивленном, полуиспуганном взгляде застыл ужас и немой вопрос. Угрюмый и бледный, стоял над ним одинокий и отверженный Каин, и с горечью, но без тени раскаяния, созерцал жестокое дело рук своих... На лицах

братьев, как отсвет пламени, еще пылало неистовство ссоры, но в растерянных и печальных глазах уже замерла глубокая, черная тоска...

На соседнем витраже зрителей встречал коленопреклоненный Моисей, затерянный в далекой, мрачной пустыне. Народ его покинул своего пророка, и он, в отчаянии стиснув пальцы, посылал к небу жаркие и страстные мольбы о желанной, неведомой земле... Но безответное небо было равнодушно к его страданиям...

Дойдя до этого витража, Жиль дель Манж присмотрелся внимательнее, и в чертах Моисея ему почудилось смутное сходство с отцом Франсуа...

Печальное одиночество Моисея составляло странный контраст с дивным одиночеством Ребекки, замечтавшейся у своего колодца в предчувствии любви и новой жизни. Она была нечеловечески прекрасна и совершенно непохожа на других людей. Под сияющим белизной покрывалом черными змеями вились длинные, великолепные косы. Огромные, черные глаза сияли, как звезды в жаркую ночь. Красные, как гранат, губы таинственно улыбались. На тонких руках висели золотые браслеты. Казалось, вот-вот она шевельнется, и раздастся тихий, мистический звон...

Безмятежное счастье юной Ребекки сменялось драматической и напряженной картиной. Благородный, облаченный в позолоченные наряды, великий царь Давид отправлял на войну своего верного слугу Урию. Недоверчиво и печаль-

но оглядывался Урия на своего величественного господина, под доброжелательной и приветливой маской которого смутно проступали стыд, озлобленность и тревога... Позади них стояла красивая, роскошно разодетая женщина и мрачно и косо смотрела в их сторону. В лице царя Давида можно было уловить едва приметное сходство с благородным графом Леруа, в лице Урии – с неистовым бароном де Кистелем. У Вирсавии были выющиеся непослушными кольцами рыжие волосы...

На следующем витраже, под раскидистым зеленым деревом, вели задушевную и нежную беседу царь Соломон и царица Савская. Царица представала во всем блеске своей экзотической, восточной красоты. Она сидела на пушистой траве в грациозной и задумчивой позе, держа в руке только что сорванную маленькую маргаритку. А быть может, цветок был подарен ей изысканно любезным царем Соломоном, который тоже почему-то напоминал почтенного аббата... Беседующие люди не сводили друг с друга восхищенного и восторженного взора...

И снова в очаровательные картины счастья вривалась жестокая, преступная и вопиющая действительность. Рыжая женщина, в алом блестящем одеянии, со сверкающими браслетами танцовщицы на ногах, несла в руках блюдо с отрубленной, окровавленной головой. В ее лице не было ни радости, ни торжества, а только недоумение и смутная горечь читалась в дрожащих губах и медленных, тяжелых движе-

ниях... Жила вновь поразило сходство Саломеи с баронессой де Кистель. Отрубленная голова Иоанна Крестителя со слипшимися от крови волосами и с чертами уже тронутыми тленьем имела лицо самого брата Жозефа!

Дальше шло несколько окон, безжалостно разбитых бурей и острыми ветвями деревьев. Расколотые, потемневшие стекла одиноко и угрожающе торчали в них, подобно твердым, черным скалам на берегу бушующего моря...

Потом начинались сюжеты из Нового Завета.

С одного из витражей на зрителей пристально смотрели мудрые евангелисты со старыми свитками в руках. Хорошо приглядевшись, можно было узнать в каждом из них кого-нибудь из благочестивых братьев. Так восторженно и неистово созерцающий видения Иоанн имел сходство с братом Ульфаром. Спокойный и уравновешенный Лука – с Коленом, пылкий и вдохновенный Матвей – с аббатом. А загадочный и скучающий Марк, небрежно опустивший руку со свитком, смуглым цветом лица напоминал самого художника.

Следующая картина изображала одинокую молитву Иисуса в Гефсиманском саду, в ночь перед его арестом. В темном, усыпанном сверкающими огоньками звезд, ночном небе парила волшебная чаша, излучавшая чудесный свет. Но печальный и отрешенный Христос не смотрел на нее. Его голова была грустно опущена, руки бессильно повисли, как плети...

Далее следовал предательский поцелуй Иуды, стоявшего в окружении римских легионеров. Лица Иуды не было видно, он крепко сжимал в объятиях грустного и страдающего Спасителя...

Заканчивалась эта удивительная вереница сюжетов так же внезапно, как и начиналась. У пустого креста сидела сгорбленная, одинокая женщина в траурном черном покрывале. Эта была все та же загадочная чужестранка, только постаревшая и поседевшая. Но каким же глубоким и горьким нечеловеческим горем дышало ее столь прекрасное когда-то лицо!

В картинах брата Жозефа, казалось, не было связи и единого плана, как в рисунках Ульфара. Эпизоды жестокой борьбы сменялись зрелищем безмятежного счастья, а оно, в свою очередь, легко переходило в безысходное, мучительное страдание... Под стать сюжетам, была и нервная, пламенная манера художника. Рисунки поражали неровными, резкими, изломанными и дерзкими линиями. На витражах неистовствовал сверкающий хаос красок. Синее и зеленое тонуло и угасало в черном, только для того, чтобы в следующее мгновение озариться пламенем алого.

Мир, изображенный Жозефом, был недобрый, жестоким и печальным, как и у брата Ульфара. Но если картины фламандца подавляли своим величием и заставляли думать о собственном ничтожестве, то рисунки сарацина на некоторое время оставляли в растерянности... О чем они говорили? Они тоже порой внушали ужас и отталкивали, но тут же

снова приковывали тонуший в них замороженный взор, точно глубокая пропасть, которая то отталкивает, то снова притягивает смотрящего. Яркие картины счастья и отчаяния, грехов и страстей воскрешали в сердцах далекие воспоминания, касались затаенных струн души, будили горячее сочувствие к чужим драмам, шептали о чем-то родном и невероятно близком...

Не мог оторваться от них и благородный граф Леруа.

– Право, никогда я не видел ничего столь удивительного и столь ранящего душу, – наконец искренне признался он. – А что будет на разбитых окнах?

Пробужденный от своей глубокой задумчивости вопросом графа, Жозеф резко вскинул голову. Несколько мгновений он сосредоточенно хмурил брови, потом ответил упавшим голосом:

– Не знаю...

– Ваше удивительное искусство порадовало и растрогало меня, любезные братья, – обратился граф к обоим монахам. – Мир, изображенный вами, Ульфар, мрачен и страшен. Он гибнет, и мы гибнем вместе с ним. А ваш мир, Жозеф, замкнут и печален, он полон страстей и отчаяния. Это круг страдания, из которого нет выхода. У этого мира нет конца...

С этими словами благородный граф покинул монастырь, так как было уже поздно, и вечерние сумерки сгустились на дворе.

Брат Ульфар позвал с собой Жозефа, и они вместе отпра-

вились в мастерскую, где у них еще остались неоконченные дела.

Мастерская располагалась в небольшом здании во дворе монастыря, и с виду напоминала обычный деревянный сарай.

Внутри было темно и тихо. На большом, широком столе в беспорядке валялись высокие деревянные панели, на которых чертили рисунок прежде, чем перенести его на стекло, свинцовые полосы, которыми скреплялись фрагменты витражей, а также сами хрупкие, маленькие кусочки стекла. Некоторые из них были еще пустыми и бледными, а некоторые уже сверкали цветными, сияющими красками, заставляя взор теряться в хаосе фантастических, зыбких оттенков.

В углу можно было заметить потушенную печь и различные инструменты для работы со стеклом.

В комнате витал легкий запах охры и еще каких-то странных веществ, служивших для приготовления красок.

Ульфар зажег одинокую свечу, стоявшую на столе, Жозеф сел на лавку и окинул усталым, неприязненным взглядом царивший в мастерской беспорядок.

– Нет, не хочу ничего сегодня делать, – произнес он, потирая рукой лоб.

– Как ты ленив и беспечен, – наставительным тоном начал фламандец. – Наше ремесло требует труда и усердия.

– Труда и усердия требует какое-нибудь полезное дело: работа в поле или постройка дома. А это проклятое ремесло

требует целиком всю душу и разум... Можно запереться тут навечно и упражняться в рисовании целыми часами. Но ничего, кроме безжизненных и пустых картин из этого не выйдет! Рисунки должны рождаться из безумных и необузданных ночных фантазий и видений, которые тревожат наш рас­судок в непроницаемом мраке...

– Это дьявол по ночам обольщает твой нетвердый ум, – перекрестился брат Ульфар. – Божественные откровения не являются под покровом тьмы, а лишь при ярком солнечном свете. Ты полагаешь, что Господь примет твои картины, вну­шенные дьяволом? О, как же ты заблуждаешься...

– Господь давно отверг меня самого, – мрачно проговорил сарацин, и взгляд его опять стал пугающе неподвижен. – Какое ему дело до моих витражей...

– Ты безумен и несерьезен, – продолжал Ульфар. – Любое неосторожное слово или нежданное событие способно выве­сти тебя из равновесия и лишит покоя. Разве таким должен быть художник, посвятивший себя Господу? Вот потому-то все твои творения и отличаются этой вздорной, необуздан­ной и дикой силой. Ты изводишь краски, не раздумывая и не считая...

– А, по-твоему, лучше было бы, если б я всю жизнь выво­дил прямые линии и рисовал живых мертвецов?! – вспылил брат Жозеф. – Да от твоих унылых и скучных картин самому святому Реми стало бы тошно!

– А ты своей нелепой, яростной мазней только радуешь

дьяволов в аду! Чему могут научить эти опасные бредовые видения? Мои картины призваны пробудить в людях стыд и горечь при виде их грехов, и, тем самым, направить их по пути исправления. А ты только будишь в сердцах грешников сочувствие к их порокам!

– С тех пор, как стоит мир, люди только и совершают преступления, горько страдая и терзаясь от невзгод и несчастий, – отвечал Жозеф. – Еще ни одному проповеднику не удалось их исправить, сколько бы он не сотрясал воздух благими призывами... Люди совершают преступления не от того, что взглянули на мои картины. Напротив, это я живописую их жизнь, полную жарких страстей и жестоких ошибок...

– А твоя неопишуемая дерзость, которая побуждает тебя придавать святым лица ныне живущих грешников! – с негодованием вскричал брат Ульфар.

– Когда-то и у святых были человеческие лица...

– Задумайся о своей пустой, грешной жизни, – не унимался Ульфар. – Раскайся в своих заблуждениях. Вернись в объятия Всевышнего. Вернись к мыслям простым, светлым и понятным. Позабудь свою необузданную гордыню и пылкий гнев. Стань другим человеком, брат Жозеф. Иначе ты будешь добычей демонов в аду!

– Да пропади ты пропадом! – не выдержал Жозеф, вскочив с места и решительно направляясь к двери. – С дьяволами в преисподней веселее, чем с твоими нудными и неснос-

ными проповедями! Никогда мне не стать другим! Даже если бы я этого и пожелал...

И он быстро вышел из мастерской, оставив брата Ульфера наедине с крохотным огоньком свечи и холодными, безмолвными стеклами...

VII. Мрачные мысли

Этот мир, как он есть, выносить нельзя. Поэтому мне нужна луна, или счастье, что-нибудь пускай безумное, но только не из этого мира.

Альбер Камю «Калигула»

О, Господи! Ты дал мне отсрочку, но прежде, чем твой меч вернется, чтоб сокрушить меня совсем, да рассеет он несусветный узел гнездящихся во мне противоречий, чтоб на миг единый, на пороге небытия, познать себя... Много лучший и много худший...

А. де Монтерлан «Мертвая королева»

Раздраженный и истерзанный тяжелыми и драматичными событиями прошедшего дня, вернулся брат Жозеф в свою келью.

Было уже очень поздно. Молодой горожанин спокойно спал на своей убогой постели, и его безмятежное лицо заливали бледные, голубоватые лучи луны. На стенах плясали неровные, черные тени острых ветвей, колыхавшихся за окном.

Жозеф бессильно опустился на свое жесткое ложе и застыл в неподвижности, обхватив руками колени и рассеянным взглядом следя за причудливыми узорами, которые ри-

совались на стенах.

Давно уже не принадлежал он к числу людей, которым знаком мирный и освежающий сон.

Как это бывало почти всегда, когда он оставался в одиночестве, на него сразу потоком нахлынули мучительные, тревожные мысли. На самом деле, эти мысли всегда были с ним, не покидали ни на миг. Они только немного стирались в свете повседневных забот, при свете дня. Но темной ночью, при мерцающем свете одинокой свечи или холодных, скользких лучей луны, ощущения Жозефа становились намного ярче и острее, и он мог без помех беседовать со своим неумолкающим, беспокойным внутренним голосом...

От природы брат Жозеф был нервным, неуравновешенным и подверженным странной игре своих чувств и настроений. Но в последнее время ему стало казаться, что всем его измученным существом овладевает непонятное, болезненное состояние...

Любое неосторожно брошенное слово, любое самое мелкое происшествие заставляло вспыхивать всю его душу. Нелепая фраза, внезапно подувший ветер, разбитый кусочек витража, потерянная книга приводили Жозефа либо в тягостное, мрачное отчаяние, либо в самое неистовое бешенство. Ему тяжело стало удерживаться от рыданий. Сон перестал приносить отдых и успокоение. Сердце постоянно нервно вздрагивало в груди, а рассудок осаждали тысячи печальных и мрачных мыслей...

Быть может, эта многолетняя ненависть медленно и тихо разрушала его несчастную душу? Его смуглое лицо от бессонных ночей приобрело желтоватую бледность. Под глазами залегли глубокие, темные тени...

Постепенно, незаметно для себя самого, брат Жозеф все глубже погружался в мир болезненных, тяжелых грез и отчаяния. Вскоре у него пропало желание выходить во двор монастыря для прогулок, как он иногда делал это раньше. Потом он стал настолько замкнутым и печальным, что отдалился от остальных братьев и аббата. Их разговоры нагоняли на него невыносимую тоску. И вырывали его из круга своих причудливых, мрачных мечтаний, с которыми ему не хотелось расставаться.

Еще позднее, Жозеф ощутил холодное отвращение к еде и сну, к голосам, ко всем непрошенным и ранящим звукам и краскам, которые вторгались в его страдающую душу из внешнего мира. Его мучили приступы невыносимой давящей тоски, когда лишний шаг, лишнее слово становились жестокой пыткой.

Ночные часы, полные таинственных фантазий и мрачного очарования, были единственным временем, когда он еще возвращался к жизни и снова начинал ощущать ее острый вкус. Он читал старые пыльные книги, неистово чертил на бумаге свои причудливые эскизы и с упоением предавался самым невероятным, драматическим грезам. Страшные воспоминания прошлого оставляли его. Глубокая ночь окраши-

вала весь мир своим удивительным волшебством. Он снова становился живым и пылким, потухшие глаза сверкали, душу тревожили безумные смутные порывы и вдохновенные замыслы...

Жозеф долго не мог заснуть, увлеченный причудливой игрой своего больного воображения, рисовавшего ему невероятные, сверкающие тысячью красок картины, которые он должен был поймать за зыбкие крылья мечты, чтобы навсегда запечатлеть их на своих холодных витражах. Постепенно эти капризные узоры необузданной фантазии тонули в тяжелом, беспокойном сне...

Но как только теплые лучи рассвета касались сомкнутых век брата Жозефа, мучительная, непонятная тоска, боль и страдания сразу возвращались в его опустошенную, охладевшую душу. Вчерашние замыслы казались бледными и жалкими, как только их переставал окутывать таинственный и спасительный ночной мрак. Воспоминания о далеком и безвозвратно утерянном счастье начинали вновь терзать его истекающее кровью сердце...

Отвращение к жизни было таким сильным и жестоким, что Жозеф не хотел открывать глаза навстречу этим сияющим и тошнотворным лучам солнца. Он ненавидел новые дни. Ему так надоело делать усилия для продолжения своей пустой и мучительной жизни, что он все время жаждал погрузиться в непрерывный сон. Быть может, в его полумертвой душе теплилась смутная надежда, что однажды такой

сон станет последним и разом освободит его от скучных обязанностей и бесполезных вопросов, от всей нескончаемой и нестерпимой боли холодного, ненужного мира...

Он вел образ жизни какой-то странной нечисти. Жил, размышлял и мечтал в ночные, сверкающие тайной, часы, а днем все чаще и чаще впадал в прерывистый, теплый и мерзкий сон, после которого не становилось ни капли легче, а только слабо и нудно начинала болеть голова, наполняясь тяжелым, смутным туманом, который опутывал мысли, делал их неуловимыми и зыбкими, а взгляд – бессмысленным и потухшим...

Иногда голова болела жестоко, пронзительно и резко. Болела до тошноты и беспросветного отчаяния. Кусая губы и стиснув зубы, Жозеф по полдня терпел эту ужасную боль, которая словно пронзала его мозг острыми, режущими стеклами, не зная, как от нее избавиться...

Никто не мог бы помочь ему. Он хотел быть одиноким, и он, действительно, был пугающе одинок. Относившегося к нему раньше с большим и искренним участием отца Франсуа постепенно отпугнула растущая замкнутость и мрачная вспыльчивость Жозефа.

Его тело продолжало оставаться живым. Оно по-прежнему могло двигаться, чувствовать тепло и холод, боль и ласку. Но он ощущал такие страшные и неумолимые признаки разложения и разрушения в своей душе и рассудке, что порой его захлестывали беспричинные и внезапные волны ужаса...

Да, Сесиль была права. В мрачном склепе, которым стал для него монастырь Сен-Реми, он истлевал заживо, медленно разрушаясь изнутри...

Но в монастыре ли было дело? Не сломалось ли что-то сложное и драгоценное в нем самом?

О чем думал брат Жозеф долгими, бессонными ночами? Какие невеселые мысли подточили его разум и острыми когтями сдавили трепещущее сердце?

Это были не только черные воспоминания прошлого, но и тягостные, печальные думы о настоящем.

После мрачной катастрофы, перевернувшей всю его жизнь и заключившей его в давящие стены монастыря, в жизни брата Жозефа открылась новая страница. И десять лет эта страница оставалась пустой. Ненависть по капле уходила и догорала, оставляя после себя только угли горечи и опустошенности.

Его жизнь была кончена. Больше ни радости, ни привязанностей. С утра до вечера скучные мессы и жалкие хоры, надоевшие проповеди Ульфара и упреки аббата. Несколько часов в мастерской и абсолютная пустота.

Пустота и бессмысленность его жалкой жизни. Вот, что чувствовал Жозеф. Ему было уже тридцать три года, но в его жизни не было ничего... Мир был для него чужим и холодным, люди – жестокими и ненавистными, а сам он чувствовал к себе только унылое и неугасимое отвращение. Иногда у него возникало дикое и безумное желание изрезать себе

все руки колкими и острыми осколками витражей... Может, тогда стало бы легче переносить эту нестерпимую боль не согретого ни едином смыслом существования...

Но что могло бы его согреть? Самопожертвование, служение людям? Жозеф ненавидел людей. Он видел в них только неугасимую вражду, жажду крови и бессмысленную жестокость. Когда-то он и сам жил среди этих сеньоров и бежал от них под холодную сень деревьев монастыря Сен-Реми, прямо в объятия удушающей тоски и скуки... Может быть, стоило начать служить людям проповедями и молитвами с желанием исправить их и наставить на истинный путь? Но Жозефу казалось, что люди неисправимы. Они все так же высокомерны, холодны друг к другу и чудовищно одиноки... Если этот мир и можно исправить, то уж точно не бесполезными словами и молитвами. Чем? Этого он не знал. Но это было ему и не нужно. Он был замкнут в мире своих страданий и ничего не хотел делать для других.

Однако, Жозеф не был холоден и безжалостен. В прошлом он оставил слишком пылкую привязанность. Когда-то трогательная дружба связывала его и с аббатом. Но, с течением времени, связи с людьми постепенно разрушились в его душе, оставив только мертвые, обманутые надежды...

Думал ли он когда-нибудь о любви, о тех глубоких и сильных чувствах к женщине, которым некоторые способны отдать всю свою жизнь, до того, как монастырское одеяние, навсегда закрыло перед ним дорогу пылких страстей? Если и

думал, то в мире он любви не встретил. В молодости он слышал все эти прекрасные и манящие легенды о неразрывно связанных, пылающих сердцах, о трогательных и печальных смертях юных и несчастных влюбленных. Легенды о Тристане и Изольде, об Эреке и Эниде.⁸ Об этом красочно и возвышенно повествовали рыцарские романы, но ничего подобного не существовало в реальной жизни. В жизни существовали буйные и дикие сеньоры, которые, не задумываясь, награждали побоями своих несчастных и озлобленных жен...

Любовь... Что это? Странная и зыбкая иллюзия, которую создали мечтатели-поэты. Если тела мужчины и женщины соединятся, разве люди станут от этого любить друг друга? Жозеф уже знал, что это не так... Как можно полюбить чужую и незнакомую тебе женщину? Что значит любить? Что может быть такого в раскрашенной и вздорной кукле, чтобы хотелось оставаться подле нее дни и ночи напролет, забыв о ходе быстро летящего времени?.. Какая невероятная и лживая нелепость!

Быть может, за всеми этими презрительными рассуждениями Жозефа о чувствах скрывалось нечто большее. Он никогда не знал, что такое любовь. Он сторонился ее. Он не хотел ни с кем делить свою жизнь, свои витражи и свое одиночество. Кто знает, возможно, он боялся новой, еще более

⁸ Сюжет о любви Тристана и Изольды был очень распространенным в средневековой европейской литературе, о них писали разные авторы, в том числе Тома и Мария Французская. «Эрек и Энида» – рыцарский роман Кретьена де Труа.

нестерпимой боли... Любить и привязываться было для него тяжело и страшно...

Не пробовал ли он искать смысл безрадостного существования в своих многоцветных, сияющих, чудесных стеклах?

Их он любил. Они отвлекали его от мучительных страданий и жестоких несправедливостей окружающего мира. Он хотел бы полностью погрузиться в мир своих витражей и уйти от несчастий и хаоса, царящего вокруг. Но замкнуться в этой придуманной вселенной было невозможно. Потому что она была лишь отражением живых и страшных драм, происходящих вокруг.

Для чего он рисовал? Что толкало его к этому?

Несомненно, желание забыть о боли. Потому что, когда Жозеф видел перед мысленным взором сверкающие и безумные творения своего воображения, когда он судорожно чертил хаотичные и удивительные эскизы, когда нервно и задумчиво расписывал тонкие стекла яркими красками, он забывал обо всем на свете... Для него не существовало больше ни боли, ни радости. Не существовало и его самого. Существовали Давид и Вирсавия, Ребекка и Мария, Иисус и апостолы, и ничего во всей вселенной не было важнее их...

Но как только последняя складка ложилась на одежду святого, как только последний штрих очерчивал деревья и небеса на дальнем плане картины, Жозеф терял к ним всякий интерес, как влюбленный утрачивает прежнее чувство к постаревшей любовнице. Мир снова становился пустым и чуж-

дым, и не было ничего, способного хоть немного его скрасить...

Быть может, он рисовал для того, чтобы зрители прониклись его замыслами и поняли их? Еще одна безумная иллюзия! Разве хоть один человек на свете способен был пройти тем же извилистым и странным путем ощущений, которые вели Жозефа к созданию его причудливых картин? Это было невозможно. Когда он нарисовал Саломею с головой Иоанна Крестителя, то Ульфар сказал ему, что это весьма поучительно, брат Колен – что Саломея хитра и изворотлива, а отец Франсуа – что картина пугает, а участь Иоанна ужасна. Откуда им всем было знать, что Саломея опустошена и несчастна, а об участи Иоанна мы не можем сказать ничего определенного, ибо он пребывает в вечности...

Но если бы даже они и поняли это, что изменилось бы в душе самого Жозефа? Разве его покинула бы эта давящая тоска, это ледяное одиночество? Что значат пустые слова, которыми обмениваются люди? Они не способны ничего изменить...

Он рисовал и для того, чтобы крикнуть о своей боли. Крикнуть в пустоту. В муках и драмах создаваемых им библейских персонажей он рыдал и восклицал о своих непрекращающихся страданиях. Его печаль покрывала черты Спасителя в Гефсиманском саду, его мечтами упивалась Ребекка у своего колодца, от его боли разрывалось сердце скорбящей у креста Марии. Не только от его. От боли всех виден-

ных им людей, которую он запечатлел в своем сердце, чтобы однажды она засияла на величественном витраже...

Правда, в последнее время Жозефу стало казаться, что вдохновение все чаще покидает его. Что, если оно исчезнет совсем? Должно быть, в тот день, когда это случится, он посидит от ужаса. Потому что ему нечего станет делать в мире. Проснуться, пойти на мессу и оказаться наедине с собой, в еще более адской пустоте, чем раньше... Он предпочел бы лучше умереть.

Иногда его ожесточенное, тревожное сердце посещали совсем иные страхи. Он думал, что однажды его искусство убьет его. Когда он был слишком увлечен интересным рисунком, в крови его просыпался такой иссушающий жар и пыл, что он не мог ни на мгновение прервать своего занятия. Он не мог ни заснуть, ни прикоснуться к еде, пока кисть, как безумная, сама по себе летала в его дрожащих руках. Прерваться было невыносимо. Он страдал от бессонницы и сильной жажды, его лоб начинал гореть, глаза уставали, рука ломилась, но злой дух, овладевший им, не давал прервать работу хоть на мгновение, не давал сделать ни одного полного и спокойного вдоха, пока последний оттенок не ложился на лицо святого, и кисть не выпадала из обессиленной, опустившейся руки...

В такие минуты Жозеф с тревогой думал, не суждено ли ему самому однажды упасть мертвым, не окончив приковавшую к себе, убийственную картину...

Когда смерть виделась такой близкой, она пугала его.

И все-таки, у Жозефа была одна-единственная, сокровенная мечта. Она хранилась где-то в самой сокровенной глубине его сердца, под слоем ненависти, презрения и жестокого разочарования.

Он страстно жаждал, чтобы однажды хоть одно человеческое существо могло, как при ослепительной вспышке молнии, увидеть весь мрачный ад его полумертвой души: все его тяжкие пороки и мучительные сомнения, все его бессонные и наполненные скукой дни, всю его жестокую боль и все его безумные надежды... Он хотел, чтобы другое сердце прочувствовало каждое малейшее его ощущение и душевное движение, каждую его печаль и радость. Только увидев и ощутив все это, можно в полной мере понять и простить чужое безумие и порок. Ему не нужно было пустое, жалкое сострадание, которое могли предложить ему люди. Ему нужно было огромное и безмерное сострадание, достойное самого падшего Люцифера!

Иначе, зачем ему весь этот чужой, бессмысленный и холодный мир, полный нелепых и громоздких установлений, нисколько не способный понять даже малую долю его жестокого горя?! Он отвергал этот мир.

Жозеф прекрасно сознавал, что полное понимание, о котором он мечтал, в жизни невозможно. Люди не могли ему этого дать, бог казался чужим и далеким...

Но ему нужно было именно это, и ничто другое. От то-

го, что его страстная потребность, его великая мечта, была недостижимой, она становилась только сильнее и необходимой. Его безумная душа изошла кровью, пока десять лет, как плененная птица, билась грудью о железные прутья недостижимого...

Странно, но почему-то Жозефу никогда не подходило то счастье и радости, которые могли сделать счастливыми всех остальных людей на земле. Ему нужно было какое-то свое, ни на что непохожее, удивительное счастье, которому в узком и нелепом мире нет места.

Быть может, он сам не знал, что ему нужно.

Брат Ульфар постоянно пытался наставить его на путь истинный, отец Франсуа с отчаянием в голосе просил его наконец взять себя в руки и зажить человеческой жизнью.

Но в том-то и дело, что этой «человеческой жизнью» Жозеф никогда жить не мог. Все порядочные люди радовались свету дня, он мог существовать лишь ночью. В этом строго устроенном мире люди молились, воевали, сеяли зерно или, на худой конец, торговали. Но Жозеф, родившись среди сеньоров, и надев монашескую сутану, не мог ни воевать, ни молиться. Он мог только рисовать...

Все люди мечтали о высоких титулах и богатстве, о радости и процветании, о счастливом браке и лекарствах от тяжелых недугов тела. Ему не нужно было ни роскоши, ни веселья, ни любви, ни славы. Ему нужно было только лекарство от душевных ран, его витражи и немного лунного света... Но

это малое оказывалось более недостижимым, чем все богатства мира...

Колени затекли и заболели. Наверное, он уже долго сидел так, горестно улыбаясь и бесцельно рассматривая то черные тени колеблющихся ветвей, такие же беспокойные, как он сам, то тонуший во тьме потолок, которого не касались робкие лунные лучи. Сон горожанина был по-прежнему спокоен и безмятежен. А его мысли все так же мучительны и бесполезны.

Сколько прошло времени с тех пор, как он поссорился с братом Ульфаром? Сколько прошло времени с тех пор, как он глубокой ночью в ужасе и отчаянии прибежал к воротам этого старого монастыря? Скоро ли наступит проклятый рассвет?..

Ответом на эти печальные мысли одинокого монаха стал глухой, замогильный звон колокола, призывавшего к заутрене. Эхо его разносилось далеко по самым глухим закоулкам священной обители.

Этот заунывный, печальный звук разбудил Жиля. Прямо напротив себя он увидел неподвижного и немого, как надгробная статуя, сарацина. Лицо его было бледным, как расплавленный воск, глаза потухшими, на губах блуждала странная, пугающая улыбка. В голубоватом лунном свете он казался каким-то нечеловеческим существом, стоящим на пороге между миром живых и миром призраков...

VIII. Неприятный разговор

В тринадцать вы блистали: в тринадцать лет вы были милы, любезны, тонки и умны, как никогда впоследствии; то был последний всполох солнца на закате; однако, есть различие: наутро солнце взойдет опять, детская же одаренность, единожды угаснув, не вернется никогда. Часто говорят, что бабочка появляется из гусеницы; у людей наоборот: гусеница – это бывшая бабочка. Ваш гений угас, когда вам было четырнадцать; вы превратились в грубоватого юнца, который звезд с неба не хватал.

А. де Монтерлан «Мертвая королева»

Разве я виноват, что я не такой, как вы? Никогда – вернее, уже очень давно – вы не выказывали ни малейшего интереса к тому, что занимало меня. Вы даже не пытались претвориться, что вам это хотя бы любопытно.

А. де Монтерлан «Мертвая королева»

Жозеф так и не уснул в эту ночь. А наутро явился брат Ватье и сообщил, что его хочет видеть настоятель.

Это показалось Жозефу странным, так как в последнее время отец Франсуа избегал разговоров с ним наедине. Тем не менее, он сразу же пошел к настоятелю, хотя подавленное настроение и бессонная ночь вовсе не располагали к веде-

нию оживленных бесед.

Келья аббата была немного больше и просторнее, чем кельи остальных братьев. Здесь было светлее и свежее, чем во всем мрачном и печальном здании. Большой, крепкий стол, заваленный старыми книгами и бумагами, придавал комнате некоторое сходство с рабочим кабинетом. На стене висело строгое деревянное распятие, не украшенное ни драгоценностями, ни позолотой. Очевидно, почтенный настоятель, несмотря на всю свою утонченность, не приветствовал излишества и роскошь в стенах монастыря. Обстановку в келье немного оживлял букетик из высушенных синих васильков с пушистыми, резными лепестками, украшавший распятие, и два красивых стеклянных флакончика с искусными крышками, которые стояли на столе среди книг и писем.

Брат Жозеф, небритый, со спутанными, непослушными волосами, в измятой сутане и с угрюмым и замкнутым выражением лица, казался чем-то чуждым и ненужным в этой светлой комнате.

Сам отец Франсуа, как всегда одетый с аккуратностью, какую только позволяли те времена и его образ жизни, сидел за столом, углубившись в чтение лежавшей перед ним книги.

– Мой дорогой Жозеф, – сказал настоятель, подняв голову при появлении сарацина, – я должен поделиться с вами одной нелегкой заботой...

– Что произошло? – спросил брат Жозеф настороженно и тревожно. Слова аббата сразу вывели его из состояния от-

решенности и равнодушия, в котором он пришел сюда.

– Вам известно, что около месяца назад я потерял одного из моих старых друзей, да упокоит Господь его душу, отца Готье, который исполнял должность капеллана в замке сеньора де Сюрмона. Я знал его с давних пор и был к нему сильно привязан... Мы вместе предавались воспоминаниям о беспечных и веселых годах нашей юности. Любезный Готье сопровождал меня в поездках в город, когда того требовали дела монастыря, и оказывал мне многие другие ценные услуги. Ах, как нелегко смириться с потерей близкого и дорогого существа! Как нелегко поверить в то, что больше не услышишь знакомый голос и не увидишь привычного лица... Остается лишь хранить все это в сокровищнице наших воспоминаний...

– Я понимаю вас, – медленно проговорил Жозеф.

– Да, – горько вздохнув, отвечал аббат, – к сожалению, всем нам знакомы потери и злые печали этого мира... Они не обошли стороной и нас с вами. Увы, смерть отца Готье лишила нашего славного мессира Анри замкового капеллана, который был ему необходим. Но, вы же знаете, в нашей глуши не так-то просто найти достойного и хорошего человека на это место. Сеньор де Сюрмон очень опечален. Он обратился ко мне с горячими просьбами помочь ему. Не зная, как быть, я пообещал ему прислать кого-нибудь из братьев, кто взял бы на себя обязанности капеллана хотя бы на время., – тон настоятеля становился все более нерешительным. – Я поду-

мал... быть может... Мой дорогой Жозеф, ведь вы все равно ничем важным не заняты...

Выражение сочувствия и участия на лице сарацина мгновенно сменилось пылким гневом и жестоким раздражением.

– Чудесно! – воскликнул он. – Вы решили помучить меня еще одним милым поручением! То этот проклятый горожанин, которого вы поселили у меня в келье, то служба сеньору де Сюрмону! Почему вы никогда не обращаетесь с просьбами к другим братьям? Или вы настолько ненавидите меня, что больше не желаете видеть моего лица?!

– Ненавижу вас?! – ужаснулся отец Франсуа, приложив руку к груди. – Прошу вас, не говорите так. Мое бедное сердце этого не выдержит! Как я могу вас ненавидеть?! Я был так привязан к вашей чудесной матери... Я так заботился о вас, дитя мое. Откуда столько необузданного и жестокого гнева в ваших словах? Как меня печалит ваше безумное поведение... Я вовсе не хочу отсылать вас надолго. Каких-нибудь три-четыре часа в день... Неужели вы не можете посвятить их сеньору де Сюрмону?

– Три часа – это вечность! Это вечность, когда думаешь о сочетании красок, о цвете облаков, о выражении лица Марии, о складках на одеждах Иисуса! Это вечность, когда чертишь наброски на бумаге, боясь упустить единое мгновение, чтобы не забыть ни малейшей детали! Посмотрите на меня! Неужели вы не понимаете, что витражи по капле высосали мою кровь! В ваши юные годы, отец Франсуа, вы смеялись

и радовались жизни, а я рисовал! Вы улыбались женщинам и танцевали на праздниках, а я рисовал! В моей жизни не оставалось времени ни для единой радости, кроме изгибов линий и чарующего блеска... О, вы не понимаете! Если бы я даже захотел предаться веселью, пирам и танцам, Мария, апостолы, Иоанн, Иосиф... они не позволили бы мне! Они являлись бы мне во сне и звали бы за собой! Но я даже не хотел... Моя душа была так полна всем этим великолепием, что радости других показались бы мне жалким подобием моего огненного вдохновения. Три часа! Откуда я могу знать, три года или три дня ждут меня впереди?! Три окна еще не расписаны... Иногда у меня нет времени, чтобы напиться...

– Боже мой, Жозеф, мальчик мой, успокойтесь, – сказал встревоженный его волнением настоятель, кладя руку на плечо сарацина.

– Не трогайте меня! Не прикасайтесь ко мне! – и брат Жозеф, резко дернувшись, оттолкнул руку аббата. – Я никогда не соглашусь! Я не хочу видеть людей!

– Вы пугаете меня. Разве вы не видите, что я всей душой желаю вам добра? Вы сходите с ума в этих четырех стенах... Увы, у вас очень беспокойный нрав. А вся скука и однообразие нашей жизни и вправду очень тягостны... Я подумал, что вам было бы полезно немного развлечься, побывать в обществе людей...

– Я не для того бежал от них, чтобы потом возвращаться, – отвечал Жозеф, немного успокоенный мягкими слова-

ми настоятеля.

– Послушайте моего совета: забудьте хоть на время о вашем ремесле, о ваших страданиях и согласитесь на это предложение. Вы знаете мессира Анри, он добрый и благородный человек. Он не посмеет вас оскорбить.

– Есть ли здесь человек, который не оскорблял меня, от самого бедного крестьянина до благородного сеньора? – с горькой усмешкой спросил сарацин.

– Нет, нет, не думайте об этом. Вы были крещены, вы вступили в наш святой орден...

– Но это не изменило крови, которая течет в моих жилах...

– Такие речи большой грех, Жозеф, – покачал головой отец Франсуа. – Сколько язычников в древние времена обратило свой лик к Господу, и он всех принял в свои объятия. Мессир Анри будет добр и приветлив с вами. У него открытый и приятный нрав. Вы будете иногда служить мессу в часовне замка и исповедовать сеньора де Сюрмона с его дочерьми.

– С дочерьми? – переспросил Жозеф. – У него есть дочери?

– Да, разумеется. Разве вы об этом не слышали? Бедные девушки брошены на произвол судьбы и покинуты. Ведь у них нет любящей матери. Раньше отец Готье кое-как наставлял их, когда у него было время и охота. А теперь... Сеньора де Сюрмона печалит то, что понятия дочерей о христианской

вере и вообще о нашем мире весьма плачевны. Они росли, как сорная трава... Если бы хоть вы привили им некоторые представления о благочестии и достойной жизни...

– Возиться с вздорными и глупыми девчонками! – возмутился Жозеф. – Нечего сказать, хорошее занятие вы мне предлагаете.

– Пожалейте этих несчастных девушек. Они нуждаются в хорошем наставнике, чтобы спасти свои заблудшие души. Да и потом, вы сможете взять с собой в замок нашего гостя. Он тоже смертельно скучает в нашей обители, а ведь он еще молод и не давал, подобно нам, сурового обета заточить себя здесь...

– Так и скажите, что затеяли все это ради чертова горожанина! Признайтесь, вам всегда нравилось принимать участие в судьбе молодых и веселых людей, которые развлекают вас пустыми речами и непосредственным обаянием. Наверное, и я в молодости был вам куда милее, чем теперь.

– Это правда, – задумчиво произнес аббат. – В юности в вас не было этого пылкого гнева, этой ожесточенности... Вы были ласковым и приветливым с теми, кто умел завоевать ваше драгоценное доверие. Да, вы так сильно изменились! Где теперь ваша светлая улыбка и мечтательный взор?..

– Там же, где и моя юность, мои разбитые мечты и моя мертвая душа. Тогда я был наивным и глупым. Я не знал мира и не знал людей. Но в остальном, я был таким же, как и сейчас. Мое безумие всегда жило во мне... Но за сиянием

моих восторженных глаз вы не замечали того темного, что скрывалось глубоко внутри... Этого свирепого зверя в клетке. Нет, ничего не изменилось.

– Господи, опять эти ваши страшные грезы! – испуганно отмахнулся аббат. – Прошу вас, не говорите мне о них. И сами не забивайте ими вашу бедную голову. Итак, вы согласны отправиться в замок де Сюрмон вместе с мэтром Жилем?

– Если вы прикажете, то что мне еще останется делать? Но это будет совершенно против моего желания.

– А если я попрошу вас, Жозеф? – ласково сказал настоятель, беря его за руку.

Сарацин отвернулся, но руки не отнял.

– Отец Франсуа, – наконец произнес он искренним и почувствованным тоном, – долгое время вы были для меня любящим и добрым отцом в большей степени, чем мой собственный. Вы наставляли меня и заботились обо мне. Вы дали мне защиту, когда мне грозила смертельная опасность. Неужели же вы думаете, что я смогу вам отказать в такой ничтожной малости? Я отдал бы вам и оставшиеся годы моей горькой жизни, если бы это было нужно...

– Вот это разумные и добрые речи, мой мальчик, – улыбнулся настоятель. – Значит решено, завтра вы пойдете к сеньору де Сюрмону. Только вам надо будет переодеться и побриться. Что это за вид? Вы похожи на простого ремесленника. Ваши рукава все измазаны краской. Попросите брата Ватье дать вам новую сутану, эта никуда не годится! И до

утра приведите себя в человеческий вид, чтобы не стыдно было показаться в замке благородного сеньора.

– Должно быть, чертовы девчонки не станут ради меня мыться и стирать свои грязные платья, – усмехнулся Жозеф.

– Не будет большого греха, если вы окажетесь умнее и придете к ним чистым и причесанным, – смеясь, отвечал аббат. – И, прошу вас, будьте полюбезнее и поприветливее с благородным сеньором и юными девицами, иначе они и вправду примут вас за дикаря из той страны, откуда родом ваши предки.

IX. В замке

*Будь то Уганда иль Моргана,
Но я люблю, когда во сне,
Вся из прозрачного тумана,
Склоняет фея стебель стана
Ко мне в полночной тишине.
Виктор Гюго «Фея»*

*Все в мире быстротечно!
Дым убегает от свечи,
Изодран ветхий полог.
Басё*

Холодное утро, в которое брат Жозеф и Жиль дель Манж вышли из монастыря, поражало удивительной чистотой и сверкающими красками. Вся бескрайняя равнина была покрыта белым, рыхлым снегом, в котором башмаки утопали, как в легком, птичьем пуху. Яркие солнечные лучи играли на снегу, заставляя его искриться тысячью неуловимых бликов. Нестерпимая белизна больно резала по глазам и заставляла то и дело прикрывать их. Светлое небо, с редко разбросанными по нему серебристыми перьями облаков, было бездонным и чистым. Восхищенный взор тонул в его беспредельности... На синеватой линии горизонта виднелась далекая и

одинокая башня замка де Сюрмон.

Когда путники наконец приблизились к замку, Жилия поразили тишина и покой, царившие вокруг. Ни ярких, трепещущих на ветру знамен, ни угрожающего звона оружия, ни веселых голосов шумных вассалов. Это здание казалось таким же заброшенным, старым и тронутым тленьем, как и монастырь Сен-Реми. Тяжелые, массивные деревянные ворота обветшали, железные цепи, поддерживающие их, заржавели. Ограда замка кое-где уже потрескалась и облупилась. Ее покрывали высохшие стебли плюща и дикого винограда, которые весной, должно быть, одевались зеленой листвой, скрывая под своим причудливым узором старые, покрытые трещинами камни... За оградой, с неровными, полуразрушенными зубцами, возвышался мрачный, одинокий донжон⁹ с темными, узкими окнами. На верхушке башни, подобно последнему осеннему листу, уныло висел старинный, выцветший флаг, видевший за свое долгое и безрадостное существование уже не один дождь и снегопад.

Вся эта картина показалась Жилию такой печальной, что он невольно подумал о том, существует ли в этих заброшенных краях хоть одно место, где бы еще теплился огонек жизни и радости?

Брат Жозеф громко постучал в ворота. Но прошло еще не мало времени прежде, чем заскрипели тяжелые, неподатливые цепи, и перед ними предстал бедно одетый и плохо во-

⁹ Донжон – главная башня замка.

оруженный, седой и угрюмый стражник.

Монах выразил желание видеть сеньора де Сюрмона, и их пустили в небольшой двор, с одной стороны усеянный различными хозяйственными постройками.

Вскоре навстречу им вышел сам мессир Анри де Сюрмон, в скромном и потертом, но аккуратном, сером камзоле и ветхом плаще. Живя в бедности и упадке, старик, казалось, всеми силами пытался поддерживать в своих владениях хоть какой-то жалкий порядок.

Несмотря на то, что появление сарацина, явно не обрадовало старого сеньора, он вежливо, но сдержанно поклонился гостям и попросил передать от его имени благодарность аббату за оказанную услугу. Брат Жозеф выразил готовность служить сеньору де Сюрмону, а затем представил ему Жиля, так как на собрании в монастыре горожанин, конечно, не мог как следует познакомиться со знатными гостями. Сарацин говорил спокойно и едва ли не любезно, но очень отстраненно и холодно.

– Еще раз примите мою благодарность, мессир Жозеф, что вняли нашей просьбе и не оставили этот несчастный замок без слова Божьего, – продолжал хозяин. – Увы, я искренне хотел бы быть ближе к лику Господа... Но военные заботы на службе у монсеньора де Леруа слишком часто отрывали меня от благочестивых молитв и мирных размышлений. Что же до моих бедных, лишившихся матери, дочерей, спасение их невинных душ внушает мне самую живую и горькую тре-

вогу. Мало того, что они не воспитаны и не обучены манерам, они так мало знают о долге истинных христианок, что мне порой становится страшно за их пустые, детские головы. Я должен был бы посвятить им больше времени... Но, увы, я не в силах заменить им мать или хотя бы стать духовным наставником. Покойный отец Готье, мир его праху, учил их понемногу, но общество печальных стариков мало подходит для юных девиц. Мадам Жанна, когда она не занимается хозяйством, иногда уделит им часок-другой, чтобы наставить их на верный путь. Но, боюсь, все эти усилия дают крайне скудные плоды...

Мессир Анри вздохнул и печально покачал головой.

– Не думаю, мессир, что я пригоден для воспитания благородных девиц, – с легкой насмешливой улыбкой заметил сарацин. – Я простой монах и художник. Уже давно я покинул мир и ничего не знаю о делах света и изящных манерах. Вам известно, что я грубоват и несдержан. Должно быть, зря отец Франсуа доверил это нелегкое дело мне...

– Уверяю вас, строгость и побои окажутся полезными для моих капризных и распущенных дочек! – воскликнул сеньор де Сюрмон. – Я буду вам безмерно благодарен, если вы выучите их хоть чему-нибудь. Да и все остальные жители замка уже истосковались по мессам. Хоть это и заброшенное место, здесь живут добрые христиане. А вот и мадам Жанна. Она представит вам моих никчемных девчонок.

К ним быстро подошла полная, пожилая дама, шурша во-

рохом темных, длинных юбок. Ее верхняя одежда была отделана старым, облезшим мехом, почти седую голову украшал высокий, пышный чепец с волнистыми краями. На поясе женщины висела тяжелая связка ключей, а к рукам пристали мелкие, блестящие рыбные чешуйки.

– Представьте демузелей гостям, – приказал мессир Анри, а сам отправился обратно в замок.

– Ох, еще бы найти этих негодниц, – проворчала мадам Жанна. – Истинная казнь египетская с ними... И где только их все время носит? Да уж, мессир, поистине милый подарок вам достался! Эти капризные девчонки кому хочешь забот прибавят...

– Мадам, кажется, я не спрашивал вашего совета, – ледяным тоном прервал ее сарацин.

– Вот еще, – прошептала женщина, метнув на него недовольный взгляд. – Всякому язычнику слова не скажи... Подумаешь, какой гордый! Ах вот она, сидит на бочке! – воскликнула она. – Клэр, подите сюда сейчас же!

Клэр испуганно соскочила с места и с удивлением посмотрела на неожиданных гостей. Это была совсем еще юная девушка лет тринадцати, почти девочка. Наивные голубые глаза были широко раскрыты, приятное, нежное лицо дышало здоровьем и очарованием молодости. Толстые, растрепавшиеся русые косы были перевиты множеством белых ленточек, на грациозной шейке висело какое-то жалкое подобие бус. Из-под верхней одежды выглядывало белое тонкое пла-

ть, облежавшее ее еще угловатую, полудетскую фигурку. Кожаные, потертые башмаки на красивых ножках все промокли от снега.

Увидев сарацина, девушка громко вскрикнула от страха.

– Не орите так, как будто увидели призрака, – резко бросил брат Жозеф. – Идите на молитву в замок. Отец ждет вас.

Клэр со всех ног бросилась прочь, но посреди двора поскользнулась и, взвизгнув, упала на одно колено. Жиль, движимый жалостью к прелестной демуазель и хорошими манерами горожанина, тут же подбежал к ней и вежливо подал ей руку. Девушка с благодарностью оперлась на нее и присела в неловком и неумелом поклоне.

– Мадемуазель Бланш! – звала мадам Жанна. – Мадемуазель! Ума не приложу, где она может быть...

Раздался легкий стук деревянных качелей, и из пустоты, прямо перед Жозефом, выросло странное, зыбкое видение. Под висячими ветвями раскидистой ивы, одетыми колючим инеем, стояла стройная, тонкая и невероятно бледная девушка. Вся она казалась сотканной из таинственной, холодной дымки утреннего тумана. Изящный, строгий силуэт вызывал в памяти вытянутые, хрупкие готические статуи. На платье цвета первой листвы, в беспорядке падали длинные и прямые светлые волосы, в которых путалась одна-единственная зеленая лента. Черты девушки, тонкие, острые и резкие, хранили выражение глубокой замкнутости, легкой печали и какой-то задумчивой сосредоточенности. Маленький

рот с крепко сжатыми губами выдавал в ней дикость и пугливость. Тонкие пальцы казались почти прозрачными, и на руках просвечивали голубые жилки. Всему ее неясному, смутному, туманному облику невероятно и жестоко противоречили сверкавшие на белоснежном лице темные, бездонные глаза... В них был черный и удивительный огонь, который, казалось, резко прорывался сквозь ее почти нечеловеческую бледность. Так сияет яркое пламя свечи сквозь ветхий, истертый полог в осеннюю, дождливую ночь...

Сколько ей было лет? Свежесть кожи и полудетская наивность ее лица наводили на мысль, что она еще невинный ребенок. Но в следующее мгновение грустная задумчивость и глубокие, темные тени под глазами, говорившие о том, что ей уже знакомы горькие печали мира, рисовали ее почти взрослой.

В девушке не было ни капли света, очарования и блеска. Она была похожа на тех молчаливых и пугающих духов, которые по ночам преграждают дорогу запоздалому путнику. От нее веяло холодом утопленницы и призрака. Такие недобрые и тихие существа тревожат людей в мучительных ночных кошмарах, после которых сердце бешено выскакивает из груди...

Пристальным, остановившимся, хищным взглядом впился Жозеф в стоявшее перед ним хрупкое создание. Его дремавшее в мучительной тоске сознание словно осветила вспышка молнии! Эта пугающая неподвижность, эти горя-

щие нездоровым, пылким огнем глаза, эта потусторонняя зыбкость... вот что нужно ему для трех оставшихся витражей! Он хладнокровно и жестоко рассматривал каждую незначительную черточку в ее лице, стараясь не упустить ни единой подробности. Так великий мастер с восхищением разбирает искусный механизм...

Девушка же, увидев перед собой сарацина, не вскрикнула, не вздрогнула, не издала ни единого звука. Только губы ее удивленно приоткрылись, а темных ресниц коснулся неведомый ветер...

Чуть заметно покачивались старые, деревянные качели, ветви плакучей ивы медленно роняли пылинки колкого, серебристого инея. Друг напротив друга стояли бледная девушка и смуглый язычник с неподвижными, остановившимися взорами... Казалось, прошла вечность, но пролетело всего лишь несколько жалких мгновений...

Первым очнулся брат Жозеф. Он вспомнил о присутствии горожанина и служанки из замка и тут же обратился к Бланш:

– Не стойте, как изваяние, мадемуазель. Я ваш новый наставник. Ступайте на утреннюю молитву. Да поживее! Я не люблю рассеянности и непослушания.

Не произнося ни слова, девушка медленно пошла к замку, оборачиваясь на каждом шагу и продолжая смотреть на сарацина удивленным, неподвижным взором.

Через четверть часа под старинными сводами замка де

Сюрмон уже звучала торжественная утренняя месса. Старый и благородный мессир Анри, его юные дочери, немногочисленные верные слуги и приезжий горожанин благочестиво склонили головы, слушая резкий и нервный голос брата Жозефа, громко и четко произносившего латинские слова, которые смутным эхом отдавались в холодной, просторной зале.

А сердце самого Жозефа впервые за долгое время пело и ликовало от глубокой радости! Он опасался, что скучная служба у сеньора де Сюрмона надолго разлучит его с любимыми витражами, но судьба приготовила для него неожиданный и драгоценный подарок. Он нашел удивительное существо, искусное создание природы, которое даст ему невиданное доселе вдохновение, чтобы его цветные стекла засияли великолепными, невероятными красками!

Х. Учитель и ученицы

...он поручил племянницу всецело моему руководству, дабы я всякий раз, когда у меня после возвращения из школы будет время, – безразлично днем или ночью занимался ее обучением и, если бы я нашел, что она пренебрегает уроками, строго ее наказал.

Пьер Абеляр «История моих бедствий»

Мои обязанности учить и следить за поведением не только не стали легче, когда мои питомцы и я свыклись друг с другом, но, напротив, делались все тяжелее по мере того, как раскрывались их характеры.

Энн Бронте «Агнес Грей»

Она подошла с неопишуемой грацией, опустилась на колени, глубокий вздох вырвался у нее из груди...

Э. Т. А. Гофман «Эликсиры Сатаны»

С этого дня потекли серые, скучные будни брата Жозефа в замке де Сюрмон. Чтение молитв и различные церковные обряды, которые он должен был выполнять, не очень утомляли его. Вся тяжесть и сложность, возложенной на него задачи, открылась Жозефу, когда он приступил к обучению своих новых воспитанниц.

Общество людей и вообще раздражало сарацина, так как он был замкнутым, вспыльчивым и склонным к одиночеству. Он любил тонуть в мире своих цветных грез и ненавидел, когда кто-то хотел вырвать его оттуда. Общество же юных девушек представлялось еще более несносным, чем любое другое. Как почти все мужчины его эпохи, брат Жозеф не любил женщин и презирал их, как бесполезные и жалкие создания, способные только кривляться и наряжаться. Его раздражали их бессмысленные и вздорные капризы. Только к своему смертельному врагу, Сесиль де Кистель, питал он своеобразное уважение. Иногда воспоминания о долгой вражде способны сблизить так же, как и воспоминания о давней, трепетной дружбе...

Но что ему было делать в обществе молодых и бестолковых существ? Они были так же далеки от него, как земля от крохотных огоньков сияющих звезд... Даже сама мысль о том, чтобы поговорить с ними или попытаться проникнуть в их беззаботную жизнь, была совершенно нелепа.

Тем не менее, Жозеф должен был учить и исповедовать девушек, а значит, приходилось иногда и разговаривать с ними.

С первых же дней ученицы так ему надоели, что, не будь у него замысла сделать несколько набросков с Бланш, он немедленно бы бросил это проклятое дело.

Поднявшись рано утром, он приходил в замок де Сюрмон полусонный и раздраженный, читал утреннюю молитву, по-

том усаживал своих воспитанниц в маленькой зале и при свете бледных лучей зимнего солнца раскрывал книги и начинал свой нелегкий труд. Ему не хотелось ни говорить, ни объяснять ничего этим маленьким и бесполезным созданиям. Он думал о своих сверкающих красках или о редких хлопьях снега за окном...

Вскоре, однако, приходилось отрываться от этих радостных мечтаний, ибо, чтобы хоть что-то втолковать благородным девицам, требовались немалые силы и огромное терпение, которым брат Жозеф, увы, не обладал...

Обе девушки, обученные покойным стариком-капелланом, умели кое-как читать и писать, что было уже немало. Их благородный отец читать не умел.

Бланш, которой уже исполнилось пятнадцать лет, читала хорошо и писала почти без ошибок. Клэр, напротив, часто запинаясь и ошибок делала множество.

Младшая сестра вообще доставляла Жозефу кучу хлопот и поводов для беспокойства. Она была ленива и невероятно капризна. Учение было Клэр явно в тягость. Ее больше интересовали цветные ленточки, бусы и прочие глупые женские игрушки. Речи учителя девушка запоминала плохо, задания готовила небрежно. Ни минуты Клэр не могла усидеть спокойно. На уроках ей было так скучно, что она то и дело вертелась из стороны в сторону, постоянно выглядывала в окно, болтала ножками. Словом, делала все, что угодно, но только не то, что требовалось.

В конце концов, эта избалованная девчонка вызвала у брата Жозефа такой приступ бешенства, что он пообещал избить ее до полусмерти, если она еще раз посмеет отвлечься от урока. При этом его глаза сверкали так мрачно и злобно, что девушка ни на шутку испугалась ужасного язычника и громко расплакалась. Учитель грубо приказал ей сейчас же замолчать. С тех пор Клэр стала гораздо усидчивее и послушнее, ее сковывал страх. И Жозефу не пришлось приводить свою угрозу в исполнение. Однако, успехов в учебе это не прибавило.

Старшая сестра, напротив, отличалась удивительной усидчивостью и молчаливостью. Но и она доставляла учителю неприятности. У Бланш была неплохая память и некоторые способности к учению. Она с интересом читала, принесенные братом Жозефом книги, прилежно готовила заданные уроки, не прерывала учителя не единым словом. Но она была всегда как будто полусонной и погруженной в свои мысли в еще большей степени, чем сам Жозеф.

Кроме того, Бланш казалась ему ужасающе медлительной и неловкой. Писала она очень долго, часто останавливалась и впадала в задумчивость. Если Жозеф в нетерпении торопил ее, она терялась еще больше, краснела, начинала делать ошибки, а в конце концов бросала начатое и на глазах у нее выступали слезы стыда и отчаяния... Кричать на нее и торопить было совершенно бесполезно, от этого Бланш теряла всякую способность к действию и впадала в совершен-

ную неподвижность, из которой ее не могли вывести никакие приказы и угрозы.

Иногда брату Жозефу казалось, что она просто спит на ходу. Даже громкие окрики не вырывали Бланш из внезапной задумчивости. Она двигалась медленно, как призрак: роняла книги, разливала чернила, зацеплялась платьем за углы стола...

Несмотря на то, что девушка хорошо учила свои уроки, часто из нее было не вытянуть и слова. Жозефу приходилось допрашивать ее так же строго, как инквизитору, пытающему ведьму. Если Бланш и начинала говорить, то к концу фразы ее слабый голос звучал все тише и тише. Малейший звук или слово сразу же заставляли ее умолкнуть.

Порою Жозефа посещали сомнения: живое ли существо перед ним? Или чья-то колдовская сила на время вырвала ее из небытия, и она скоро снова раствориться в воздухе и исчезнет навеки...

Когда монах в нетерпении пытался помочь девушкам исправить их ошибки, они в страхе отдергивали руки, словно даже прикосновение к поганому язычнику казалось им несносным. Это злило его еще больше, а потом наполняло сердце смутной, давящей горечью...

Жозеф, вероятно, не задумывался о том, что сам он был далеко не идеальным учителем. Он обладал глубоким и оригинальным умом большого художника и очень сложного человека. За время жизни в монастыре он прочел много самых

разных книг, от пафосных жизнеописаний великих святых до изящных и тонких творений мечтательных поэтов, которые очень любил романтичный отец Франсуа. Брат Жозеф был слишком нервным, впечатлительным и вдохновенным, чтобы увлечься сложными науками и теологией, зато у него был великолепный литературный вкус и капризный, невероятный, огромный художественный талант. Он любил все то, что волновало и поражало воображение, рождая странные, фантастические видения... Но, вместе с тем, ему была не чужда способность глубоко и долго размышлять над серьезными и сложными вопросами.

Но, обладая большим умом и весьма обширным для этих глухих мест образованием, брат Жозеф, тем не менее, мало чему мог научить двух жалких девчонок из старого замка...

Он имел знания, но не имел таланта втолковать их своим ученицам. Жозеф объяснял хорошо и ясно. Видя перед собой глупых юных девушек, он говорил простым, но образным языком, который мог бы быть им понятен. Но у него совершенно не хватало терпения на повторные объяснения. Он раздражался и ругал бедняжек за бестолковость, упрямство и медлительность. Он не выносил лишних вопросов и хотел, чтобы они все поняли с первого раза. Ведь это же было так просто и так понятно ему самому!

Он был строг и щедр на грубые приказы и наказания, но ни разу не похвалил своих учениц, принимая их небольшие успехи как должное.

Но ума, знаний и строгости оказывалось мало, чтобы обучение двух беззащитных, молодых девушек дало хорошие плоды. Для этого требовалось еще что-то, незримое, но очень-очень важное, чего у Жозефа не было...

Тем не менее, сеньор де Сюрмон был доволен его службой и хвалил монаха за то, что девушки стали куда спокойнее и послушнее.

Дни брата Жозефа в замке текли бы гораздо монотоннее и печальнее, если бы он не был так сильно поглощен изучением внешности Бланш. Хотя он скоро заметил в ней многое, что связывало ее с людьми, странное впечатление от первого взгляда на нее упорно не исчезало. Он видел маленькие трещины у нее на губах, легкую краску, которая временами едва проступала на щеках, видел, как ее светлые волосы, как и у других людей, намокали от пота. Да, она была создана из плоти, крови и грязи, как все люди на свете. И, вместе с тем, она, несомненно, имела нечто общее с загадочным и холодным миром духов, так прозрачны были ее пальцы и странные плывущие движения...

Чтобы не вызывать ненужных подозрений и сплетен, сарацин пристально разглядывал девушку только, когда они с сестрой склоняли головы над своими заданиями. Он уже сделал множество неровных, причудливых набросков, изображающих Бланш в разных библейских сценах. Но как только он заканчивал рисунок, то с удивлением и злостью понимал, что ему удалось уловить и перенести на бумагу невероятно

мало... Где было все это потустороннее волшебство жуткой бледности, весь этот горячечный блеск во взоре, вся полумертвая странность движений? Ее непонятный и удивительный облик бежал от кисти художника, дразня и маня своей паразитической необычностью...

Исповедовать жителей замка было более легкой обязанностью, чем учить дочерей мессира Анри. Никаких серьезных грехов отпустить не приходилось, ибо какие дурные проступки могли совершить живущие здесь люди?

Старые слуги и мадам Жанна признавались в мелких кражах и непослушании хозяину.

Сам сеньор де Сюрмон сокрушался о своем небрежении к святой вере и недостаточном соблюдении обрядов. Ведь войны, которые он вел на стороне своего сюзерена, графа де Леруа, напротив, считались делом богоугодным.

Клэр, боясь наказания со стороны учителя или отца честно рассказывала обо всех своих гадких проступках: как надерзила отцу, как показала язык мадам Жанне, когда та отвернулась, как измазала самому Жозефу рукав чернилами, пока он не видел...

Брат Жозеф кусал губы, чтобы не рассмеяться кому-нибудь из них в лицо. Как нелепы были все эти жалкие провинности по сравнению с тяжким гнетом ужасных грехов, который лежал на его израненной душе...

Одна лишь Бланш немало удивила его на исповеди.

Она пришла в холодную и тихую часовню замка послед-

ней. В темном платье, при лиловатом свете витражей, девушка более, чем когда-либо казалась бесплотным видением. Их разделяла тонкая, резная решетка исповедальни.

Опустив глаза, Бланш молчала. Сарацин был погружен в задумчивость.

– Ну, говори наконец, что ты там натворила? – спросил он, когда ожидание стало слишком долгим.

– Увы, я не могу.., – едва слышно произнесла девушка, еще ниже опуская голову.

– Почему? – искренне удивился Жозеф.

– Мои грехи слишком ужасны... Мне стыдно сознаться в них.

– Что за глупости ты придумываешь? Какие у тебя могут быть грехи? У тебя, бедной, ничего не смыслящей девчонки, которая еще не вступила в жизнь и не постигла всей ее мерзости и ужаса? Твой маленький мир замкнут во дворе отцовского замка, среди старых слуг, собак и лошадей... Что ты можешь знать о грехе?

– Увы, слишком много, – сорвалось с ее полуоткрытых губ.

– Ну что ж, так и быть... И что ты могла натворить? Поздорила с сестрой, оскорбила отца, произнесла богохульство или влюбилась в проскакавшего мимо замка сына какого-нибудь сеньора? – усмехнулся Жозеф.

Бланш закрыла лицо руками, и он услышал мучительный вздох, полный горечи и неподдельной скорби.

– О, много хуже...

Сарацин взглянул на нее с любопытством, но без тени сострадания.

– Невероятно! Но все же... Что бы ты там не совершила или не вбила себе в голову, отпускаю тебе этот грех, потому что он не может быть страшнее, чем проступки невинных и несмышленных детей.

Девушка вскочила и вышла из церкви с удивительной для нее быстротой. Жозеф презрительно пожал плечами. В следующее мгновение он думал о ней не больше, чем о пылинках на своих старых башмаках...

В ночь после исповеди в замке, сарацин почти не спал. Он безжалостно рвал свои многочисленные наброски. Все замыслы казались бессмысленными и нелепыми. Он испытывал приступ тяжелой душевной тоски. Он ненавидел свои рисунки, ему казалось, что он не в силах создать больше ни одного витража...

Когда наутро он пришел в замок, у него жестоко болела голова. Но брат Жозеф, собравшись с силами, с трудом отслужил мессу.

На уроке ему стало совсем дурно. Боль была нестерпимой, он чувствовал сильную слабость во всем теле. Голос сарацина то и дело прерывался и замирал. В конце концов, он опустил голову и сжал руками ломившие виски, не произнося больше ни слова.

Внезапно тишину залы нарушил слабый голос Бланш:

– Вы заболели, святой отец?

На мгновение забыв о страданиях, он поднял голову.

– Нет... Да.., – рассеянно ответил он. – Голова болит.

– Быть может, я могла бы.., – несмело начала она. – Быть может, вам что-нибудь нужно?

– Да. Принеси стакан вина. Мне станет лучше.

Через некоторое время Бланш вернулась с вином. Она протянула сарацину деревянный стакан. Он молча взял его. Она не отдернула руку...

XI. Мечты

Алые сливы в цвету...

К той, кого никогда я не видел

Занавеска рождает любовь.

Басё

Со временем человек способен привыкнуть ко многим обстоятельствам, в которые попадает по воле судьбы. Так случилось и с Жилем дель Манжем. Каким бы мрачным и пугающим не казался ему поначалу монастырь Сен-Реми, какими странными не представлялись его обитатели, через несколько дней синеватые стекла и темные коридоры, замкнутые лица монахов и небольшой дворик стали для него знакомыми и привычными.

Это не означало, конечно, что Жиль перестал скучать по покинутому дому. Он часто вспоминал о своей оставленной семье: о старой матери и ласковых сестрах и даже о суровом и строгом дяде... Но эти добрые воспоминания больше не нагоняли на него щемящую тоску, а, напротив, рождали сладостную и нежную грусть.

Обида и растерянность от того, что ему не удалось ни на шаг приблизиться к разрешению запутанной, старой тяжбы, скоро уступили место спокойным размышлениям и готовности к долгой и сложной работе. Он отослал письмо дяде с

подробным отчетом о состоянии дел и об отношениях между местными сеньорами. Правда, нельзя было надеяться на то, что письмо это скоро дойдет до адресата, но горожанину не нужно было никуда спешить.

Потом он попросил у аббата и брата Колена все бумаги, касающиеся этого запутанного дела, и стал внимательно их изучать.

В монастыре молодому человеку жилось не так уж плохо. Конечно, бедность и аскетизм, царившие здесь, жесткая постель, простая пища и постоянный звон колокола в ночи были ему непривычны. Но все же, это была не тюрьма, а такое же человеческое жилище, как и всякое другое.

Отец Франсуа, который и с первой встречи выказывал Жилию явное расположение, продолжал относиться к нему с прежней теплой сердечностью. Брат Колен тоже разговаривал с приезжим довольно почтительно. Замкнутый, благочестивый Ульфар, погруженный в свои молитвы, почти не замечал гостя. Брат Ватье ни для кого не менял своеобразного стиля своего поведения. Вероятно, он не изменил бы своих странных привычек и манеры разговора и для самого графа де Леруа...

Что касается таинственного сарацина, соседство с которым сначала так тревожило Жилия, то постепенно, как это ни удивительно, он стал свыкаться и с языческим обликом монаха и с его непонятным поведением. Многие в действиях и словах брата Жозефа еще продолжало представляться зага-

дочным. Загадочны были его жесты на рассвете, загадочны были изорванные рисунки и внезапные вспышки гнева. Да, сарацин был груб, относился к гостю равнодушно и презрительно, он был вспыльчив и непредсказуем. Но он был крещен, в монастыре с ним обращались, как с принявшим христианскую веру, а значит он не был злой и свирепой нечистью, идолопоклонником и неверным. Страх и неприязнь к сарацину не полностью исчезли в сердце горожанина, да это было бы и невозможно, но все же он убедился, что его сосед по келье не так жесток и опасен, как ему казалось раньше.

Знакомство с жителями замка де Сюрмон внесло некоторые развлечения и надежды в монотонное существование Жиля. Мессир Анри был с ним вежлив, но, в сущности, проявил мало интереса. Зато посещение замка дало горожанину приятную возможность проводить время в милых беседах с дочерьми сеньора де Сюрмона. Вернее, только с одной из них. Мадемуазель Бланш была сдержанна и молчалива, она мало говорила со всеми, и для Жиля не делала исключения. Впрочем, горожанина это не печалило. Бланш слегка пугала его своим холодным и призрачным обликом и казалась не по годам взрослой и грустной. В ее присутствии молодой человек немного терялся. Когда же девушка выходила из залы, он мог говорить гораздо живее и свободнее.

Зато прелестная и жизнерадостная мадемуазель Клэр влекла его своей нежной юностью и чарующим блеском. Если бы только это позволяли приличия, он мог бы часа-

ми оставаться рядом с ней, восторженно рассказывая о городских забавах, величии огромных соборов, блеске валансьеннского двора... Юная девушка слушала его с широко раскрытыми от удивления и наивного восхищения глазами. Она расспрашивала о шумной городской суете, о великолепных нарядах придворных дам, о богатстве и пышности графского двора.

– Ох, только бы мне разок увидеть такую удивительную пышность и красоту! – простодушно восклицала она. – Все эти длинные, яркие шлейфы... Эти чудесные увеселения, игры, фонтаны! За такое счастье я не пожалела бы ничего на свете! А что можно увидеть в нашем замке? Только старые, ржавые мечи да чепец мадам Жанны. Скука смертная!

Горячие отзывы Клэр казались Жилю дель Манжу признаком явной благосклонности девушки к нему. Ей было весело в его обществе, она охотно и очень мило говорила с ним. Это несказанно радовало молодого человека. Клэр казалась ему ангельским и трогательным существом, которое злая судьба забросила в глухое и мрачное место. Он полагал, что младшая мадемуазель де Сюрмон достойна блистать при графском дворе в дивном и чарующем ореоле своей невинности, молодости и красоты.

Они проводили вместе чудесные часы: во дворе замка, залитые алыми лучами заката, у раскрытого окна, глядя на ровную, манящую линию горизонта, в пустой, холодной зале, склонив головы друг к другу... Так расцветал хрупкий

цветок нежных чувств среди старых камней древнего замка... В такие минуты Жилю казалось, что им пели ангелы.

Потребовалось не так много коротких и приятных встреч, чтобы молодой человек почувствовал себя горячо влюбленным в прелестную Клэр.

Да, он и раньше знал, что такое любовь. В юности, будучи еще студентом, он был очарован красотой и изящными манерами сестры одного богатого патриция.¹⁰ Он встретил даму в соборе и, плененный ее грацией и скромностью, добился тайного свидания. За одним свиданием последовали и другие, а потом и пылкие признания, и вечера, полные любовных безумств...

История пламенных чувств Жилия длилась ровно до того дня, пока он не окончил свою учебу, и дядя не призвал его к себе на службу. Молодой человек очень сожалел, что покидает свою возлюбленную, но послушаться строгого приказа дяди было невозможно.

Однако то, что Жиль испытывал к юной и нежной Клэр было совершенно иным. Всею душой ему хотелось взять девушку под свою защиту, вырвать ее из этого гнезда варварства и деревенской скуки, открыть для нее жизнь, полную дивного блеска и чудесных радостей... Быть может, когда-нибудь назвать ее своей женой...

Препятствий для исполнения этой радужной и благородной мечты было много. Мадемуазель де Сюрмон была из бед-

¹⁰ Патриции – богатые горожане, принимавшие участие в управлении городом.

ного, но все же из дворянского рода, а Жиль знал, как напыщенные сеньоры гордятся своим древним происхождением. Даже среди нищеты они превыше всего ценят свой родовой герб, меч и шпоры, весь этот блестящий, но бесполезный хлам... Благородный мессир Анри вряд ли позволит своей дочери вступить в брак с простым горожанином, даже если он и подарит ей более счастливую и яркую жизнь...

И все же, Жилия не оставляли смутные надежды на лучшее. Да, благородство рода и дворянское происхождение значат много. Но разве мало значит настоящая, искренняя любовь, которую не пугают препятствия и невзгоды, которая способна хранить верность и ждать счастливого часа, которая жаждет дать защиту и спасти от горьких несчастий мира добрую и невинную душу?

ХII. Старый воин

Благородный дворянин

Сам не пишет, помня чин:

Челядь есть на то простая,

А рука его честная

Знает только меч один.

Виктор Гюго «Турнир короля Иоанна»

Товарищи! Сплеча рубите мавров,

Чтоб песнь о нас позорную сложить

Не мог никто. Всевышний не за мавров.

Ведь наше дело правое – святое, -

Худой пример я не подам друзья!

«Песнь о Роланде»

Так Сид, хотя он враг раздора,

Ворчит, с боязнью незнаком,

И лижет своего сеньора

Шершавым львиным языком.

Виктор Гюго «Романсеро Сид»

Мессир Анри де Сюрмон не имел ничего общего с теми богатыми и знатными сеньорами, которых окружает пышный двор и толпа угодливых вассалов, которые одеваются в

роскошные одежды из бархата и атласа, и выступают в поход, осененные тучей ярких, трепещущих на ветру, штандартов.

Он был всего лишь простым, бедным и скромным деревенским дворянином. Род его никогда не блистал ни богатством, ни знатностью, ни древностью. Зато отличался другими ценными добродетелями: храбростью и отвагой в военных походах, благочестием и верной службой своим благородным сюзеренам.

Предки мессира Анри веками приносили оммаж сеньорам из графского дома Леруа. В конце концов, служба этому богатому и могущественному роду превратилась в освященную временем традицию, которую очень почитал и сам сеньор де Сюрмон.

Он без долгих размышлений принес тесный оммаж сначала отцу Гильома де Леруа, а потом и ему самому, глубоко почитал своего господина и служил ему с большим рвением и усердием. Мессир Анри питал огромную благодарность к роду графа де Леруа за те милости, которыми были осыпаны его предки. Ведь когда-то они были простыми, безземельными рыцарями, не имевшими иного достояния, кроме блестящих шпор, тяжелого меча и незапятнанной чести... Именно сеньоры из рода Леруа впервые наделили этих доблестных воинов землей за добрую службу.

Можно подумать, что вся жизнь мессира Анри была замкнута в пределах двора его старого замка, да владений его сюзерена. Но это было вовсе не так. Молодость старого и по-

чтенного воина была полна доблестных, удивительных деяний и великих приключений!

Много лет назад, побуждаемые пламенным и благочестивым порывом, мессир Анри, мессир Жан де Соје и еще несколько благородных сеньоров из этих мест решили отправиться на священную войну с неверными.

К тому времени идея Крестового похода настолько исчерпала и опорочила себя, став игрушкой в руках разных политических сил, что никто больше не жаждал подвергаться жестоким опасностям и превратностям долгого пути, чтобы сразиться с сарацинами.

Лишь немногие безумные мечтатели или искатели опасных приключений отваживались еще отправиться на далекий и незнакомый, манящий и пугающий, великий Восток...

В числе таких людей и оказалась горстка бедных сеньоров из графства Эно, которые печалились о повсеместном упадке христианской веры и увядании рыцарских добродетелей. А может быть, кое-кому из них просто надоело сидеть в своих жалких и старых замках и смотреть, как большие черные пауки уныло плетут причудливые узоры своей густой паутины.

Так или иначе, храбрые сеньоры отправились в опасное, но заманчивое странствие. Ехать в Иерусалим, чтобы освободить от рук поганных язычников Гроб Господень, показалось им слишком тяжелой и неосуществимой миссией. И они решили отправиться в Испанию, где, по слухам, местные го-

судари все время воевали с ужасным и необузданным королем Гранады.

Погрузив свое легкое снаряжение на корабль в порту Эклюз, они доплыли до Валенсии Великой и оказались в удивительной, незнакомой и дивной стране, ни языка, ни обычаев которой они совершенно не знали.

Однако, довольно скоро рыцари из Эно нашли общий язык со своими испанскими собратьями, так как правила приличия и рыцарской чести были повсюду одинаковы, и стали воевать под их пестрыми знаменами.

Мессир Анри совершил множество подвигов в боях с сарацинами, которых он горячо ненавидел как врагов христианской веры, и даже немного боялся. Он крайне редко испытывал по отношению к неверным жалость или уважение. Даже, когда они проявляли великодушие. Даже, когда они, безоружные, жестами молили о пощаде. Даже, когда то были женщины и дети. Они продолжали оставаться ему глубоко чуждыми. Они были маврами, язычниками, сарацинами. Теми, кто навсегда вынесен за круг, в котором может проявляться жалость и человечность...

А между тем, сеньор де Сюрмон на всю жизнь запомнил палящее солнце той диковинной страны, ее спелые, сладкие фрукты, черные лица неверных и дьявольскую, невероятную красоту их женщин... Даже спустя много лет он все еще видел во сне все это непонятное и пугающее великолепие, находясь в своем старом замке, дремлющим среди заснежен-

ных равнин и вековых дубовых лесов...

Провоевав года два, рыцари увидели, что больших успехов не достигли. Мавров удавалось время от времени немного потеснить, но они быстро возвращали себе оставленные позиции. Посчитав, что достаточно послужил христианской вере, сеньор де Сюрмон решил вернуться домой. Остальные рыцари полегли на поле боя, а Жан де Сойе выразил желание остаться в чужих краях еще на некоторое время.

Вернувшись, мессир Анри был жестоко опечален смертью родителей и остался единственным владельцем замка де Сюрмон. Теперь на нем лежала огромная ответственность за владения отца, за его старое, благородное жилище, за немногочисленных слуг и вассалов, отныне вверенных его попечению.

Следуя примеру своих доблестных и мудрых предков, сеньор де Сюрмон старался во всем быть строгим, но великодушным и справедливым хозяином. Он, как огня, избегал излишних трат и роскоши, хотя старался поддерживать свое жилище в приличном для дворянина виде, сам выслушивал постоянные жалобы своих подчиненных и подробно разбирали их.

Поначалу мессира Анри поглотили хозяйственные заботы и служба сеньорам де Леруа. За всеми этими важными делами он даже не заметил, как пролетело время, и он начал стареть, а в волосах заблестела седина... Только тогда сеньор де Сюрмон в страхе подумал о том, что его род может остаться

без наследника.

В спешке начал он искать для себя невесту. Помня о своем уже далеко не юным возрасте и бедности, он не имел больших притязаний и остановил свой выбор на невзрачной и скромной девице из большой и небогатой семьи.

Конечно, ни о какой любви речи идти не могло, как и в большинстве семей того времени. Но мессир Анри был доволен своей послушной и покладистой супругой. Что думала по этому поводу сама мадам Изабель, неизвестно. Большую часть дня она хранила молчание, уткнувшись в вышивание или что-то мечтательно наигрывая на старой, расстроенной лютне. В управлении хозяйством она почти не принимала участия.

После нескольких лет жизни в мире и согласии, мадам Изабель подарила мессиру Анри двух прелестных дочерей, назвав их нежными и поэтическими именами. А на следующий год умерла от жестокой лихорадки...

Смерть молодой жены стала для сеньора де Сюрмона тяжелым ударом. Ведь она так и не оставила ему желанного наследника. О втором браке было мечтать уже поздно. Да, по правде говоря, мессиру Анри этого и не хотелось. Он слишком часто вспоминал кроткие, светлые глаза своей Изабель и фальшивые, неверные звуки лютни, без которых старый холодный замок словно опустел и осиротел...

На целый год сеньор де Сюрмон погрузился в черную, горькую печаль, из которой его не мог вырвать ни нежный

лепет его малюток-дочерей, ни звук охотничьего рога, зовущего в бескрайние леса, ни благочестивые уговоры замкового капеллана...

Но и самое глубокое горе, если не убивает человека, то со временем забывается. Так затухающее пламя медленно покрывается серым слоем горячей золы, а потом и она остывает...

Постепенно мессир Анри вернулся к обычной жизни.

Он с усердием продолжал служить своему сюзерену, графу де Леруа. Правда, теперь эта служба требовала уже не так много сил, как при его отце. Гильом де Леруа усмирил почти всех своих непокорных вассалов, и они крайне редко осмеливались вооружиться против него. Иногда надо было подавить бунт невежественных вилланов¹¹, но и это случилось не часто. Чаще всего приходилось участвовать в блестящей графской охоте или в каком-нибудь шумном празднике. Эти придворные обязанности были не по душе скромному и простодушному мессире Анри де Сюрмону, привыкшему к горячим битвам, а не к бесполезным пирам и танцам. Он прямо говорил об этом графу. Тот из вежливости снисходительно улыбался и отделялся остроумными шутками. Но за любезной улыбкой скрывалось нервное недовольство...

Хотя сеньору де Сюрмону, считавшему идеалом простоту древних времен, и не нравилась кричащая пышность графского двора, и он даже осмеливался открыто говорить об

¹¹ Так называли зависимых крестьян.

этом с сеньором де Леруа. Тот был его сюзереном, и мессир Анри поклялся ему в вечной верности, которую непоколебимо соблюдал...

Пока сеньор де Сюрмон воевал или исполнял свой васальный долг, его дочери росли, играя со старыми доспехами, всеми покинутые и никому ненужные...

Когда мессир Анри не был в походе, дни его текли в благочестивых молитвах, бесконечных наставлениях слугам и душеспасительном чтении.

По вечерам замковый капеллан, отец Готье, читал какую-нибудь полезную книгу при свете единственной, оплывшей свечи. Как и большинство дворян того времени, сеньор де Сюрмон читать не умел, но очень любил послушать чудесные истории в надвигающихся сумерках.

Голос старого священника звучал монотонно и нудно, а воображение рисовало мессире Анри благочестивых святых и их удивительные чудеса, храбрых Роланда и Оливье, вступающих в неравный бой с полчищами сарацин, справедливого и мудрого Карла Великого, доблестных и благородных рыцарей Круглого Стола... Всем сердцем он сокрушался о том, что безвозвратно миновало время великих подвигов и славных, бескорыстных рыцарей!

Тихонько сидя в уголку, слушали повествование о старинных деяниях и подвигах и его юные дочери...

Только после смерти отца Готье, сеньор де Сюрмон понял, что он непростительно забросил воспитание своих до-

черей. Девушки начали обнаруживать такой капризный, дикий и злобный нрав, что мессира Анри это испугало.

Ревностно выполняя долг рыцаря и христианина, он совершенно забыл о долге отца... Как мало знал он о жизни девушек, как далеки они были от него!

Когда в замок, для воспитания девушек, явился брат Жозеф, сеньор де Сюрмон испытал жестокое разочарование. Как и все добрые христиане, он питал устойчивое отвращение и неприязнь к сарацину, даже если тот был крещен и жил в монастыре. Быть может, даже крещение не может изменить этой дурной, строптивой крови... Да к тому же, воспоминания о битвах с язычниками были до сих пор живы в его душе, и он не мог смотреть на сарацина иначе, как на врага.

Кроме того, мессир Анри знал за Жозефом такие жуткие проступки, пятнавшие его прошлое, с которыми благородный сеньор никогда бы не смог примириться...

Но брат Жозеф находился под особым покровительством аббата Франсуа, известного всем своей честностью, благочестием и безупречным образом жизни, а значит приходилось поневоле принять его к себе на службу. Тем более, и дочери после знакомства с новым воспитателем стали куда послушнее и доставляли теперь гораздо меньше хлопот.

И все же, сеньор де Сюрмон не мог избавиться от смутной и глубоко укоренившейся неприязни к сарацину, какими бы хорошими качествами тот не обладал. Он был язычником, неверным, хоть и в монашеской сутане, и это было главное.

Тихо и уныло текли дни мессира Анри де Сюрмона, среди старых вассалов и непослушных слуг, в редких походах, в грустных и долгих молитвах, в отчуждении от его юных, строптивых дочерей. А старый замок продолжал летом зарастать дикими травами, а зимой, под шум злого ветра, покрываться трещинами, медленно, но неумолимо по одной пылинке рассыпаясь в бесполезный и холодный прах...

ХІІІ. Бланш

...и на коротком расстоянии от моих губ до ее щеки увидел десять Альбертин; эта девушка была подобна многоглавой богине, и та, которая открывалась моим глазам после всех, как только я пытался приблизиться к ней, пряталась за другую.

Марсель Пруст «У Германтов»

– Почему ты не можешь быть всегда хорошей девочкой, Кэти?

А она подняла на него глаза, рассмеялась и ответила:

– Почему ты не можешь быть всегда хорошим, папа?

Эмили Бронте «Грозовой Перевал»

Ей рано нравились романы;

Они ей заменяли все;

Она влюблялася в обманы

И Ричардсона, и Руссо.

А. С. Пушкин «Евгений Онегин»

Не понимая почему, я часто испытывала смертельную тоску или ни с того ни с сего становилась безудержно веселой. Чуть что, слезы брызнут из глаз или какое-то неизъяснимое томление охватит меня до физической боли, до су-

дорог, которые вдруг начнут сводить все тело.

Э. Т. А. Гофман «Эликсиры Сатаны»

Плачьте над Сатаной.

Виктор Гюго

Брат Жозеф видел в Бланш де Сюрмон призрачное и зыбкое создание. Но что скрывалось под этой жутковато-бледной кожей? Какие мысли вспыхивали в темных, сверкающих глазах? Какое сердце дрожало в этом столь холодном с виду существе?

Все жители замка знали задумчивую, отрешенную, ледяную Бланш, какой она была в течение почти всей своей жизни. Но существовало множество разных Бланш. Они были очень непохожи друг на друга. Сквозь основной, печальный и задумчивый образ, проступала девушка, безудержно и восторженно рассказывающая о том, что ее поразило, и весело скачущая в измятой и порванной одежде. Была еще одна, отчаянно и безутешно рыдавшая над скорбями мира, с распухшими губами, с пылающими неровным, лихорадочным румянцем щеками, измазанными солеными слезами... Существовала также Бланш, впавшая в бешенство, которая в гневе разбрасывала вещи, выкрикивала ужасные слова и причиняла себе боль. Была и та, которая с широко раскрытыми от ужаса глазами пробиралась в кромешной тьме в свою спальню и трепетала от ночных кошмаров.

Все эти Бланш появлялись внезапно, без особой связи с происходящим вокруг. Когда ее спрашивали, почему она плачет или злится, ей нечего было ответить. Ведь она плакала не потому, что на дворе шел дождь, а потому что ей стало невыносимо горько. И сердилась не от того, что порвала платье, а от того, что все внутри у нее кипело, и она задыхалась...

Какой из этих образов, из этих сущностей, был истинным? Все сразу. И ни один из них.

Нагрубившая отцу Бланш была настоящей в эту минуту, но еще существовала другая, которая будет через четверть часа заливаться слезами...

Когда она не была раздражена, то отличалась большим сочувствием к окружающим существам.

Однажды, будучи шестилетней девочкой, она увидела, как крестьянские дети вместе с ее сестрой загнали в сарай черного кота и били его камнями. Испуганное животное, не в силах найти выхода, металось по сараю и громко мяукало, вздрагивая от боли и от страха. Когда Бланш слышала эти крики беззащитного существа, в ее сердце словно вонзился острый кусок стекла. Она бросилась в сарай и стала кричать детям, чтобы они оставили кота в покое.

Но дети отвечали ей:

– Этот противный кот сожрал чудесную, маленькую птичку! Так пусть получает теперь, гадкое, сатанинское отродье!

Бланш поймала обезумевшее животное и закрыла его со-

бой, задыхаясь от слез и крича:

– Что же теперь делать! Бог заповедовал ему есть беззащитных птичек... Но ведь и он живая тварь, как и другие! У него тоже есть сердечко в груди! А вот если бы Господь создал вас неразумными тварями, жрущими других, что тогда?

– Вот злая ведьма! Она защищает гадкого оборотня с окровавленными зубами!

Бланш тоже побили камнями, разбили ей лоб, и по брови покатила тонкая, алая струйка горячей крови... Перепуганный кот страшно изорвал ей все руки, но девочка так и не выпустила его, продолжая защищать от жестоких ударов.

Когда детям надоела эта бессердечная забава, Бланш поднялась с сена вся в крови и в слезах и, спотыкаясь и рыдая, медленно пошла в замок со спасенным животным.

Она устроила израненного кота в своей комнате и стала выхаживать его с отчаянным и безумным усердием. Девочка отказывалась от пищи, дрожала в лихорадке, но продолжала заботиться о несчастном, пострадавшем существе, совершенно забыв о собственной боли и ранах.

Сердце Бланш сжималось от жестокой боли. Как же несправедливо устроено все на свете! Ей нестерпимо жалко было несчастную, милую птичку. Но вдвое сильнее ее терзала жалость к бедному коту. Разве он виноват, что бог создал его хищным и жаждущим крови?! Ведь и он живое существо, способное чувствовать боль и мучительно страдать от нее!

Усилия девочки вскоре увенчались успехом. Кот окреп и

поправился, и она оставила его у себя. Поскольку он был строптивым и черным, Бланш дала ему удивительное имя: царь Марсилий. Она услышала о коварном и непокорном государе мавров, когда капеллан читал отцу любимую им «Песнь о Роланде».

Люди продолжали звать кота нечистью и ругали девочку за то, что она его подобрала. Но никакие угрозы и упреки не могли принудить Бланш расстаться с животным, к которому она сильно и горячо привязалась.

После страшной сцены в сарае царь Марсилий стал дик и осторожен. Он избегал людей и ласкался только к своей спасительнице.

Так он мирно и прожил свой кошачий век, а через несколько лет ослеп и тихо умер от старости. Бланш так горячо любила его и так сильно печалилась о нем, что похоронила царя Марсилия по-христиански, зарыв его во дворе замка, и долго плакала на его маленькой могилке...

Она испытывала сострадание не только к животным. Мук людей также вызывали у девушки живейшее сочувствие.

С горечью взирала она на дрожащих от зимнего ветра нищих и бедных крестьян, и если у нее находились жалкие гроши, то обязательно подавала им, надеясь хоть немного скрасить их горькое, безрадостное существование.

Она не могла смотреть, как наказывали во дворе провинившихся крестьян, и сейчас же убегала, закрыв лицо руками.

Если отец получал в походе рану, то Бланш всегда трепетно и заботливо ухаживала за ним, стараясь по мере сил облегчить его страдания.

Но та же самая Бланш в другое мгновение могла ударить сестру, поссорившись с ней, могла разорвать принесенные наряды перед мадам Жанной, расшвырять книги отца Готье, наговорить грубостей прямо в лицо сеньору де Сюрмону.

Через четверть часа она горько и жестоко раскаивалась в своем ужасном поведении и так искренне и отчаянно молила о прощении, что, видя ее безумное волнение, отказать ей было просто невозможно. Но девушка не могла стать мягкой и нежной дольше, чем на день-два. Она была всего лишь игрушкой в руках своих бесчисленных и противоречивых существ, которые толкали ее от безудержного гнева к всепоглощающей и трогательной нежности...

И Бланш, и Клэр часто вместе с отцом слушали благочестивое чтение капеллана. Они послушно ходили к мессе в старую, но все еще обладавшую мистическим очарованием, замковую часовню. Но представления их о боге и христианских добродетелях были мимолетны, зыбки и туманны, как легкие, предрассветные облака. Ни сеньор де Сюрмон, ни отец Готье, ни мадам Жанна не могли объяснить им ровным счетом ничего из области веры и надлежащего поведения, кроме пары благочестивых, но противоречивых примеров, которые порождали разнообразные и странные мысли.

Оставшись без матери еще в раннем детстве, бедные де-

вушки не имели никакого понятия о плохом и хорошем, о дозволенном и запрещенном, и жили, следуя своим минутным желанием и незрелым мыслям.

Когда девочки подросли, мадам Жанна сочла своим долгом предостеречь их от необдуманных шагов и ошибок и стала читать долгие и нудные нотации о мужчинах. В духе того времени, почтенная дама нарисовала мужчин злобными волками, которые только и жаждут, что похитить женскую честь и погубить жизнь невинной девицы. Она приказала девушкам ни на шаг не приближаться к незнакомым сеньорам и ни на мгновение не забывать об исходящей от них опасности.

Но где бы бедняжки могли встретить этих «ужасных и голодных» сеньоров? Мир, простиравшийся за оградой их тихого, старинного замка, был им столь же мало знаком, как европейцам далекие, заморские земли!

И, однако, незаметно для мадам Жанны и других обитателей замка, соблазнительное зло все же проникло в неокрепшие полудетские головы...

Оно пришло из хроник и книг, которые читал отец Готье.

Живя в постоянной скуке и разъедающем безделье, юные девушки с восторгом ожидали вечерних сумерек, когда старый капеллан открывал свои пыльные фолианты и начинал читать диковинные, удивительные истории. Перед мысленным взором маленьких мечтательниц проплывали древние битвы и сверкающие доспехи, неведомые страны и поразительные чудеса, совершенные святыми, блестящие дворы

иноземных князей и сверкающие роскошью дамы...

Увы, то, что настраивало дух мессира Анри на возвышенный и благочестивый лад, рождало у его дочерей необузданные и причудливые фантазии, к которым они устремлялись всей душой, упиваясь древними сказками о чудесном и незнакомом...

В душе Клэр родились яркие грезы о невероятной придворной роскоши и чарующей красоте знатных дам. Она мечтала окунуться в великолепии пышного праздника, в сверкающую ночь, пронизанную тихими любовными признаниями и золотистыми струями журчащих фонтанов... Как и все девушки тех лет, Клэр была очарована образом юного, утонченного и изящного кавалера. Доблестного и прославленного рыцаря, готового к великим подвигам и безумным обетам в ее честь...

Вот почему она так любила всматриваться в далекие клубы пыли, летевшие из-под копыт лошади какого-нибудь блестящего, разодетого сеньора. Вот почему ее юное сердце так тянулось ко всем приезжим и новым лицам.

Клэр виделись манерные танцы, пышные турниры и подаренные ей маргаритки.

Но какой же удивительный и отравленный цветок расцвел в это время в сердце экзальтированной и неуравновешенной Бланш?

Цветок этот был редким, необычным и черным...

Образы нежных и грустно вздыхающих или храбро воюю-

щих рыцарей оставили Бланш холодной и равнодушной. Но чем дольше слушала она старинные хроники, тем чаще ее беспокойная мысль возвращалась к странным и диким врагам благородных воинов... Сначала девушка неосознанно грезила о свирепости и мрачном пыле сарацин. Потом, увлеченная любопытством, она начала часами рассматривать наивные иллюстрации, скользя рассеянным взглядом по темным лицам с острыми носами, по диковинным шлемам и вычурным блестящим доспехам неверных. И, наконец, ее охватила страстная, безумная тоска по недостижимому! По ночам она плакала и ломала руки, охваченная нестерпимым желанием на один-единственный день очутиться в райских садах неверных, вдохнуть бескрайнее море солнечного света, увидеть незнакомые, дивные лица и умереть!

Несносными стали давящие стены, холодные, серые равнины, окружающие замок. Ей хотелось улететь, вырваться в мир безумцев и идолопоклонников, к голубому небу и палящему солнцу, в сверкающий простор, прорезанный диковинными башнями чужих храмов и наполненный, звенящей, непонятной речью...

Окруженная холодом и снегом, Бланш жаждала нестерпимого зноя. Видя перед собой лишь голубые глаза, она решила, что на свете нет ничего прекраснее черных.

Среди множества хроник, которые читал отец Готье, была одна, особенно жестоко поразившая воображение Бланш. Вероятно, она была написана по образцу хроники Гийома

Тирского, так как в ней много и красочно рассказывалось о великом Саладине.¹²

Образ загадочного и грозного государя и завоевателя так потряс девушку своим нечеловеческим блеском и удивительной силой, что она уже не смогла оправиться от удара.

Великолепный Саладин являлся ей повсюду: в образе сурового и храброго воина, справедливого и милосердного государя или просто страстного и сильного, смуглого, высокого мужчины. Он то усердно и тихо молился, то воодушевлял свою пеструю и странную армию перед грядущим боем, то внимательно слушал речи добрых паломников.

В хронике говорилось о «рабском» происхождении Саладина, о том, как он восстал против своего государя и благодетеля Нур-аддина. Но разве он восстал бы, если бы его не подвергали жестоким притеснениям и гонениям?! Так думала Бланш. В ее глазах Саладин был униженным, гонимым, невинной жертвой, а ее сердце всю жизнь рвалось к притесняемым и несчастным!

Хронист называл Саладина тираном и убийцей. Но как было не стать ему убийцей, если доблестный барон Рено де Шатийон отнял у него величайшую драгоценность, любимую сестру государя, и надругался над ней! И его называли

¹² Аль-Малик Ан-Насир Салах ад-Дунийя ва-д-Дин Абуль-Музаффар Юсуф ибн Айюб (1138-1193) – султан Египта и Сирии, основатель династии Айюбидов, выдающийся полководец и мусульманский правитель. Курд по происхождению. Европейцы называли его Саладином. На протяжении всего средневековья Саладин занимал воображение европейцев.

благородным рыцарем! Вся кровь вскипала в Бланш, когда она думала о том, от какой жестокой боли разрывалось сердце великого государя! О, как это горько и несправедливо! Девушка в отчаянии кусала себе губы, представляя боль и горе человека, который безраздельно завладел ее воображением.

Да разве он был дурным и жестоким, этот великолепный и прекрасный государь? Бланш заливалась тихими и сладкими слезами, представляя Саладина в окружении благодарных паломников, женщин и детей, которых он милосердно отпускал из Иерусалима, тогда как христианские рыцари умели только убивать и обижать! Он же умел миловать и имел поистине великое и доброе сердце! Как прекрасно и как трогательно! Суровый воин, улыбающийся невинным детям...

Несчастливая Бланш прекрасно сознавала дикость и преступность своей любви к врагам Господа и христианской веры. Она считала себя порочным и погибшим созданием. Ее отец воевал с неверными и проливал свою кровь в борьбе за торжество истинной веры, а ее сердце безудержно стремилось к его смертельным врагам!

Она жестоко горевала и тосковала, она проклинала свою жалкую жизнь, но ничего не могла с собой поделать... Страсть к Саладину и к райским садам его неведомой страны была в тысячу раз сильнее! Она сочла себя погибшей и проклятой Господом душой и все глубже погружалась в отравленный дым своих жутких грез...

И все-таки, голос, звучащий в самых таинственных глубинах ее существа, подсказывал Бланш, что, вопреки всему, в ее чувствах было что-то высшее и справедливое.

Почему человек, обижающий и терзающий женщин, попадает в рай, если воюет за христианство? А тот, кто был милосерден и добр, кто спасал невинных детей, но кому не открылся свет истинной веры, должен томиться в аду и ждать тяжкого наказания после смерти? Во всем этом было что-то настолько жестокое и несправедливое, что Бланш отвергла это всем своим существом. Всею трепещущей душой она чувствовала: что бы не говорили священники и все люди на земле, невозможно отказать в милосердии тому, кто хоть раз совершил человеческий поступок и спас хоть одну жизнь, будь то даже сам ужасный, восставший на бога Люцифер!

К тому же, она не понимала, в чем вина сарацин, если им недоступна истинная вера. Они родились и были воспитаны в суеверии и язычестве, так в чем же их винить? А черные лица, будто бы являющиеся зеркалом их порочной души... Такими создал их бог! Но зачем, создав их черными, и оставив несчастные души в заблуждении, он теперь так много спрашивает с них?..

Иногда Бланш украдкой уносила любимые книги у капеллана и, укрывшись в каком-нибудь темном уголке двора, предавалась своим сверкающим, чудесным грезам... Она судорожно листала старые, пыльные страницы, впивалась горящим взором в изображения сарацинских воинов, сама сла-

гала наивные истории о великих походах, что-то задумчиво чертила палочкой на земле. Перед ее восторженным взором возникали алые облака, окрашенные закатом, лихие, тонконогие кони, дикие всадники в изящных, причудливых доспехах, пылающие суровой и мрачной страстью лица...

Она лелеяла в своем беспокойном сердце мечту о великом Саладине, как дивный и экзотический цветок. Он был с ней повсюду. Воздух был полон его дыханием, он охранял ее сон, во тьме она чувствовала его легкое, едва ощутимое прикосновение к своему пылающему лбу. Бланш бредила великим государем и его далекой, сказочной страной. Для нее давно умерший властитель был живее, чем все окружающие ее люди!

Пока ее младшая сестра и другие молодые девушки мечтали о благородных христианских рыцарях, спасающих их от жутких великанов и огненных драконов, Бланш видела прекрасные сны, в которых ее похищала шумная и дикая толпа неверных. Они привозили ее, полуживую от страха, к справедливому государю и сажали под замок. Она видела себя закутанной длинным, тяжелым покрывалом, одинокую и печальную. Ее бросали на пол и обращались с ней жестоко. Но тут появлялся сам Саладин в блеске своего неземного величия и великодушия, и вся ее обида и злость рассыпались в прах. Сначала и он обращался с ней сурово и смотрел косо, но вскоре сердца их таяли, и в них разгоралась пылкая страсть. Трепеща, Бланш мечтала о жестоких ласках, кото-

рыми осыплет ее государь, о пышных гробницах его идолов, которые он ей покажет, о сияющих звездах его жаркой страны. Ей грезилося, как она будет сопровождать его в опасных походах, будет стараться заронить в его пылкое сердце свет истинной веры. Возможно, в конце концов ее пленят христиане и предадут жестокой, мучительной смерти. Она уже видела кровь и вздрагивала от воображаемой боли. Но девушка не боялась погубить свою бессмертную душу ради Саладина. Она жаждала соединиться с ним в круге ада, где уже никакому божественному промыслу не под силу будет разлучить погубившие друг друга души...

От этих осязаемых, безумных видений у Бланш кружилась голова, пылали щеки и дико колотилось сердце... Ей казалось, что еще немного, и она лишится рассудка...

Но о чем бедная девушка могла мечтать в реальности? Все мужчины, которых она видела, делились на грубых и пьяных скотов, какими были большинство соседних сеньоров, и на юных, пустоголовых и манерных пареньков, какими были их сыновья. Ко всем к ним Бланш испытывала глубокое отвращение.

Ей нужен был мужчина, умеющий читать книги. Мужчина, вдохновенными рассказами которого она могла бы заслушиваться от заката до рассвета. Мужчина, в котором глубокий ум и безумные грезы сочетались бы с необузданной и страстной силой дикого зверя...

Не встречая его, Бланш все глубже тонула в своих опас-

ных, туманных мечтах и двигалась к неминуемому безумию. Ее нервная, пылкая натура, не находя выхода в горячо необходимой любви и сильной страсти, проявлялась в истерической неуравновешенности и диких поступках...

Как раз в то время, когда Бланш находилось в таком мучительном и противоречивом состоянии, ее полудетский ум и пылающее сердце потрясло немислимое и невозможное событие: в их замке появился настоящий сарацин!

XIV. Желания

И рассмотрев все, привлекающее обычно влюбленных, я почел за наилучшее вступить в любовную связь именно с ней.

Пьер Абеляр «История моих бедствий»

Я смутно рассчитывал также, что приговор отдаст тебя в мои руки, что в темнице я застигну тебя, что буду обладать тобой, что там тебе не удастся ускользнуть от меня, что ты уже достаточно времени владела мною, и теперь я, в свою очередь, овладею тобой. Когда творишь зло, твори его до конца. Безумие останавливаться на полпути! В чрезмерности греха таится исступленное счастье.

Виктор Гюго «Собор Парижской богородицы»

Сейчас же замолчи! Если ты назовешь его имя, я тут же все покончу, я выпрыгну в окно! То, что ты держишь сейчас, останется твоим. Но душа моя будет там, на вершине холма, прежде чем ты еще раз притронешься ко мне.

Эмили Бронте «Грозовой Перевал»

Вопреки надеждам отца Франсуа, служба в замке де Сюрмон и общество людей не сделало брата Жозефа ни жизнерадостнее, ни счастливее. Напротив, его внезапная вспыльчивость и мрачное раздражение только усилились.

Что происходило в его замкнутом, сложном внутреннем мире? Какие новые драмы разыгрывались в выгоревшей и опустошенной душе сарацина?

Жозеф не обрел счастья, на которое он надеялся, к которому устремился, как к лучу света, прорезавшему окружающий его густой мрак. Странная внешность Бланш породила множество фантазий и идей, но воплотить их в полной мере, предать им завершённую форму, он не мог. Что-то постоянно ускользало от взора художника, и это приводило его в бешенство и отчаяние... Он чувствовал свое бессилие и совершенно не понимал его причины.

К неуловимости облика Бланш вскоре добавилось нечто еще более нестерпимое. Однажды, пристально изучая движения и жесты девушки, сосредоточенно рассматривая линии ее фигуры, Жозеф внезапно ощутил, что его взгляд перестал быть взглядом бесстрастного живописца. Он впивался взором в каждую частицу ее воздушного тела уже не с вдохновением художника, но с пылом мужчины.

Это открытие жестоко потрясло его. Неужели он мог поддаться еще и этой безумной человеческой слабости?!

Увы, это было горькой правдой. Безмерно увлеченный своими художественными замыслами, сарацин не заметил того момента, когда огонь вдохновения смешался с пылом грубых плотских желаний. Когда он находился рядом с Бланш, его рассудок тонул в сладком, отравленном тумане. Ее случайное прикосновение, казалось, проникало в самые

затаенные глубины его существа и заставляло его мучительно вздрагивать.

В конце концов, все эти нечистые мысли и лихорадочные ощущения настолько завладели Жозефом, что это стало сильно отвлекать его от уроков, месс и прочих обязанностей в замке. Это злило его. Это порождало новые страдания. Он предпочел бы избавиться от внезапно вспыхнувших желаний, как от осколка стекла, вонзившегося в руку.

В нем никогда не было холода и спокойствия уравновешенных натур. Он обладал пылким и страстным воображением художника и горячей кровью сарацина. В душе брата Жозефа давно уже не оставалось места чистоте и целомудрию.

Еще до того, как он принес строгий монашеский обет, Жозефу дано было познать чувственную любовь. Правда, эта старая история закончилась горьким и жестоким разочарованием в женщинах и в чувствах.

Но никакое разочарование не способно было убить жившие в нем южные страсти. На протяжении почти всей его мирной, спокойной и скучной жизни в монастыре, большую часть любовного пыла, дремавшего в его крови, пожирали витражи. Жозеф отдавал слишком много сил и страстного вдохновения своему искусству.

Но, к сожалению, возвышенное и безумное искусство не могло вместить всех темных желаний, скрытых на дне его существа. И запертого в четырех стенах сарацина постиг-

ла участь многих несчастных монахов, истерзанных скукой и бездельем. Его праздным воображением завладели самые дикие и невероятные сны и видения. В этих уродливых снах и душных грезах Жозеф становился частью того странного и абсурдного мира, который жил в нем. Изображенные им святые и мученицы превращались в его возлюбленных и соблазнительниц, уводя его в страну запретного сладострастия и преступных наслаждений...

Он не искал встреч с настоящими женщинами из плоти и крови. Вовсе не потому, что строго и ревностно относился к своим обетам. Они были для Жозефа не больше, чем мертвыми и лишеными смысла клятвами. Но боль прошлого была слишком сильной. Да и на что он мог надеяться? Все женщины в этих краях питали к нему непреодолимое отвращение и безумный страх, как к язычнику и дьяволу. Даже самая невзрачная и бедная крестьянка убегала при его приближении, испуганно крестясь или закрыв лицо руками.

Кроме того, хотя Жозеф никогда не верил в любовь и высокие чувства, бессознательное отвращение удерживало его от этих мимолетных встреч и жалких радостей, которые ограничиваются лишь одним вечером, люди же остаются друг для друга безмерно далекими и чужими... Быть может, гордость и чувство собственного достоинства не позволяло сарацину искать этих бессмысленных наслаждений, в которых нет ни капли тепла и счастья...

Таким образом, не имея другого выхода, все его безумные

желания сосредоточились в тюрьме его воображения, медленно подтачивая его рассудок и нервы.

Хотя брат Жозеф был уже немолод, а рассудок его безжалостно разрушался, он все еще продолжал чувствовать себя сильным и пылким мужчиной, которому необходимо тепло женского тела.

И внезапно, женщиной, к которой устремились все его чувственные мечты, стала Бланш де Сюрмон. Юная и наивная Бланш. Жалкая Бланш. Загадочная Бланш. Он сам не мог понять, какая таинственная сила влекла его к этой бедной девчонке. Существовали женщины ярче и красивее. Хотя бы блистательная Сесиль. Он видел женщин, от которых веяло чувственностью и сладострастием. Ничего подобного не было в Бланш. Она состояла не из горячей плоти и крови, а из прохладного тумана. В ее лице не было румянца. Ее движения не соблазняли и не искушали. Но именно ее голос, ее силуэт, ее присутствие жгли Жозефа, будто адским пламенем. Именно в эту белую, неживую кожу он жаждал впитаться хищными, жестокими поцелуями... Прикосновение именно этих тонких пальцев заставляло его трепетать, как в лихорадке. У нее был странный взгляд. Взгляд ребенка и взрослой женщины. Взгляд невинный и порочный. Такой, какого еще не было и никогда не будет ни у одной женщины на свете...

Жозеф ненавидел ее за то, что она внушила ему эту мучительную, тяжелую страсть. Он ненавидел себя за то, что

поддался этой безумной и низкой слабости. Напрасно. Это не могло ничего изменить.

Но он не хотел больше испытывать боль. Он устал от страданий, которые преследовали его всю жизнь. Он готов был на все, чтобы только прекратить свои новые мучения. Это безумие должно безвозвратно уйти из его жизни. И если не получается расстаться с навязчивыми мыслями о Бланш, значит остается единственный путь: исполнить свое жгучее желание, чтобы навсегда избавиться от него...

Но как осуществить это преступное намерение? Невозможно надеяться, что девушка уступит ему сама. Несомненно, она питает к нему такое же непобедимое отвращение, как и другие женщины. Остается взять ее силой. Но как потом заставить ее молчать? Ведь она дочь благородного сеньора, у нее найдутся храбрые защитники. Если он поступит с ней так, это может разрушить ее жизнь... Но что такое ее жалкая жизнь по сравнению с полной чашей его страданий? Жизнь несчастной, никому не нужной девчонки. Как это мало. Как это ничтожно мало!

Однажды Жозеф проснулся рано утром, когда розоватые лучи рассвета едва проникли в маленькое окошечко кельи. В голове его снова и снова проносились эти жестокие, дурные мысли. Через несколько мгновений он опять погрузился в давящий, тяжелый сон. Он не знал, сколько прошло времени, но вскоре сознание вернулось к нему. Чувствуя, что снова проснулся, Жозеф хотел открыть глаза и сесть на по-

стели, но, к его дикому ужасу, это оказалось невозможно! Все его тело было скованно неведомой, жуткой силой. Он делал отчаянные, невысказанные усилия пошевелиться, но не мог сделать ни единого движения! Его сознание бодрствовало, но тело больше не принадлежало ему. Он был жив и мертв одновременно! Жозеф слышал свое тяжелое, стесненное дыхание, он чувствовал холодный воздух на губах... Но его потрясенный дух был заключен в темнице неподвижного, мертвого тела! Ему казалось, что этот жуткий кошмар будет длиться вечно. Пока тянулись эти ужасные мгновенья, он умирал тысячу раз...

Внезапно его слуха коснулся далекий звон колокола. Страшные чары рассеялись в единый миг, уродливый сон исчез. Резко вздрогнув, он проснулся весь в холодном поту. Сердце бешено колотилось в груди, зрачки были расширены от потустороннего ужаса...

В это утро Жозеф опоздал на мессу в замке. Когда он, бледный и подавленный, вошел во двор, то увидел сеньора де Сюрмона, стоявшего на полуразрушенных ступенях крыльца и отдававшего приказы сновавшим вокруг крестьянам и слугам.

Брат Жозеф медленно подошел к мессиму Анри.

– Вы поздно сегодня, святой отец, – сухо, но спокойно сказал сеньор де Сюрмон после обычного приветствия.

– Я... я немного... не здоров, – неуверенно ответил сарацин, отводя глаза в сторону.

– Что ж, наши жизни и здоровье в руках Божьих. Подождите пока тут. Потом сразу отправитесь к демуазелям.

Брат Жозеф поклонился.

– Управлять хозяйством и замком нелегкий труд, – пожаловался сеньор де Сюрмон, окидывая взглядом унылый двор, старые башни и светлую линию горизонта, тонкой лентой убегавшую вдаль. – Здесь нужно большое терпение и хороший пример для слуг. А они удивительно ленивы и нерадивы. Все вырождается в нынешние дни... В старые времена слуги и вассалы почитали сеньора, как самого Господа.

– Я думаю, – отозвался Жозеф, – в старые времена вассалы воевали со сеньорами ничуть не меньше, чем сейчас. Хронисты красочно повествуют о древних войнах, которые шли на наших землях, пока не ввели «Божий мир».

– Нет, и не убеждайте меня, – и мессир Анри сделал властный жест рукой. – В балладах постоянно поется, что раньше мир был полон великих добродетелей, а теперь повсюду клевета, измена и преступления.

– Должно быть, этим балладам уже две сотни лет, а люди все поют об одном и том же.

– Вы даже не можете себе представить, – не унимался сеньор де Сюрмон, – до чего бестолковые и ленивые стали теперь вилланы! Кроме окриков и кнута, им недоступен никакой другой язык...

– От той жалкой жизни, какую они влачат в нищете и невежестве, разве можно быть другими? – пожал плечами сара-

цин. – Сеньоры обрекли их на такое горькое существование. Ваше благополучие и моя грамотность куплены ценой их лишений и невежества...

Сеньор де Сюрмон пристально посмотрел на своего собеседника.

– Сдается мне, святой отец, вы заговорили бы иначе, если бы взбунтовавшиеся мужики напали на вашу обитель. Что бы было, если бы их гнев угрожал вашей жизни?

– Это было бы, по крайней мере, справедливо, – холодно ответил монах.

– Вот как? – удивился мессир Анри. – Неужели вы думаете, что они пощадили бы вас?

– Не знаю... Надеюсь все же, что они пылали бы меньшей ненавистью к тому, кто хотя бы не презирает их, как остальные сеньоры. Да и какое все это имеет значение... Смерть уравнивает нас всех.

Сеньор де Сюрмон перекрестился.

– Вы удивительный человек, мессир Жозеф, – задумчиво произнес он. – Как вы решились покинуть свой замок, когда каждый сеньор обязан защищать его, как свою последнюю крепость?

– А что еще я мог поделать, если за мной гналась толпа вооруженных вассалов? Я вовсе не желал погибнуть нелепой смертью.

– Нелепой смертью! – возмутился мессир Анри. – Долг каждого благородного рыцаря защищать свой замок до по-

следней капли крови!

– Наверное, об этом тоже красиво поется в балладах, – усмехнулся сарацин. – Моя жизнь стоит больше, чем гряда холодных камней.

– О, мессир, да это просто трусость! – воскликнул сеньор де Сюрмон.

Впрочем, он тут же сам испугался своих резких слов. Он вовсе не хотел ссориться с монахом, так как обещал аббату быть с ним вежливым.

Однако, слова мессира Анри несколько не задели Жозефа, и он спокойно произнес:

– В таком случае, то, что вы зовете храбростью, я назову глупостью.

На этот раз был оскорблен уже сеньор де Сюрмон.

– Мессир, – холодно проговорил он, – окончим этот разговор. Он не ведет ни к чему хорошему. Отправляйтесь в замок и приступайте к своим обязанностям.

С тоской в сердце отправился брат Жозеф к своим ученикам. Присутствие Бланш превращало занятия в ежедневную пытку.

Девушки уже ждали учителя в зале. Сарацин указал им отрывок в книге, к которому надо было написать толкование, а сам погрузился в размышления. Когда он по привычке взглянул на Бланш, то увидел, что она украдкой кусает губы и вытирает слезы. Это не вызвало у него никаких эмоций. Наверняка, девчонка плачет из-за какой-нибудь глупо-

сти в то время, как ему приходится по ее вине мучиться от безумных фантазий и кошмарных снов.

Как обычно, Клэр закончила свое сочинение первой и протянула его учителю. Взяв листок, он жестом отпустил девушку.

Бланш продолжала что-то нервно писать, отирая слезы, откидывая волосы с лица и покусывая перо. Скоро Жозефу надоело ждать, и он строго произнес:

– Поторопитесь, мадемуазель. У меня еще много дел в монастыре, а у вас и так было достаточно времени.

– Я не могу, святой отец, – ответила она. – Сегодня у меня ничего не получается...

– Мне нет дела до ваших капризов, – оборвал ее сарацин. – Давайте ваше задание.

– Да пропади они пропадом, ваши книжки и задания! – внезапно закричала Бланш, разрывая листок и расшвыривая книги по комнате. – Ничего я не буду писать! Не нужны мне ваши проклятые науки! Не желаю никого слушать!

Ее глаза горели, на щеках проступил неровный, лихорадочный румянец, волосы растрепались и закрыли искаженное бешенством лицо.

Остолбневший Жозеф смотрел на нее глазами, полными удивления и непонимания. Он мог ударить девушку, чтобы она успокоилась. Но он не хотел этого делать. Он смотрел с глубоким интересом. Что это? Где же вся ее холодность и призрачное спокойствие? Так значит вот что под ними таит-

ся. Так значит вот она какая! Строптивая и безумная, дикая и непослушная...

– Прекрати. Дай мне книги, – наконец сказал он, делая шаг к ней.

– Не смейте ко мне подходить! – истерически крикнула Бланш. – Не смейте ко мне прикасаться! Ни шагу, говорю вам! Если только вы сделаете еще шаг, если вы до меня дотронетесь, то я такое сотворю! Я вырву себе все волосы! Я ногтями расцарапаю себе лицо! Я подожгу этот проклятый замок вместе с собой и с вами тоже! Клянусь, я так и сделаю! Вот увидите!

– Да что на тебя нашло, черт возьми! Не собираюсь я тебя трогать.

– Я же сказала, что не могу писать быстрее! Не могу! Не могу! – задыхаясь, говорила девушка. – К чему вы начали меня торопить?! Сегодня я сама не своя... Все валится у меня из рук! Какой вы безжалостный! Я думала, что вы не такой жестокий, как другие люди! Но теперь я вижу: вы тоже злой и холодный!

В этот момент бешенство овладело уже сарацином:

– Послушай, несчастная девчонка! – крикнул он. – Да откуда такому жалкому и бесполезному созданию, как ты, знать, кто я! Этого не знаю даже я сам! Как ты смеешь своим нетвердым детским умом судить о моих поступках, о которых тебе ничего неизвестно! Разве ты знаешь, что такое адская боль от потери любимого существа?! Разве тебе из-

вестно, что такое предательство и вероломство?! Тебе известно, что такое беспросветное отчаяние?! А беспокойная совесть?! А груз преступлений?! Ты знаешь, что чувствует человек, заживо превращаясь в тлен?! Да всей твоей пустой, никчемной жизни не хватит, чтобы вместить хоть каплю моего огромного, жестокого горя!

Он больше не смотрел на Бланш. Ее не существовало. Все поглотила собой прежняя, мучительная боль. Его черты исказились, в глазах застыли слезы.

В зале воцарилась звенящая тишина.

Вдруг он почувствовал слабое прикосновение к своему рукаву. Он обернулся. Бланш стояла рядом и смотрела на него глубоким, печальным взглядом.

– Увы, конечно, я не смогу понять... Ведь вы не расскажите мне...

– Зачем тебе это знать? Кого волнует боль моего сердца? Да и где тебе понять весь ад моей несчастной жизни...

– О, но, может быть, я могла бы понять хоть малую часть и взять на себя хотя бы долю вашей ужасной боли. Не отказывайте мне. Может, вам станет легче. Я больше не буду плохой. Я не скажу вам больше ни одного дерзкого слова, если узнаю правду.

– Вот что... Мне пришла одна мысль. Однажды, когда мне было особенно тоскливо, меня посетила фантазия описать все горести моей жизни. Я принесу тебе эти записки... Правда, не знаю, зачем я это делаю. Это чтение не подходит для

молодой девицы. Но раз ты просишь... Ничто не сможет лучше рассказать о моих страданиях, чем эти старые, желтые листы...

XV. Юсуф

...почтенный приор показал мне оставшиеся после брата Медарда и хранившиеся в архиве как некая достопримечательность записки, и лишь с трудом уговорил я колебавшегося приора позволить мне ознакомиться с ними. Старец полагал, что эти записки следовало бы сжечь.

Э. Т. А. Гофман «Эликсирьы Сатаны»

*Ma mère me parlait de l'Espagne
Comme si c'était son pays
Et des brigands dans les montagne
Dans les montagnes d'Andalousie
Bohémienne. Notre Dame de Paris*

*Моя мать рассказывала мне об Испании,
Как будто это была ее страна,
И о разбойниках в горах,
В горах Андалузии.*

«Цыганка», мюзикл Нотр-Дам де Пари

Я же, чем больше выказывал успехов в науке и чем легче они мне давались, тем более страстно привязывался к ним и был одержим такой любовью к знанию, что, предоставив своим братьям наследство, преимущество моего первород-

ства и блеск военной славы, совсем отрехся от участия в совете Марса ради того, чтобы быть воспитанным в лоне Минервы.

Пьер Абеляр «История моих бедствий»

Следующим вечером Бланш, осторожно озираясь, тихонько пробиралась в свою комнату. Старые, полусгнившие деревянные ступени скрипели во тьме под легкими и быстрыми шагами девушки, заставляя ее вздрагивать через каждое мгновенье. На серых и пыльных стенах плясали легкие косые тени, рождая удивительные и пугающие видения. Бланш крепко прижимала к груди таинственные и страшные записки сарацина, словно они были чудесным сокровищем. Но в эту минуту для нее и вправду не существовало ничего дороже этих старых, измятых листов. Сердце девушки разрывали противоречивые и сложные чувства. Она то замирала от страха быть пойманной, то дрожала в предвкушении тайны, то грустно вздыхала, представляя, сколько горя ждет ее на этих страницах.

Наконец Бланш благополучно добралась до своей спальни, никого не встретив по дороге, и с чувством огромного облегчения резко захлопнула тяжелую дверь. Не раздеваясь, она бросилась на постель, продолжая сжимать в хрупких пальцах записки монаха. Взгляд девушки бесцельно блуждал по темному потолку, не видя старых балок и облупившихся, убогих узоров. Вся комната тонула в мягком, матовом лун-

ном свете, который одевал старинные вещи удивительной, неведомой красотой. За окном тихо покачивались черные ветви раскидистого дерева, и пушистый иней при нежном, неподвижном свете луны казался совсем синим.

Но ничего этого Бланш не видела. Для ее разгоряченного воображения существовали в это мгновение только желтые, пыльные листы, исписанные рукой человека, о котором она почти ничего не знала, но вскоре должна была узнать так много! В висках у нее стучало, губы высохли и пылали. Она и жаждала проникнуть в тайну и боялась ее, словно языков жаркого пламени. Какие преступления, ужасы и пороки скрыты за этими скачущими, неровными строчками? Какие глубокие страдания пропитали измятую бумагу сильнее, чем выцветшие чернила? Почему она так боялась узнать о грехах своего строгого учителя? Почему не имела сил погрузиться в рассказ о его жгучей боли?

Сомнения и нерешительность Бланш длились долго. Она тихо ломала пальцы и кусала губы, пока наконец сердце не стало биться немного ровнее. Она выпустила листы, и они мгновенно рассыпались по постели. Девушка села на колени, дрожащей рукой взяла первую страницу и, набравшись храбрости, начала читать, медленно шевеля губами. Вот что она прочла:

«Живя в святой обители, где другие люди обретают утешение и просветление, я полон отчаяния, тоски и безысходности. Мрак и пустота владеют моей разбитой жизнью. Мо-

литвы и мессы занимают много времени. Но все же, его остается достаточно для мертвящей, чудовищной скуки. Поэтому часы, не отданные службам и моим витражам, я решил заполнить описанием моих прошлых горестей. Великие философы, подобные магистру Абеяру, утверждают, что чужие бедствия и заблуждения могут служить назидательным примером другим людям. Сказать по правде, я этому несколько не верю. Да и не думаю, что хоть одна живая душа прочтет безумные записки заточенного в глухом монастыре монаха. Кого способны растрогать мои печали? Однако, я почему-то берусь за этот бессмысленный и никому ненужный труд. Должно быть, мне всего лишь хочется убить проклятое время, которому никогда не будет конца... Или я питаю смутную надежду, описав мои страдания, хотя бы в малой мере излечиться от них!

И вот я уже чувствую, как капризные и жестокие воспоминания уносят меня к светлым и далеким временам моего детства, когда я еще умел радоваться солнечным лучам, и когда меня звали просто Юсуф...»

Бумага с тихим шорохом выскользнула из пальцев Бланш. Ее зрачки расширились и окаменели. Возможно ли это? Какое невероятное и странное совпадение! Ведь когда-то она слышала, что и великого Саладина, бога и государя ее дивных грез, тоже звали Юсуфом!

Девушка схватила упавший листок и с жаром продолжила начатое чтение:

«Волшебный сон моего детства начинается с прикосновения нежных рук моей обожаемой матери. Не было на свете женщины добрее и прекрасней. Ее нечеловеческая красота сводила с ума окружающих. Мне не забыть ее огромных, сверкающих, как летние звезды, глаз, ее дивных губ, алых, как сок граната, который растет в ее далекой стране, ее вьющихся шелковистых волос, которые окутывали всю ее гибкую, грациозную фигуру. О, как часто я играл с этими блестящими волосами, заливаясь наивным и восторженным смехом. А она осыпала меня бесчисленными поцелуями и, улыбаясь, приговаривала:

– О мой любимый, мой сладкий Юсуф! Ты еще мальчик, мое нежное дитя, но я вижу за твоим гордым лбом замыслы поэта или эмира... Ведь недаром я дала тебе такое славное и красивое имя. Юсуф ибн Наср завоевал для себя Гранаду. Скажи мне, мой милый сыночек, ты хочешь владеть эмиратами или слагать дивные песни, слушая которые, люди будут заливаться сладкими слезами?

Она носила длинное, белое покрывало, расшитое по краям великолепными узорами, а на руках и на ногах – чудесные золотые браслеты, издававшие тихий звон при каждом ее шаге.

Я не знал ни семьи, ни страны моей матери. Я родился в замке моего отца, среди валлонов, в сером и снежном краю, где у людей лица такие же белые, как их бескрайние зимние равнины. Знал я только то, что ее звали Марьям, и что в ее

стране всегда светит яркое солнце. Когда-то мой отец воевал в далеких, южных землях. Он захватил мать в плен, привез сюда и женился на ней. Что лишило ее семьи? Прониклась ли она любовью к своему похитителю? Об этом мне ничего неизвестно.

Все свое раннее детство я провел в нашей маленькой и светлой комнате. Пол ее устлали пышные ковры и цветные циновки. Вместо дверей и полога были резные, тонкие, белые решетки, похожие на искусные кружева. Комнату заливали багряные лучи заката. Я закрываю глаза и вижу ее именно такой. И слышу ласковый голос матери... Она забавляла меня от рассвета до заката, играла со мной в диковинные игры и кормила вкусными сладостями.

Пока я жил в покоях матери, у меня была длинная, светлая одежда и блестящие четки, которые я любил задумчиво перебирать. Здесь, в графстве Эно, люди едят за большими деревянными столами, но мы ели, сидя на ковре и скрестив ноги. На рассвете мать, боязливо оглядываясь по сторонам, сажала меня на циновку и велела, повторяя за ней мудреные слова, прочесть намаз. Она говорила, что каждый мусульманин должен поступать так, ибо это завещано великим Аллахом. Она велела мне читать намаз, где бы я ни был. И даже после ее смерти...

Должно быть, я был смышленным ребенком, и у меня была хорошая память, ибо скоро я выучился болтать одинаково хорошо и на арабском, и на валлонском наречии.

По вечерам, после легкого ужина, мать часто читала мне откровения из Священного Корана. Она привезла эту дорогую, драгоценную книгу из своей страны. Я помню, как она сидела, вся залитая алыми лучами заката, и голос ее звучал вдохновенно и страстно...

Она не только читала, но и часто развлекала меня удивительными рассказами о жизни Пророка и праведных халифов. Она говорила с неземным огнем в глазах, рисуя жестами великие подвиги и старинные события, а я слушал ее пылкие слова с восторгом и восхищением.

Перед моим детским взором проплывали великолепные и ужасные картины. Вот, в обжигающем сиянии, вырастает из тьмы пещеры архангел Джабраил и раскрывает перед потрясенным Мухаммедом священную книгу. Вот гордый халиф Умар отказывает в просьбе персидскому рабу, и тот вонзает в него кинжал на пороге мечети. Или, любитель роскоши Усман погибает от рук взбунтовавшихся египтян, и листы Священного Корана, которые он держал в руках, обгаются его горячей кровью... Бесстрашная Айша созерцает жаркую битву, сидя в душном паланкине, на спине у верблюда. Или честный и вдохновенный халиф Али внимает просьбе о перемирии, увидев на копьях воинов листы Корана...

Мои сны и мои грезы были пронизаны легендами о кровавой вражде и о преданности своей глубокой вере.

Мать рассказывала не только о великих и далеких временах, когда возникла ее религия, но и о своей любимой, уди-

вительной стране. На свете есть такое благословенное место, где почти круглый год сияет солнце, где растут цветущие, пышные сады со сладкими, сочными фруктами, где в жаркий полдень в воздухе танцуют прохладные, тонкие струйки фонтанов. Ночью огромные звезды падают на землю, а до неба можно дотронуться рукой... Там живут страстные и пылкие люди, которые хранят в своих гордых сердцах чистую веру и вечную любовь. Почти все там говорят на языке Пророка, а синее небо прорезают острые, изящные башни прекрасных мечетей. И дома, и храмы там полны воздуха и света. Там не знают, что такое страх и тьма. Мужчины жестоки и ревнивы, а женщины невероятно прекрасны и целомудренны. Эта далекая, но дивная страна находится там, где христиане воюют с маврами. Во владениях испанских королей. Мавры называют ее «Аль-Андалуз». Когда-то она была огромна, но теперь от нее осталась лишь Гранада, да слава о былом безмерном величии...

Увлеченный восторженным повествованием моей матери, я стал чертить свои первые, неумелые рисунки. С них смотрели на меня гордые, жестокие халифы и эмиры, пугливые, как быстроногие лани, прекрасные девушки, закутанные в расшитые покрывала. В зеленых садах щебетали сказочные, чудесные птицы...

Но недолго мне было суждено жить в том маленьком раю, каким была для меня наша светлая, красивая комната.

Первым гостем, часто нарушавшим наше ангельское уеди-

нение, был мой отец. Он не был со мной ни суров, ни строг, но и особой любви и внимания тоже никогда не проявлял. С матерью он говорил свободно и легко, но без вежливости и изящества. Он был воином, не привыкшим к лишним любезностям.

Немного позже в нашей мирной жизни появился другой чужой человек, священник. Это был отец Франсуа. В те далекие времена он был молод, очень красив и приятен в обращении. Впрочем, он и сейчас почти не утратил своего бывшего очарования. А я? Во что превратился я за эти долгие годы?..

Отец Франсуа приходил почти каждый день, вел с матерью долгие, умные и увлекательные беседы, из которых я не понимал почти ни слова, и читал нам Библию. Он горячо и увлеченно рассказывал нам о величии бога, о временах первых христианских мучеников и жестоких страданиях Христа во имя рода человеческого... Мать только загадочно улыбалась. Ведь нам с ней уже была известна истина. Напрасно христиане бранят и поучают нас. Они еще не уверовали. Что бы они сказали, если поняли бы, что все в руках милосердного Аллаха?..

Несмотря на то, что отец Франсуа пылко пытался обратиться нас в свою веру, не ведая, что нам уже известно последнее откровение, я горячо полюбил его. Сначала я сторонился чужого монаха, похитившего у меня драгоценное внимание моей дорогой матери, но вскоре мое дикое сердце оттаяло.

В ответ на мои злобные взгляды отец Франсуа мягко улыбался, встреченный моим мрачным молчанием, он говорил со мной спокойно и ласково, без тени обиды. Я убегал при его появлении, он дарил мне лакомства и книги. Разве мое упрямство и замкнутость могли устоять перед этой искренностью, добротой и горячей любовью к людям?

Скоро он стал моим лучшим другом. Я показывал ему свои первые рисунки, брал у него благочестивые, христианские книги и узнавал все новые и новые вещи о его вере. Когда я стал старше, то часто поверял отцу Франсуа все свои горести, обиды и мучительные сомнения. Не знаю, как ему это удавалось, но он всегда находил нежные и искренние слова утешения, которые излечивали раны моей страдающей души...

Шло время. Я немного подрос, и мне пришлось сменить свой длинный и удобный костюм на валлонскую, узкую одежду, пришлось познакомиться с другими покоями в замке, научиться есть, сидя за столом.

Я уже не мог все свое время проводить с матерью и отцом Франсуа. Я должен был теперь видаться с отцом и моим старшим братом. Ибо у меня был старший брат, Матье де Соёе, с таким же белым лицом, как и у всех валлонов. Он был сыном отца от его первой жены, которая умерла еще до того, как отец отправился на Восток в поисках богатой добычи и счастья...

Отец и брат начали учить меня владеть мечом и ездить

верхом, носить доспехи и охотиться. Сказать по правде, ничего хорошего из этих занятий не выходило. Насколько легко мне давалось чтение, изучение языков и мое художество, настолько же тяжело мне было управляться с копьем и доспехами. Я получал раны, падал с лошади, спотыкался на ровном месте... Отец с братом грубо смеялись надо мной, оскорбляли меня, называли «паршивым книжником» и говорили, что мне «одна дорога – в попы». Слушая их, я сгорал от стыда и горькой обиды...

Однако, хоть природа отказала мне в ловкости и гибкости, она одарила меня силой и упрямством. В конце концов, я перестал падать с лошади и научился сносно владеть оружием. Но первые неудачи и грубые насмешки моих учителей навсегда поселили в моей душе глубокое и непобедимое отвращение к военному делу...

Войдя в мир людей, я сразу же ощутил на себе его жестокость и несправедливость. Моя любящая мать звала меня «халифом и поэтом», «ангелом и богом», отец Франсуа называл «милым мальчиком», мой отец стал называть меня «бестолковым растяпой», а от брата я и вовсе не слышал ничего, кроме слов: «ублюдок», «черная тварь» и «мерзкий урод». Не знаю, за какие грехи Матье так жестоко ненавидел меня и не желал признавать своего родства со мной...

Мой маленький рай был разрушен в единое мгновение! Из любимого и окруженного заботой ребенка я превратился в отверженное, гонимое и проклятое существо... О, как же-

сток был этот переход с небес на землю!

Отец Франсуа был не единственным гостем в нашем замке. Часто к отцу приезжал его младший брат, Филипп де Сойе, со своей семьей. Отец с дядей устраивали шумные пиршества, пили вместе и то клялись друг другу в вечной любви и верности, то о чем-то громко и оживленно спорили. Я ненавидел эти веселые и дикие праздники и старался поскорее убежать и спрятаться в каком-нибудь сарае с книгой или со своими рисунками, где никто не смог бы меня отыскать.

У дяди были дети. Робер, надменный, вспыльчивый и высокомерный юноша. И Сесиль, красивая, гордая, молчаливая и роскошно одетая девочка. Такой она была тогда. Такой она осталась и сейчас: ледяной, яркой и прекрасной... Как и мой брат Матье, кузен с кузиной выказывали мне открытую неприязнь и презрение. Одетые, как раскрашенные куклы, они жестоко смеялись над беспорядком в моей одежде. Красивые и бледные, они издевались над моим смуглым лицом.

Однажды мы сильно поссорились, и Робер в гневе разорвал мои рисунки. Нет слов описать, что тогда произошло в моей душе! Когда я увидел, как он рвет мои наброски, мне показалось, что мое сердце и душу втоптали в грязь и растерзали клыками и когтями дикие животные! Я бросился на него и жестоко избил. Прибежали слуги и растащили нас. Отец не стал разбираться, кто виноват в ссоре. Конечно же, проклятый сарацин, решили все. В наказание меня заперли

в сарае, и оставили там на всю ночь.

И тут со мной приключилось нечто странное и необъяснимое. Конечно, я был обижен несправедливостью по отношению ко мне и сильно расстроен. Но я не боялся темноты. Однако, мне пришла невероятная фантазия, что ни за что на свете я не останусь до утра в сарае! Меня охватил такой жуткий приступ бешенства, что я, как помешанный, начал колотить в деревянную дверь и кричать, чтобы меня сейчас же выпустили отсюда. На мои вопли прибежали испуганные слуги. Когда они открыли дверь, оказалось, что я разбил себе руки до крови, ни на минуту не переставая изо всех сил ударять по доскам. Но я больше не чувствовал ни рук, ни своего тела. Обессиленный, упал я на колени, не ощущая ничего, кроме страшной слабости. Мое дикое бешенство прошло, и в то же мгновение я ощутил резкую боль в изодранных руках и горько и испуганно разрыдался. Слуги смотрели на меня в немом ужасе.

Когда я в таком жалком виде пришел к матери, она громко вскрикнула, покрыла поцелуями мои изуродованные руки, перевязала их и всю ночь гладила мои волосы и утешала меня ласковыми словами, ни разу не спросив, что со мной случилось...

С тех пор я задумался о том, что со мной происходит. Ибо я чувствовал, что во мне существовало нечто, независящее от меня и не принадлежащее мне. В моем существе жил кто-то, кого я не знал... Это пугало меня. Я слышал о духах, ко-

которые способны завладеть душой человека, но почему-то мало верил в это. То, что существовало во мне, было частью меня. Я знал, что оно не пришло извне. И это было еще страшнее...

В своем отчаянии и мрачных мыслях я был очень одинок. Увы, тогда я еще не знал, что значит настоящее беспросветное отчаяние!

Брат и кузен с кузиной надменно отвергли меня, и я не искал их капризного внимания. Но с кем мне было играть и где найти детскую дружбу? Все же, я не мог жить в постоянном одиночестве. Игры перепачканных в грязи крестьянских детей казались мне со стороны очень увлекательными. Но и они называли меня «неверным» и гнали прочь. Мне оставалось лишь глотать слезы глубокой обиды... И вот однажды Матье жестоко оскорбил меня при крестьянских детях. Они смотрели на эту сцену с удивлением и интересом. А потом вдруг позвали меня к себе и приняли в свой шумный круг. Постоянно осыпаемые насмешками и издевательствами своих господ, они увидели, что их мучители обижают и меня. И тогда страх и отвращение перед «неверным» оказались слабее, чем глубокая ненависть к блестящим сеньорам, от которых они претерпели столько тяжелых унижений! С каким-то бунтарским вызовом они показывали своим изящным и жестоким господам, что дарят свою дружбу тому, кого те презирают и отвергают... И среди этих темных и невежественных детей я действительно узнал настоящую и крепкую дружбу,

которая вскоре связала меня с ними сильнее, чем кровные узы когда-либо связывали с братом и кузенами...

Увидев, что я вожусь с детьми мужиков, отец окончатель-но махнул на меня рукой и сказал, что из меня ни за что не выйдет славного воина.

Но я никогда не мечтал быть славным воином. Я хотел только рисовать. И ничего больше. Все они звали меня Жозефом де Сойе, но мне не нужно было этого благородного имени. Я хотел оставаться безвестным Юсуфом, рисующим зеленые сады и ночное небо Аль-Андалуса, которого я никогда не видел...»

На этом месте Бланш на минуту остановилась, чтобы перевести дыхание. Когда она подняла глаза от бумаги, то увидела, что, вместо холодного света луны, комнату заливают первые лучи рассвета...

XVI. Испытание

...грудь у нее была почти обнажена и, хотя девушка мгновенно набросила на плечи платок, алчный взор мой успел уловить чересчур много; я онемел, неведомые доселе чувства заклокотали во мне, разгоряченная кровь стремительно понеслась по жилам, я слышал биение своего пульса.

Э. Т. А. Гофман «Эликсиры Сатаны»

*Сегодня вечером, полна истомы нежной,
Луна не может спать; не так ли в забытыи
Лаская контуры грудей рукой небрежной,
Томится девушка, тоскуя о любви.
Шарль Бодлер «Печаль луны»*

Так бежал он через поля до самого вечера. Это бегство от природы, от жизни, от самого себя, от человека, от бога, от всего длилось весь день.

Виктор Гюго «Собор Парижской богородицы»

Весь день Бланш, трепеща от нетерпения, не могла дождаться вечера, чтобы поскорее продолжить мучительное и сладостное путешествие в прошлое своего учителя.

Она была рада, что не сможет увидеть брата Жозефа целую неделю. В замке шли шумные и хлопотливые подготов-

ления к празднику Рождества. Мадам Жанна затеяла большую уборку в старых и пыльных залах, и слуги то и дело сновали по комнатам с тряпками и ведрами в руках. В монастыре тоже готовились к великому празднику, и по этому случаю сеньор де Сюрмон отпустил Жозефа в обитель на целую неделю.

В другое время эти несколько дней могли показаться Бланш вечностью. Она хотела видеть сарацина каждое мгновение, потому что ей казалось, что он принес в их мрачный замок дивный и яркий свет своей страны. А еще потому, что он невольно занял в ее воображении место великого Саладина, и все ее восторженные мысли устремились теперь к строгому и суровому учителю.

Но сейчас она не смогла бы встретиться с ним без глубокого волнения. Она не смогла бы посмотреть Жозефу в глаза. Ей нужно было знать, чем закончится всецело захвативший ее душу рассказ. Бланш мучительно боялась встретить там что-нибудь такое, что могло бы разрушить ее пламенные грезы и мечты о сарацине. Ей невыносимо было думать, что этот мрачный человек виновен в преступлениях, которые навсегда могли бы отвратить от него ее чуткую душу. Воображая себе ужасные деяния и тяжкие грехи, о которых он говорил, Бланш уже заранее с жаром искала им тысячу оправданий...

Страницы, прочитанные ею вчера, вызвали у девушки только восторг и сильнейшее сочувствие. Сказочное повествование сарацина о далеком и прекрасном Аль-Андалусе по-

грузило Бланш в чарующие и яркие грезы. А правдивый рассказ о его первых, детских несчастьях и презрении окружающих людей вызвал у нее горячую жалость, глубокое сострадание и пылкое желание утешить юного Юсуфа в его наивных горестях.

Наконец, короткий зимний день начал клониться к закату, и Бланш с замирающим сердцем бросилась к себе в комнату и затворилась там с пылким желанием продолжить прерванное чтение. Она торопливо отыскивала место, на котором остановилась вчера, и снова погрузилась в волшебный мир, созданный воображением сарацина:

«Среди всеобщего презрения и редких радостей, подаренных мне судьбой, проходили юные годы моей жизни. Поглощенный глубокими книгами отца Франсуа, пылкими рассказами моей матери и, сильнее всего, своими безумными набросками, я даже не заметил, как из восторженного ребенка превратился во взрослого мужчину.

Несмотря на то, что мне уже довелось столкнуться с несправедливостью и жестокостью мира, я все еще был полон светлых надежд и не лишился доверия к людям. Моя наивная, полудетская душа всегда была открыта для глубокой любви, тихих радостей и спокойного счастья.

Пока никто не будил скрытое во мне опасное чудовище, оно мирно дремало где-то в затаенных глубинах моего существа. Почти ничто в моем поведении не отличало меня от других людей. Иногда я думаю, если бы судьба моя сложи-

лась иначе, и меня не постигли такие мучительные и страшные удары, быть может, разрушительная сила, затаившаяся в моей душе, никогда бы не вырвалась наружу, и я смог бы даже прожить счастливую и безмятежную жизнь... Но зачем я пытаюсь обмануть себя этими пустыми, напрасными мечтами? Безмятежная жизнь невозможна для того, кто сам носит в себе бурю!

Но в те светлые и радостные годы мое сердце все еще было полно любви и самых добрых намерений. Как я уже говорил, военные походы внушали мне отвращение. И я надеялся провести всю свою жизнь наедине с моими причудливыми рисунками. Я хотел посвятить все свои свободные часы служению моей дорогой матери и отцу Франсуа, и трепетной заботе о них. Я горячо жаждал отдать им долг любви, которой они щедро одарили меня в детстве. Ради них я сдерживал свой необузданный нрав и дикие порывы. Я хотел видеть их счастливыми и довольными моим ровным и спокойным поведением. В те дни мне часто казалось, что я жил лишь для того, чтобы застегивать браслеты на руках моей матери, подавать книги отцу Франсуа, терпеливо ухаживать за ними, если кому-то из них случалось заболеть и вызывать на их добрых лицах лучезарные улыбки.

Семья моего дяди продолжала по-прежнему иногда гостить у нас в замке. И если за это время я стал уже взрослым, то пролетевшие годы превратили во взрослых людей и моих надменных кузена и кузину.

Робер де Сойе продолжал блистать изяществом, холодностью и надменностью. Льдом и великолепной красотой сверкала и Сесиль, превратившаяся в роскошную и яркую даму.

Кузен продолжал относиться ко мне насмешливо и презрительно. Но какая чудесная и невообразимая перемена совершилась с Сесиль! При встречах со мной вся она лучилась любезностью и доброжелательством. Она разговаривала со мной мягким и приятным тоном, смотрела с нежностью и слушала с глубоким интересом. Кузина часто просила меня показать ей мои новые рисунки, и всякий раз подолгу рассматривала и с воодушевлением хвалила их.

Мы стали проводить вместе много времени. Она просила почитать ей искусные, красивые стихи или рассказать что-нибудь увлекательное. Часто во время чтения она склонялась ко мне так близко, что ее рыжие волосы касались моей щеки, и я чувствовал ее легкое, теплое дыхание...

Мне нелегко было находиться в обществе манерной и изящной Сесиль. Все женщины, кроме моей матери, которых мне доводилось встречать, избегали и боялись меня, и я не имел возможности узнать их близко. Поэтому рядом с кузиной я чувствовал неловкость и стеснение, но не смел прямо сказать ей, что меня тяготит ее общество.

Удивительно, но она, казалось, не замечала ни моей неловкости, ни кратких ответов, ни моего смятения. Я не находил себе места, а она, напротив, хотела быть ко мне еще ближе...

Однажды, когда отец с дядей уехали на охоту, мы с Сесиль сидели на полу у меня в комнате, и я читал ей страстные творения трубадуров, а она задумчиво слушала, подперев голову изящной, тонкой рукой. Лихорадочно переворачивая страницы, я читал, не поднимая глаз на свою очаровательную кузину. Мне попало прекрасное и прочувствованное стихотворение Конона де Бетюна, где отправляющийся в поход рыцарь трогательно и печально прощается со своей возлюбленной:

Увы! Любовь, зачем ты мне велела
В последний раз переступить порог
Прекраснейшей, которая умела
Так много лет держать меня у ног!
Но вот настал разлуки нашей срок...
Что говорю? Уходит только тело,
Его призвал к себе на службу Бог,
А сердце ей принадлежит всецело.

Не успел я дочитать последнюю строчку, как ощутил у себя на плече тяжесть склоненной головы Сесиль.

– Как красиво сказано, – мечтательно произнесла она, глядя в растворенное окно. – Ведь правда, Жозеф, любить – это так прекрасно!

Мной овладело странное, мучительное волнение.

– Я ничего не знаю об этом, – резко ответил я, пытаюсь

осторожно высвободить плечо из-под ее головы.

Тогда она внезапно выпрямилась и быстро, как будто нечаянно, поцеловала меня в губы! Потрясенный, я смотрел на кузину широко раскрытыми от удивления и едва ли не от страха глазами. Видя, что я замер в неподвижности, она повторила свою попытку.

Не знаю, что случилось со мной в это странное мгновение, но ее поцелуи разбудили во мне тайный, неведомый жар. Сладкий, густой туман заволок мои мысли, я почувствовал, что задыхаюсь и впился в ее накрашенные губы неистовым, безумным поцелуем... Потом я резко дернул Сесиль к себе и изо всех сил сжал ее в объятиях...

Увы, как описать то, что произошло дальше! Никогда я не думал, что минутные, пылкие порывы ведут к таким необдуманным и непростительным поступкам. Охваченный внезапно вспыхнувшей страстью, я очнулся лишь тогда, когда ужасного и тяжкого греха уже нельзя было исправить!»

На этом месте Бланш отложила записки. Она не могла читать дальше. Ее охватили противоречивые чувства, в которых она никак не могла разобраться... Так значит брат Жозеф знал, что такое тот страшный грех, которым ее всегда пугали! Значит ему довелось испытать то, что бывает между мужчиной и женщиной... Да и как могло быть иначе? Хоть он и был монахом, но все-таки он был взрослым мужчиной. А раз так, то ему были знакомы те жгучие и страшные тайны, о которых Бланш не смела и думать. Лишь глубокой, темной

ночью, когда она мечтала о Саладине, ее охватывало смутное желание крепко прижаться к своему государю и повелителю, вдохновенному безумцу и мужественному защитнику. Ее и пугал, и манил темный грех, о котором писал сарацин.

Но сейчас ей не было никакого дела до всего этого. Не было дела до его греха. Она думала только о том, что он целовал и сжимал в объятиях другую женщину. Баронессу де Кистель. И от этого она в отчаянии кусала губы, а в груди что-то больно и мучительно сжималось... О, тот, кто полностью завладел ее мыслями, тот, кто занял место Саладина в ее пылких, чарующих снах, когда-то осыпал поцелуями и ласками чужую, незнакомую женщину! Ей достались бессвязные слова любви и жаркие объятия!

Дрожа от волнения и обиды, Бланш упала на постель. В это мгновение ей казалось, что она отдала бы жизнь за единственный любящий взгляд своего учителя! Но на что ей было надеяться, бедной, жалкой, презираемой девчонке... У нее не было и доли красоты и блеска прекрасной баронессы!

Бланш рассеянно провела рукой по своим пылающим губам и нервно вздымавшейся груди. Неужели ей не суждено никогда в жизни услышать пылких слов любви, обращенных к ней? Неужели не суждено ощутить на своей коже жестоких, страстных поцелуев? Неужели никогда не наступит день, когда она станет для другого человека дороже всех сокровищ мира?.. Или ее трепетное горячее сердце навеки будет заключено в мрачную и горькую тюрьму одиночества?..

Но эти безумные мысли ведут к гибели и страшному позору!

Долго лежала она в немом отчаянии и адской тоске по недостижимому счастью, пока, наконец, не нашла в себе силы продолжить чтение:

«Сесиль скоро покинула меня. Я остался в комнате один, разбитый и растерянный. Что я натворил?! Как легко и жестоко я погубил жизнь невинной девушки! Вовеки не будет мне за это прощения... Но что теперь делать? Нужно вернуть ее и сказать, что я сделаю все, чтобы искупить свою вину! Все, чего бы она не попросила...

Я немного привел в порядок свою одежду и отправился на поиски Сесиль. В соседней зале я услышал голоса. Один голос принадлежал кухне, второй – Роберу.

– Что это с тобой, сестрица? – насмешливо спрашивал он. – Что за жалкий вид? Какой дикарь превратил твое пышное платье в бесполезные лохмотья?

– Оставь меня в покое, – тихо, но жестко прошептала она.

Она стояла у стола и жадно пила вино. Красная капля капилась по ее подбородку.

– Да нет же, ответь мне! – продолжал настаивать брат.

Она допила вино. Поставила стакан на стол и повернулась к Роберу. Ее лицо было ужасно бледным и неподвижным.

– Ты хочешь знать? Ну хорошо. Это сделал сарацин. И теперь я буду его женой. Волчье Логово будет принадлежать нам. Тебе и отцу. Ради этого я готова на все. Нас лишили за-

конных прав на долю наследства от этих земель. Но мы вернем его, даже если мне придется для этого спуститься в ад! Робер, разве я могу позволить, чтобы отец выпрашивал нашу долю у проклятого дяди, точно голодный пес кость с хозяйского стола! Какое отвратительное унижение! Мне больно смотреть, что тебя, моего любимого брата, лишили его законных прав! Мое сердце обливается кровью!

– Но почему этот поганый неверный? – удивленно спросил кузен.

– Потому что у меня не было другого выхода. Матье уже обручен. Оставался только он. Теперь он женится на мне.

– И как ты собираешься жить с этим чудовищем под одной крышей? – произнес он так, словно речь шла о диком звере.

– Не знаю! – резко крикнула Сесиль. – Но я знаю одно. Как только мы поженимся, я больше не позволю ему и пальцем притронуться ко мне! У него повадки дикого животного, а не человека! Я хотела бы забыть его хищные поцелуи, как уродливый кошмар!

В эту минуту она обернулась и громко вскрикнула. Она увидела в дверях меня. Должно быть, мое лицо было ужасно, ибо она в страхе отшатнулась. Не желая слышать больше ни единого слова, я, как безумный, бросился прочь из комнаты.

Я не помню лестниц, по которым я несся, спотыкаясь через каждую ступеньку. Я не помню, как пробежал через двор и оказался далеко за пределами замка. Когда я очнулся, то был уже в темном, прохладном лесу, среди высоких дубов и

густого, колючего кустарника.

Только тут страшная буря моих чувств вырвалась наружу! Я рыдал, издавал дикие вопли, катался по земле, бился головой о стволы деревьев... Я был одержим одним единственным желанием: содрать с себя кожу, изуродовать себя, разорвать в клочья, уничтожить каждую частичку моего ненавистного существа, которое причиняло мне такую ужасную боль! Я хотел, чтобы ни капли меня не могло остаться в этом проклятом мире!

Какое несчастье! Неужели я обречен всю свою жизнь внушать отвращение женщинам, да и вообще всем людям?! Неужели настанет день, когда ни единое существо не обратится ко мне с ласковым словом?! В чем моя вина? Только в том, что я родился в стране, где у людей смуглые лица?! Как это нечеловечески жестоко!

Проклятая Сесиль! Зачем она так поступила со мной?! Зачем причинила мне такую страшную боль?! Разве я просил ее лживых поцелуев?! Разве добивался ее холодного тела?! Разве мне нужно было ее ледяное сердце, которое умеет только ненавидеть, но никогда не узнает, что такое любовь!

Не узнаю и я. Не хочу этого знать! Мне не вынести больше этой жуткой боли и нестерпимых страданий!»

Бланш бросила листы на пол. Она захлебывалась слезами. Она ненавидела баронессу де Кистель! Ее сердце разрывалось от боли за несчастного Юсуфа. Если бы сарацин был сейчас здесь, она кинулась бы к нему с бессвязными словами

утешения. Она гладила и сжимала бы его руки, изо всех сил стараясь залечить его старые душевные раны...

Немного успокоившись, девушка стала собирать листы с пола и, найдя нужную страницу, принялась читать дальше:

«Тем временем, наступил вечер. В лесу стало темно и холодно. Мое отчаяние начало понемногу слабеть. Наблюдая за собой в течение жизни, я заметил, что все приступы моего странного безумия имели одну общую особенность. Они были нестерпимыми в самом начале. В первое мгновение моим чувствам был нужен хоть какой-нибудь выход. Я жаждал безудержно предаться горию, покалечить себя, поверить в то, что я убью себя... Я хотел думать, что все кончено, что следующий миг не наступит. Мне необходима была эта иллюзия, чтобы пережить свою жестокую боль. После первых, бурных проявлений моего горя мне становилось легче. Я терял силы и впадал в полусонное, туманное состояние, в котором уже ничего не трогало и не мучило меня.

Именно с таким ощущением я поднялся с земли и медленно пошел обратно в замок. Я тихо вошел в комнату матери, не желая будить ее, и без сил опустился на пол. Но она не спала. Она подошла ко мне со свечой в руке. Пламя осветило мое лицо, и она громко вскрикнула. Мать крепко обняла меня и помогла лечь в постель.

– О, мой бедный, мой любимый Юсуф! – шептала она, прижимая к груди мои руки. – Какая злая женщина довела тебя до этого?

Я вздрогнул.

– Откуда вы знаете, что женщина? – спросил я хриплым голосом.

– Только из-за женщины можно впасть в такую горькую печаль, – задумчиво ответила моя мать, грустно качая головой.

Засыпая в ту ночь, я чувствовал себя самым несчастным человеком на свете. Увы, откуда мне было знать, что это горе всего лишь жалкая, детская обида по сравнению с теми страшными несчастьями, которые ждут меня в будущем...»

В это мгновенье свеча в комнате Бланш вспыхнула последним ярким пламенем и тут же погасла. Все погрузилось во мрак. Девушка не могла разобрать больше ни одного слова...

XVII. Вероломство

Ночью она начала бредить; голова ее горела, по всему телу иногда пробежала дрожь лихорадки; она говорила несвязные речи об отце, брате: ей хотелось в горы, домой...

М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»

Прядка волос покойной матери

Растает в руках моих, -

Так горячи мои слезы, -

Белый иней волос.

Басё

На землю спустился новый зимний вечер. Бланш быстро шла по лестнице с прежним нетерпением в сердце. Но к этому волнению больше не примешивалось ни капли радости. Ее поглотил неподдельный страх. По мере того, как темные краски в истории сарацина сгущались все больше, девушку начинали пронизывать ужас и отчаяние. Вдохновенные мечты о пылком чужестранце постепенно уступали место мучительным опасениям и жестокой тревоге за его судьбу...

Тем не менее, Бланш все еще хотелось поскорее закончить чтение. Она устала от страхов и волнений и хотела как можно скорее испытать самую ужасную боль, чтобы наконец избавиться от нее...

Вечер, в который она впервые погрузилась в таинственный мир Юсуфа, был тихим и прекрасным. Но сегодня в природе не было ни тишины, ни спокойствия. За окнами выл злой ветер, отчаянно скрипели ветви старых деревьев, и бушевала страшная метель. В спальне было очень холодно, темно и пусто. Бланш осторожно зажгла свечу, прикрывая рукой от сквозняка крохотный, дрожащий язычок синеватого пламени. Поставив свечу поближе к кровати, она вновь сосредоточенно склонилась над печальными записками:

«Даже самое глубокое и страшное горе со временем становится менее жгучим. Что уж говорить о моих пустячных несчастьях... Жестокая обида, которую нанесла мне Сесиль, понемногу стала изглаживаться из моей памяти. Терзаемые стыдом, мы избегали друг друга. А при встречах опускали глаза и старались поскорее убежать, ни словом не обмолвившись о той драме, которая разыгралась между нами...

Я еще больше замкнулся в себе и в удивительном мире моих рисунков, в котором я с детства привык искать утешения от горестей и печалей этого холодного мира...

Но даже всеми силами стараясь отгородиться от жизни, я не мог не заметить, что отношения между отцом и дядей с каждым днем становились все более странными. Сесиль упомянула о старой вражде из-за наших владений, которая существовала между ними. Порядок наследования, права на земли, различные древние тяжбы между родственниками – все эти вопросы вызывали у меня почти такое же сильное от-

вращение, как и военное дело, и я никогда не пытался проникнуть в роковую тайну наших семейных ссор. Увы, вскоре она сама настигла меня!

Как-то раз я услышал, как дядя с отцом жестоко и страшно поссорились, и отец заявил, что, пока он жив, его брат никогда не получит ни единого клочка наших земель. Дядя в бешенстве отвечал, что так или иначе, он вернет себе все, что причитается. В этот вечер они расстались в страшной и мрачной ярости...

Однако, на следующее утро дядя Филипп, как ни в чем не бывало, въехал во двор нашего замка и, расточая любезные улыбки, стал извиняться перед отцом за вчерашнюю безумную вспышку. Он говорил, что выпил лишнего, взывал к их кровному родству и горячо пытался заслужить прощение.

Через четверть часа братья вошли в замок, громко смеясь и дружески обнимаясь. Это никого не удивило. Подобные сцены разыгрывались между ними едва ли не каждую неделю.

В знак примирения дядя пообещал сегодня же устроить великолепный обед у себя в замке и пригласил на него всю нашу семью. Когда мне сказали о приглашении, я отказался ехать. Мне не хотелось еще раз встречаться с Сесиль.

Мать со вздохом позволила мне остаться, но велела не сидеть за рисованием допоздна и обещала скоро вернуться. Я помог ей одеться, проводил до пышного портшеза и, нежно попрощавшись с ней, отправился обратно в замок.

На свете есть много людей, которые не могут и дня прожить без веселых праздников и шумной суеты. У меня нет с такими людьми ничего общего. Одиночество не пугает, а, напротив, радует меня. Я мучительно скучаю в пестрой толпе. Танцы, веселье и шутки наводят на меня пустую, тягостную тоску. Но, оставшись в одиночестве, я всегда найду себе увлекательное дело. Книги и чернила, мечты и грезы с детства были моими добрыми друзьями.

Итак, от души радуясь, что мне не придется скучать на празднике, я провел несколько чудесных часов, перебирая свои старые наброски, листая книги отца Франсуа, и чертя пальцем капризные узоры на пыльных подоконниках.

Но вот спустились сумерки, пошел снег, а родителей с братом все еще не было. Невольно в мою душу начало закрадываться смутное беспокойство. Обычно отец никогда не оставался в замке дяди на ночь. А в дороге могло случиться всякое. Что, если они заблудились в снежных сумерках или на них напали дикие звери? Ведь в окрестностях нашего замка по ночам часто бродят злые, голодные волки...

В то мгновение, когда меня начали одолевать эти мрачные, тревожные мысли, в дверь осторожно постучали. Я тут же бросился отворять. Это оказался слуга, который доложил мне, что пришел отец Франсуа. Я велел немедленно впустить его.

Он пришел к матери, и был тоже немало удивлен и обеспокоен, узнав, что она еще не вернулась. Некоторое время

мы посидели в покоях. Вернее, сидел отец Франсуа, а я в волнении ходил из стороны в сторону, каждое мгновение выглядывая в окно, и ломал пальцы в немой и горячей тревоге.

Наконец, видя мое беспокойное состояние, отец Франсуа мягко обратился ко мне:

– Прошу вас, Жозеф, не нужно так тревожиться. Быть может, ничего дурного не случилось. Если вы хотите, мы можем послать слуг им навстречу.

– О да! Давайте так и поступим! – с жаром воскликнул я. Мы спустились во двор, чтобы отдать приказания слугам. Но едва мы переступили порог замка, как нас встретило мрачное, печальное шествие наших вассалов с факелами в руках. На носилках, сооруженных из мечей, они несли на плечах окровавленные тела моего отца и брата... Стояла глубокая тишина. Никто не произносил ни слова. Слышно было лишь завывание холодного, зимнего ветра, развевавшего залитые кровью праздничные одежды мертвецов. Хлопья снега падали на их иссиня-бледные лица, одевая покойных тонким, белым саваном... В немом и диком ужасе взирали мы на этот ночной, жуткий погребальный ритуал, освещенный красноватым пламенем факелов...

Внезапно я увидел следовавший за вассалами портшез. Я стремительно бросился к нему и отдернул занавеску. Чья-то светлая фигура тихо и медленно упала к моим ногам.

– Великий Боже! – воскликнул отец Франсуа, опираясь о стену портшеза. – Мари!

Я не сделал ни единого жеста, не издал ни звука. Время закончилось. Его больше не существовало.

На чистом, только что выпавшем снегу, в ослепительно белой одежде, у моих ног лежала моя мать. Глаза ее были закрыты, длинные ресницы отбрасывали темную тень на мертвенно-бледные щеки. Черные косы выбились из-под покрывала, и, как ветви плакучей ивы, рассыпались по нему. Одна рука покоилась на груди, другая – бессильно повисла. По белоснежной одежде расплывалось огромное, темно-красное пятно. Несколько алых капель крови дымились на снегу...

В глубоком, ледяном оцепенении я продолжал стоять и смотреть на нее. Снежные хлопья засыпали мне все волосы, отец Франсуа пытался что-то сказать мне дрожащим, слабым голосом, но я ничего не слышал. Я стоял и смотрел. И не верил в то, что нахожусь в человеческом мире, а не в страшном, чудовищном сне. Я не знаю, сколько времени это длилось. Мне казалось, что за эти несколько мгновений прошли века и разрушились царства, что умерли все люди на земле. Остался только силуэт моей матери на белом, морозном полотне...

Она была еще жива. Она еще дышала. С невероятной осторожностью мы перенесли ее в комнату наверху. В ту самую комнату, где она когда-то читала мне Коран, и я играл ее звенящими браслетами...

А потом последовали два самых страшных дня в моей жизни. Ни на мгновение мы с отцом Франсуа не отходили

от ее постели. Мы не смыкали глаз и не прикасались к еде. Он делал все, что было в человеческих силах, и с неистовым жаром молился, положив стиснутые руки на спинку кровати. Я не молился. Я по-прежнему не говорил ни слова. Я только поддерживал ее голову и смачивал водой ее пересохшие губы.

Иногда она бредила или, на мгновенье придя в себя, смотрела на нас испуганными, расширенными от потустороннего ужаса глазами. Какая бездна страхов и боли отражалась в ее огромных, лихорадочно блестящих зрачках...

– Как мне холодно! – шептала она в бреду. – О, почему здесь так холодно? Откройте окна! На дворе светит солнце... Мама, вели Али вернуть мне мои четки! Я хочу поиграть с ними...

Я протягивал ей наши старые четки. Смутная улыбка пробежала по ее пересохшим губам. Но вскоре ее руки слабели, и четки выпадали из холодных пальцев...

На второй день она была спокойна. Она лежала тихо, вытянув руки, и едва заметно шевелила губами. К вечеру коленапреклоненный отец Франсуа, должно быть на мгновенье заснул. Я сидел и безотрывно смотрел на нее, как будто желая по частям выпить ее драгоценный, уходящий образ... Оплывшая свеча бросала желтый круг света на ее бледное, как расплавленный воск, лицо. Под глазами у нее лежали страшные, черные тени, черты заострились. Внезапно легкая дрожь сотрясла ее тело, смутная тень пробежала по

лицу, и огромные зрачки окаменели...

Я продолжал сидеть в жуткой неподвижности. Когда отец Франсуа проснулся, он взглянул на нее и слабо вскрикнул. Потом я услышал его короткое, горькое рыдание. Но когда он поднял глаза на меня, с его губ не сорвалось больше ни звука.

Свеча догорала. Но она утасла быстрее, чем свеча. В комнате было холодно и тихо. Она лежала на постели. На полу валялись старые четки. Ветер стучал в окна. Пахло запекшейся кровью и расплавленным воском. А через мгновение всего этого не стало. И меня не стало тоже...»

Бланш съехала с кровати, упала на пол, и из груди ее вырвались душераздирающие, истерические рыдания. Она плакала, пока не стала задыхаться, пока все тело не начали сводить жестокие судороги, но не могла остановиться. Ей казалось, что она умирает. Какой сильной и жгучей виделась ей всегда боль Саладина, боль людей, описанных в хрониках и поэмах... Боль людей давно умерших или вовсе никогда не существовавших... Но что же тогда должен был чувствовать этот живой, настоящий человек?! Ее учитель... Какие кровавые раны зияли в его душе, если только рассказ о них пронзал сердце Бланш, как лезвие острого, холодного меча...

Прошло не меньше часа прежде, чем она смогла читать снова:

«Три дня безвозвратно выпали из моей жизни. Вместо них были мрак и пустота. Когда я наконец вернулся в мир

людей, то увидел склонившегося надо мной отца Франсуа. Он с глубоким состраданием гладил мой лоб и волосы и благодарил бога за мое выздоровление. Он сказал мне, что все это время я пролежал в ужасной горячке, и он сильно опасался потерять еще и меня...

Я выжил. Но то, что началось для меня после этого, вряд ли можно было назвать жизнью. Часами я сидел в комнате матери, обхватив колени руками, и раскачиваясь из стороны в сторону. Я больше не рисовал, не читал книги. Я не ходил на ее могилу. По целым дням я не произносил ни слова. Ел только после долгих уговоров. Мои мысли не могли вырваться из узкого, порочного круга. Я видел только ее смерть, и не мог думать ни о чем другом. Мой мозг пылал дни и ночи...

В конце концов, я понял, что не смогу вернуться к жизни, пока не отберу ее у тех, кто лишил меня моей матери».

XVIII. Местъ

Чума возьми семейства ваши оба!

Уильям Шекспир «Ромео и Джульетта»

Священник, увидев это, нацупал концом пальца острие кинжала, спрятанного у него на груди.

Виктор Гюго «Собор Парижской богородицы»

– Догоните убийцу! – кричал Райнхольд.

Я злобно расхохотался, и смех мой раскатами пронесся по зале, по коридорам.

– Безумцы! – грозно закричал я. – Неужто вы мните, что вам удастся связать карающий грешников Рок?..

Э. Т. А. Гофман «Эликсиры Сатаны»

Неистовая буря и метель за окном не прекращалась и этим вечером. Весь старый, мрачный замок был пронизан мертвящим, сковывающим холодом. За бегущими, рваными от порывов ветра, тучами бледный, мутный диск луны показывался лишь на краткий миг, и тут же снова исчезал за плотной завесой снежного вихря...

Бланш поднималась вверх медленно и тихо, погруженная в глубокую, мрачную задумчивость. Ее взгляд погас, губы были сурово сжаты.

Вдруг снизу ее окликнул чей-то голос:

– Мадемуазель, перестаньте жечь свечи допоздна и извольте ложиться спать пораньше! Приличные девушки по ночам спокойно спят.

– Даже не подумаю! – зло ответила Бланш. – Я буду делать то, что мне хочется. А приличные дамы, мадам Жанна, не подглядывают под чужими дверьми!

И она с досады так громко хлопнула тяжелой дверью, что гулкое эхо прокатилось по всему темному коридору.

Убедившись, что надежно защищена от посторонних взоров, девушка, как во сне, взялась за старые листы. Она уже догадывалась, какие страшные события ждут ее на этих страницах, но все равно нашла в себе мужество вернуться к чтению:

«Не думаю, что мне удалось бы оправиться от моего мучительного, смертельного отчаяния, если бы меня не посетила счастливая (как мне тогда казалось) мысль о мести. Всем своим разбитым существом я ощущал жажду наказать убийц моей любимой матери!

Если бы наши враги отняли жизнь только у отца и брата, вероятно, я бы не решился на свое ужасное преступление. Разумеется, их смерть тоже потрясла меня, но к ним я не был так сильно привязан.

Но как только моя беспокойная мысль возвращалась к страданиям и смерти матери, вся кровь вскипала у меня в жилах! Как можно было посреди дикой и бесчеловечной

кровной вражды уничтожить этот невинный, прекрасный, хрупкий цветок?! Она никому не причинила зла. Она умела только любить и смеяться... Я не мог оставить безнаказанным это жестокое злодеяние. Это убило бы меня.

И вот в моей пылающей голове начали роиться смутные планы грядущей мести. Для начала, я притворился, что начинаю забывать мое горе и возвращаюсь к прежней жизни. Я вновь взялся за книги и рисунки, стал есть и разговаривать с людьми. Я хотел обмануть отца Франсуа, который по-прежнему принимал искреннее и горячее участие в моей судьбе, обмануть моих врагов, наслаждавшихся плодами своего ужасного злодеяния, обмануть весь мир, полный отвратительной и жесткой несправедливости... Но каково мне было говорить и улыбаться, когда внутри у меня все горело от нестерпимой боли?!

Осуществить задуманную месть было очень сложно. Почти невозможно. Мои враги были сильны и могущественны, а я остался один на свете без опоры и поддержки. Как мог я надеяться отнять жизнь у ненавистных дяди и кузена? Вызвать их на поединок? Это было нелепой и глупой мыслью. Как мне, питавшему отвращение к мечам и турнирам, было состязаться в военном искусстве с опытными, достигшими успехов в ратном деле людьми? Пусть на поединке они убили бы меня. Это меня не пугало. Зачем мне жизнь без чудесных кос и сверкающих глаз моей матери?.. Но я не отнял бы жизнь у них. А только это единственное мне и было нужно.

Тогда я решил, что, живя среди злобных и кровожадных волков, я могу воспользоваться их же оружием: ужасным вероломством. Они уничтожили мою семью, с улыбками заманив в ловушку. Что же мешает мне отбросить глупые правила рыцарской чести, которые я всегда презирал, и просто-напросто жестоко и бесчестно убить моих смертельных обидчиков?

С того мгновенья, как эта жуткая мысль пришла мне в голову, я начал лихорадочно обдумывать ее воплощение в жизнь. Я не стал никого посвящать в мои черные замыслы. Вассалов у меня осталось мало, и я не хотел жертвовать их жизнями. Эта ужасная месть была моей навязчивой идеей. Я один и вынесу всю ее тяжесть. И буду подвергать опасности лишь собственную, отныне никому ненужную, жизнь...

Первым делом, мне нужно было пробраться в замок дяди, а там уж я сумею осуществить свои жестокие намерения. Я несколько раз бывал в его замке и смутно помнил расположение зал и комнат.

Итак, в один из вечеров, я пошел к моим друзьям-крестьянам и попросил у них старые, ненужные обноски. Они были рады услужить мне даже в такой малости. Друзья предлагали мне и более существенную помощь, если я в ней нуждаюсь, но я наотрез отказался. Я не хотел подвергать смертельной опасности их жизни.

Соорудив себе из этих живописных лохмотьев костюм странствующего нищего, и закрыв лицо капюшоном, я от-

правился в сторону замка старого Филиппа де Соје.

На землю уже спустились сумерки. Снега не было, но небо заволокли тяжелые, черные тучи. Где-то далеко, в лесу, слышался зловещий, тоскливый вой волков. Резкие порывы ветра развивали полы моей убогой одежды. Возле моего сердца я ощущал ледяной холод острого кинжала.

Наконец на горизонте, среди окружающей тьмы, показался мрачный силуэт высокого замка. Я постучал в тяжелые, деревянные ворота. На стук ответил грубый голос стражника, который спросил, кому там не спится в такую адскую непогоду. Я назвал себя бедным, заблудившимся в чужих, незнакомых, краях паломником. К благочестивым странникам, искупающим грехи рода людского, всюду относятся с уважением. Поэтому меня тотчас же впустили и отвели на кухню. Там мне предложили еды, но я отказался, сославшись на строгий обет. Я не мог есть. На ночь слуги постелили мне постель у догоравшего очага.

Как только все уснули, я осторожно поднялся со своего ложа и отправился на поиски спален дяди и кузена. Я знал, что их комнаты находились на втором этаже башни.

Как зыбкая, дрожащая тень крался я по старым, скрипучим ступеням, пугаясь каждого внезапного звука, каждого неверного блика на стене. Руки у меня дрожали, во рту пересохло, кровь резко и громко стучала в висках. Я слышал свое неровное, сбивчивое дыхание. Мне казалось, что мое ночное путешествие длится целую вечность...

Наконец я оказался у желанной цели. Я стоял на пороге комнаты дяди. Бесшумно отворив дверь, я тихо прокрался в спальню. Старый Филипп де Сойе лежал на постели, погруженный в глубокий, спокойный сон. Его неподвижное, морщинистое лицо освещали бледные, лиловатые лучи луны. У изголовья лежали меч и кинжал, извечное оружие благородного сеньора...

Я смотрел на него в невольном оцепенении и поражался: как может человек, обогривший руки кровью родного брата и племянника и убивший беззащитную женщину, спать таким спокойным, безмятежным сном?..

Неумолимое время бежало. Чего же я ждал, стоя у его изголовья, подобно грозному призраку из ночного кошмара? Дрожь ужаса пробежала по моему телу. Я понял, что не могу убить безоружного, спящего человека!

Понимая, что безвозвратно гублю свою жизнь и рискую не исполнить своего страстного желания, я громко сказал:

– Проснитесь, Филипп де Сойе. Я хочу сразиться с вами.

Он открыл глаза и приподнялся на постели, окидывая комнату сонным, блуждающим взглядом.

– Кто здесь? – глухо спросил он.

Внезапно взгляд дяди остановился на мне, и на губах его сразу появилась жестокая, странная улыбка.

– А, так это ты, маленькая черная тварь. Что же ты не приехал сразу, вместе с твоими проклятыми родственниками? Сейчас бы вороны уже выклевали твои адские глаза... Но

лучше поздно, чем никогда. Сейчас я позову Робера со слугами. И они быстро отправят тебя к твоей чертовой родне!

Он стремительно вскочил с постели и протянул руку к мечу. Но я оказался проворнее. Я отбросил меч в дальний угол комнаты и, наставив на него свой острый кинжал, накрепко запер дверь.

– Нет, так я не хочу, – медленно произнес я, борясь с бешенством, которое мешало мне говорить. – Вы ошибаетесь, я пришел не за этим. Вы прекрасно владеете мечом, и мне не одержать победу над вами. Возьмите ваш кинжал, и сразимся, как в древние времена. Один на один!

– Неужели ты, поганый неверный, хочешь посмотреть на чьей стороне Бог? – криво усмехнулся он.

– Мне плевать на Бога! – дерзко ответил я. – Я хочу лишь отомстить за невинно пролитую кровь моей матери!

Он яростно бросился на меня. Мы кружили по комнате, как дикие звери, почуявшие запах свежей, горячей крови. Время от времени, кто-нибудь из нас делал резкий выпад кинжалом, попадавший в пустоту. И тогда у каждого вырывалось тихое рычание, полное бешенства и разочарования.

Но даже в этом древнем, жутком поединке, дядя проявил большее искусство, чем я. Вскоре он рассек мне рукав, который мгновенно обагрился кровью. Я вскрикнул от резкой боли, но, стиснув зубы, продолжал наше страшное занятие.

Я не заметил, как, кружа по комнате, мы оказались в углу спальни. Тут дядя внезапно нагнулся. Когда он резко выпря-

мился, в руках у него сверкал меч. Он размахнулся, чтобы отрубить мне голову. Но в то же мгновение я изо всех сил вонзил кинжал ему в грудь.

Не помню, как он упал, и как я оказался возле двери. Трясущимися руками я пытался отпереть задвижку, чтобы броситься вон из этой ужасной комнаты, пребывание в которой стало для меня невыносимым. Сердце мое бешено колотилось, а мои руки все были залиты горячей, липкой кровью... Я не оборачивался. Я не мог обернуться. Я знал, что он смотрит на меня своими мертвыми, остановившимися глазами. И будет смотреть всегда. До самого конца моей жизни...

Наконец дверь поддалась, я бешено толкнул ее и бросился прочь, забрызганный кровью, безоружный, потрясенный и обезумевший...

Громкий стук двери и звук моих быстрых шагов мгновенно разбудил весь замок. Позади меня хлопали другие двери, слышались встревоженные голоса и плясали красноватые отсветы зажигавшихся свечей и факелов.

В отчаянии и ужасе я несея по темным, едва знакомым коридорам, натываясь на острые углы и шершавые стены. За мной уже гналась толпа вооруженных слуг и вассалов с гневными воплями и с факелами в руках. Я слышал громкий, негодующий голос Робера, выкрикивавший страшные угрозы и проклятия.

Внезапно мой блуждающий взгляд остановился на каком-то боковом и особенно темном коридоре. Я бросился

туда. С другой стороны уже слышен был топот вассалов, бегущих навстречу моим разъяренным преследователям.

– Убейте его! Убейте! – кричал Робер де Соје. – Он бежит навстречу вам! Убейте немедленно этого черного скота! И почему мне самому не выпала удача убить вместе с проклятой сарацинской шлюхой и ее поганого отпрыска! Смерть ему! Он убил нашего отца!

В это мгновенье до меня донесся звон оружия и чей-то громкий, страшный вопль. Воцарилась мертвая тишина, которую прорезал потрясенный голос:

– Пресвятая дева! Безумцы, что вы натворили?! Да покарает вас Всевышний! Вы убили не проклятого язычника, а молодого господина!

Непостижимая игра таинственных сил! Сам того не подозревая, Робер попался в ловушку, которую готовил мне...

– Но где же этот чертов неверный?!

– За ним! В погоню!

– Отомстим за наших сеньоров!

Я не стал дожидаться, пока они исполнят свое грозное намерение, и кинулся в противоположный конец коридора. Невероятно, но он вывел меня к двери, распахнутой во двор! Я добежал до стражника и сбивчиво попросил его поскорей открыть ворота. В темноте он не мог видеть моего безумного лица и перепачканной кровью одежды. Немало удивленный, он все же открыл мне ворота, и я оказался на свободе...

Но к чему мне теперь была эта ледяная, бессмысленная

свобода?.. Куда мне было бежать, окровавленному, задыхающемуся, потрясенному? У кого искать спасения?.. Каким несчастным и безмерно одиноким чувствовал я себя посреди этой бескрайней равнины, под порывами злого, зимнего ветра...

Но у меня не было времени предаваться этим печальным и горьким мыслям. Я знал, что разъяренные вассалы из замка непременно бросятся за мной в погоню.

И тут меня осенило удивительное откровение. Не стоит бежать в сторону моего замка. Слугам дяди скорее придет в голову искать меня там. Не отправиться ли мне тогда в монастырь Сен-Реми? Стены священной обители укроют своей сенью и самые кровавые деяния. В них может найти убежище и самый отверженный преступник...

Изнемогая от усталости и переживаний, я поплелся в сторону монастыря. Мои ноги увязали в снегу, ветер больно хлестал в лицо, колени подкашивались, но я находил в себе силы идти дальше...

Вдруг, когда на горизонте уже показались острые башни монастыря, до моего болезненно напряженного слуха донесся отдаленный конский топот. Они все-таки нашли меня! Из последних сил я бросился бежать. Спасительная обитель была все ближе, но теперь я слышал гневные голоса и звон оружия прямо у себя за спиной. В то мгновение, когда я переступил порог церкви, меня настиг страшный удар меча. Жгучая, острая боль рассекла мне спину. Я упал на колени. Но,

в ту же минуту поднявшись, устремился к алтарю.

Закрыв глаза, я крепко обнял золотую, сверкающую сотней искр, алтарную створку и приготовился к смерти. Истерзанный, жестоко страдающий от боли, забрызганный своей и чужой кровью, отчаявшийся и убитый горем, я не взывал к богу. Помертвевшими губами я произносил имя моей обожаемой матери, с которой я жаждал воссоединиться сразу же, как только закончатся мои жестокие земные муки...

– Смерть сатанинскому отродью! – воскликнул один из вассалов, замахнувшись мечом.

Но тут вдруг чьи-то белоснежные, сверкающие рукава, накрыли мои плечи, словно крылья ангела, и оскорбленный голос, полный глубокого возмущения, торжественно разнесся по ночной церкви:

– Как смеете вы, безумные и недостойные грешники, являться в дом Божий с оружием в руках?!

– Простите, святой отец, но этот проклятый язычник убил нашего сеньора... Мы желаем наказать его!

– А я говорю вам, что правосудие в руках Божьих! Сейчас же убирайтесь отсюда, пока на вас не обрушились громы небесные!

– Но он же убийца...

– Да будь он хоть сам восставший Люцифер, здесь он находится под защитой Господа и может надеяться на его великое милосердие! Прочь отсюда! Пока я жив, ни единой капли крови не прольется в священном храме!

Недовольно ворча, подобно побитым псам, вассалы покинули церковь. А я, полуживой и невероятно измученный, упал на колени отца Франсуа, моего отважного и милосердного спасителя...»

Бланш медленно опустила листки на колени. Она сидела неподвижно. Ее сухие глаза горели. Губы по-прежнему были сурово сомкнуты. У нее больше не было слез.

Человек, властно вторгшийся в ее полудетские грезы, был преступником и убийцей. Это было ужасно. Но она почти не чувствовала ужаса.

Разве не был убийцей ее отец, который воевал по долгу службы? Ведь и он отнимал человеческие жизни, но это почему-то не считалось тяжким грехом... Разве не были убийцами все сеньоры вокруг? Это был мир, построенный на вражде, крови, насилии и смерти...

Разве не был убийцей сам великий Саладин, перед которым она недавно так пылко преклонялась? Но ведь чужая жестокость вынудила его к этому...

Несчастный сарацин тоже был убийцей. Но Бланш не могла винить его в этом. Все ее существо противилось этому. Она в отчаянии думала о его страшном преступлении, но в то же мгновение ее всю, без остатка, охватывала мысль о его жестоких, мучительных страданиях. Она растворялась в этом горе, его боль тяжким грузом ложилось ей на сердце, и она не могла этого вынести! Бланш чувствовала, что на весах ее души жгучие страдания Юсуфа в тысячу раз переве-

шивали все совершенные им тяжкие грехи...

Она не понимала, что с ней происходит. Ее пугала человеческая жестокость и преступления. Но когда речь шла о нем, все его ужасные деяния растворялись в каком-то высшем, неземном свете. Она прощала его. Она прощала его, вопреки всему. Прощала в единый момент, и ничего больше не имело смысла... Он был по ту сторону, чем все другие люди на земле. Когда Бланш думала о Юсуфе, перед ней открывалась какая-то высшая, таинственная черта, за которой вещи уже не имеют привычной, земной меры... Черта, за которой начиналось безграничное всепрощение и безмерное, покрывающее все человеческие грехи, глубочайшее милосердие...

XIX. Пустота

Но мнится мне порой, будто я своими глазами видел в безлюдном храме суровую фигуру дивного мужа; это был именно тот иноземный Художник, который в стародавние времена, когда церковь еще только строилась, появился здесь, где никто не знал его языка; в короткое время он искусной рукой прекрасно и величаво расписал всю церковь, и закончив свой труд, исчез бог весть куда.

Э. Т. А. Гофман «Эликсиры Сатаны»

*Отвергнут всеми навсегда,
Я стал души своей вампиром,
Всегда смеясь над целым миром,
Не улыбаясь никогда!
Шарль Бодлер «Самобичевание»*

Буря, бушевавшая за окном уже два дня, наконец прекратилась. Утихла буря и в душе Бланш. Теперь она была спокойна и печальна. После нескольких бессонных ночей, поглощенных горькими записками, глаза у нее были красными, а сама девушка чувствовала себя разбитой и уставшей. Но зато теперь она знала правду. Теперь она заглянула в страдающую и мятежную душу своего строгого учителя.

Сев на кровать, Бланш покрыла плечи одеялом, чтобы за-

щитить себя от холода, и в последний раз взялась за пожелтевшие от времени листы. Оставалось прочесть уже немного. Она надеялась дочитать странную историю жизни несчастного сарацина до первых лучей рассвета:

«Как я и надеялся, старый монастырь Сен-Реми стал для меня надежным убежищем и приютом. Отец Франсуа поместил меня в своей светлой и уютной келье, из окна которой я видел дрожащие от ветра тонкие ветви деревьев и маленьких птичек, которые время от времени садились на них, стряхивая с веток блестящие пушинки белого инея. Глядя на эти светлые, чудесные картины природы, я невольно снова начал думать о красоте и радостях человеческой жизни...

В то время я был еще молод и отличался более крепким здоровьем, чем теперь. Отец Франсуа терпеливо лечил меня и горячо заботился обо мне. Мои телесные раны скоро стали затягиваться. Но, увы, совсем не так обстояло дело с ранами душевными... Они по-прежнему пылали жгучей болью!

Когда первое потрясение, полученное мной в замке Филиппа де Сойе, немного прошло, когда страшные события той роковой ночи стали покрываться серой золой забвения, я глубоко задумался над тем, что со мной произошло и о том, что я совершил.

Да, я хотел жестоко отомстить этим безжалостным людям за смерть моей несчастной матери. Да, в моих глазах жизни Филиппа и Робера де Сойе ничего не стоили. Тогда как ее драгоценная жизнь была величайшим сокровищем на све-

те... Приведя их к смерти, я только восстановил справедливость. Они погубили невинное, ангельское создание и должны были понести за это суровую кару.

Но мне не было никакого дела до справедливости. Я не стал бы мстить за смерть отца и брата. Во всем мире для меня существовала лишь лучезарная улыбка и звон браслетов матери. Я безмерно и пламенно любил ее! Ее смерть была чем-то настолько невероятным и ужасным, что мое сердце не могло этого принять! Желая отомстить ее убийцам, я надеялся, что огромная боль, поглотившая все мое одинокое существование, станет хоть на одну каплю меньше...

Но она не стала меньше. Я обагрил руки в крови собственного дяди и стал невольной причиной смерти моего кузена. Я тоже превратился в убийцу. А пролитая кровь, насилие и страдания еще никогда не сделали чью-то боль меньше. Напротив, они лишь усиливают ее.

Так случилось и со мной. Совершенные преступления тяжким камнем легли на мою израненную душу. Мне не жаль было Филиппа де Сойе, но его мертвые глаза виделись мне в кошмарных снах, и я просыпался в холодном поту и со смертельным ужасом в сердце... Нет, я не был создан для того, чтобы убивать! Я не могу причинять боль и сеять смерть! Что толкнуло меня на эту чуждую и отвратительную мне дорогу? Злодеяния моих врагов? Любовь к матери? Мой дикий нрав? Мое мрачное безумие? Не знаю. Знаю я лишь одно: не было на свете ничего более противного мне, чем кровожад-

ная вражда и бессмысленная жестокость. И все же... значит, в глубине меня существовало что-то, что толкнуло меня на этот скользкий, вымазанный человеческой кровью, путь...

Когда я оправился настолько, что мог поддержать беседу, отец Франсуа пришел ко мне с важным разговором.

– Нет слов, чтобы выразить, как сильно вы огорчили меня своим ужасным поведением, – начал он взволнованным голосом.

– Я обезумел, – ответил я, тяжело вздохнув и опуская голову. – Поверьте, я очень несчастен. Моя месть не принесла мне никакого облегчения...

– Бедный мой Жозеф! Этого и следовало ожидать. Мне нужно ругать и упрекать вас, но мое несчастное сердце чувствует лишь безграничное сострадание и нежность к вам. Увы, мы с вами лишились слишком дорогого существа., – тут голос его дрогнул. – Это не могло не сказаться на вашем буйном воображении. К несчастью, у вас слишком необузданный, пылкий нрав... Вы не умеете смиряться, как это положено доброму христианину. Ваше беспокойное сердце не терпит обид и несчастий...

– Да. Пожалуй, из меня вышел плохой христианин, – слабо улыбнулся я. – Может, мавританская кровь тому виной, а может, еще что-то... Я не знаю...

– Не шутите так, дитя мое. Прошу вас. Мы должны поговорить об очень серьезных вещах. Слава милосердному Господу, теперь вы здоровы. Нам нужно подумать о вашем бу-

душем. Вы не можете навечно остаться печальным узником в нашей тихой обители. А если вы покинете ее и вернетесь к себе в замок, ваши враги снова будут покушаться на вашу жизнь. Ваша кузина в глубоком горе и страшном гневе. У нее осталось много вассалов. Боюсь, она способна погубить вас.

– Да, Сесиль мстительна и коварна, – задумчиво произнес я. – Странно... но мне жаль ее... Ведь я знаю, что значит потерять любимое существо... Это ужасно! Да, вы правы, мне не следует возвращаться в Волчье Логово. Но почему мне нельзя остаться здесь навсегда? Я мог бы, подобно вам, принять монашеский обет, если настоятель мне позволит...

Отец Франсуа сосредоточенно молчал какое-то время. Потом пристально взглянул на меня и уверенно произнес:

– Признаюсь вам, Жозеф, я уже думал об этом. Но такое решение мне не кажется правильным. Я очень сомневаюсь, что вам подойдет наша мирная, размеренная, скучная жизнь. Вы так пылки и несдержанны! У вас внутри огонь, а этим стенам нужен только остывший пепел... Лучше вам уехать отсюда.

Я побледнел.

– Куда? – растерянно спросил я. – Куда я поеду? У меня никого нет в целом мире... Я мог бы попытаться добраться до благословенной родины моей матери, до Гранады в Аль-Андалусе... Но возможно ли это? Я не знаю никого из моих родственников. И я уже был крещен... Боже, я так одинок! Я не знаю, что мне делать! Почему вы не позволяете

мне остаться?

– Тише. Успокойтесь, – ласково произнес отец Франсуа. – Только не впадайте опять в это пугающее волнение. Почему вы так жаждете жить здесь?

– Потому что я хочу остаться рядом с вами! У меня нет никого на свете, кроме вас! – с жаром воскликнул я и крепко и порывисто обнял его.

– Мой дорогой Жозеф! Что же мне делать с вами.., – говорил отец Франсуа с растроганный улыбкой. – Хорошо. Я попрошу настоятеля принять вас в наш скромный орден.

Так была решена моя судьба. Передо мной открылось мрачное и безрадостное будущее простого монаха. Но у меня не было другого выхода. Толстые стены обители, отгораживая меня от красок и ароматов мира, от солнечного света и веселого смеха, в то же время надежно защищали меня от острых мечей и ядовитой ненависти моих врагов. Темный склеп становился и чудесным убежищем.

Но в то время меня тревожили совсем другие мысли. Я думал о том, что священные обеты и клятвы, которые я произнесу будут лишь холодным пустым звуком. Ведь я был отверженным преступником и грешником, не желавшим просить прощения у бога. Я был заблудшей и проклятой душой, не знающей мира и покоя. Более того. Всей душой я чувствовал, что, несмотря на полученное мной крещение, я так и не стал добрым христианином. Мысли мои были мыслями мусульманина, в моем сердце пламенели строки из Корана.

Не знаю, так ли уж сильно я, несчастный грешник, верил в великого Аллаха, но рассказы моей матери навсегда населили мое воображение волшебными образами нашей религии. И на закате я невольно продолжал грезить о Пророке, разрушающем идолов, об Айше, гордо восседающей на верблюде, и о праведном Али, ради молитвы которого Аллах остановил солнце...

Однако, когда пришел срок, я все же принял обет, произнес положенные клятвы и облачился в черную монашескую сутану. В тот ясный и солнечный день на душе у меня было невыносимо грустно и тоскливо, как будто бы на дворе выла злая, темная буря...

И потекли мои бесчисленные дни в святой обители, отравленные мучительной тоской и скукой. Хоры и молитвы уныло сменяли друг друга. Но я не хотел молиться. Мне не нужны были эти святость и благочестие. Я хотел только рисовать.

В ту пору, когда я вступил в братство, отец Франсуа еще не был настоятелем. Аббатом был тогда странный чужестранец. Кажется, француз. Это был в высшей степени удивительный человек. Он был молчалив и печален, но его темные глаза пылали жарким огнем противоречивых страстей, голос был властным и резким, а вид величественным и внушающим невольное почтение. Все в монастыре уважали и боялись строгого аббата. Какие тайны скрывались в его темном прошлом? Почему он всегда был так суров и печален? Что заставило его покинуть свою родину? Никто ничего не

знал об этом. А полумистический страх, каким была окружена мрачная фигура настоятеля, мешал строить разные догадки о его неведомой судьбе...

Незадолго до моего появления в монастыре, в нашу обитель прибыл еще один чужеземец. Это был Ульфар. Говорили, что святые, являвшиеся ему в чудесных видениях, велели ему покинуть родной дом и семью и ревностно следовать по стезе Господней... Это очень удивляло меня. Ведь я нашел здесь убежище, убитый горем и лишенный надежды, и не представлял, как можно было покинуть любящую семью и тепло домашнего очага по своей воле! Как безумны и слепы люди! Они с легкостью отрекаются от того, за что другие с радостью отдали бы свою жизнь...

Мне несказанно повезло. Оказалось, что в прошлом настоятель был искусным художником по витражам. На окне-розе в нашей обители до сих пор остались его прекрасные картины, дышащие потрясающей красотой, невероятной силой и высоким вдохновением. Образы святых лучились печальным и глубоким благочестием, а их силуэты словно парили над грешной землей. Но в чертах Пресвятой девы не было ни просветленности, ни спокойствия, ни мира... Грустная и задумчивая, она царила над мрачной Вселенной, взирая на людей с удивлением и печалью. Рисунки учителя были наполнены удивительным, мистическим, сверкающим светом...

Если бы когда-нибудь мне удалось создать картину, хоть

немного приближающуюся к такому чудесному мастерству, я почитал бы себя самым счастливым человеком на свете!

Для славы нашего монастыря аббат задумал выучить меня с братом Ульффаром этому тонкому, нелегкому ремеслу. И тогда моя жизнь снова заиграла сверкающими красками, ибо теперь я смотрел на нее сквозь хрупкое, разноцветное стекло!

Я учился усердно и вдохновенно, отдавая всего себя этому великому и сложному делу. Тот, кто решил посвятить себя какому-либо серьезному искусству и ремеслу, должен навсегда забыть о светлых человеческих радостях. Оно поглощает человека целиком. Но зато взамен дает неземные мгновения счастья, неведомые никому из простых смертных! Я знал такие мгновенья. А значит, я изведал в тысячу раз больше, чем остальные люди...

Аббат был строгим, но прекрасным учителем. Хвалил нас редко и только в случае исключительной удачи. Не ругал почти никогда, ибо это было бессмысленно. Картину надо чувствовать. Даже сами ангелы не смогут научить человека рисовать, если у него нет этого глубокого внутреннего чутья, которое водит его рукой по стеклу, по бумаге или по дереву... Любые слова, любые примеры здесь бессильны. В художнике должна быть искра, которую не заменить ни усидчивостью, ни часами упражнений, ни подражанием старым мастерам. Но когда она есть, не нужно ничего другого. Она сама прожжет себе дорогу к свету!

Учитель часто говорил мне, что в моей душе теплится такая искра. Я и сам это чувствовал.

Вообще, он доверял мне гораздо больше, чем холодному и сухому Ульффару. Быть может, поэтому в один из темных вечеров, когда мы задержались в мастерской, он поведал мне нечто странное и пугающее:

– Послушай, Жозеф. Я стар. Моя жизнь подходит к концу. До того, как я вступил в ваш орден, я вел ужасное и греховное существование. Я бежал в ваши далекие края от преследований своих смертельных врагов. Но я все еще опасюсь, что они когда-нибудь отыщут меня... Можешь ты сделать для меня одно доброе дело?

Потрясенный тем, насколько темная история настоятеля была похожа на мою собственную, я молча кивнул.

– Если кто-нибудь из чужестранцев прибудет в монастырь и будет спрашивать обо мне, сразу же извести меня об этом.

– Хорошо, святой отец. Я непременно так и поступлю. Но что вы собираетесь делать?

– Моя вина слишком тяжка. Я не хочу попасть им в руки живым. У меня есть смертельный яд, – произнес он, глядя остановившимся взором на осколки витражей, разбросанные по столу, и достал из широкого рукава маленький, изящный флакончик. – Говорят, что он убивает без мучений...

Его бесцветный голос звучал страшно. Лицо было неподвижно. Живой взор угас. Тем не менее, мне ни на единое

мгновенье не пришла мысль отказать ему в помощи.

К сожалению, учитель оказался прав. Через несколько месяцев он умер. Правда, таинственные враги так и не нашли его...

Не знаю, то ли мрачный рассказ аббата, то ли сходство его горькой судьбы с моей произвело на меня такое сильное и неизгладимое впечатление, но в ночь похорон я украл с тела флакон с ужасным ядом! Учителю он был уже не нужен. Там, где он пребывал, больше не имеют значения жизнь и смерть... А я? Как знать... Быть может, в конце концов мои злейшие враги настигнут меня и пожелают предать мучительной смерти. Но я устал от страданий. Я больше их не вынесу. Тогда этот чудодейственный яд, возможно, поможет мне легко уйти из этого проклятого, злого мира...

Так я и продолжаю жить, среди сверкающих витражей и среди мрачных кошмаров моего прошлого. Сесиль по-прежнему ненавидит меня и хранит в своем непреклонном сердце старую вражду двух семей, несчастными жертвами которой все мы стали. Она вышла замуж. И теперь, вместе со своим мужем-бароном, грубым и безграмотным дикарем, пытается уже которой год отобрать у меня Волчье Логово. Я не отдам его. Не отдам, пока я жив. Мне не нужен мой старый замок, но так я смогу причинять боль им... Это не доставляет мне никакого удовольствия. С каждым годом ненависть в моем сердце становится все слабее и слабее... Я уже почти ничего не чувствую. Я медленно, но верно превращаюсь в живой

труп... Иногда мне кажется, что у меня ничего не осталось. Зачем же тогда я это делаю? Зачем цепляюсь полумертвыми пальцами за старый, разрушенный замок, за эту жалкую груду холодных камней и праха?.. Я и сам давно не знаю ответа. Быть может, я не хочу, чтобы их дерзкое счастье было построено на невинно пролитой крови моей дорогой матери... Или я просто цепляюсь за свой старый замок, подобно высохшей, мертвой лозе винограда, которая вспоминает о далеких днях, наполненных светом и радостью жизни...

В последнее время мне все чаще кажется, что я тяжело болен. Безумие все крепче и крепче овладевает моим разбитым существом. Все отворачиваются от меня. Мрак и пустота царят в моей душе. Я безмерно одинок и бесконечно несчастен...

Кто я? Сеньор, потерявший все свое достояние? Жалкий монах, затерянный в тихой обители, посреди бескрайних, заснеженных равнин? Всю свою жизнь я мечтал быть только художником, но эта мечта такая же прозрачная и хрупкая, как мои колкие витражи...

Я провел в монастыре Сен-Реми несколько долгих лет, которые показались мне вечностью. Стал ли я добрым христианином? Я все еще не знаю, что ответить на это... Я хожу на мессы, я пою в хоре, торжественно вознося хвалу Всевышнему, я произношу строгие латинские слова и расписываю окна в церкви, вкладывая в них всю мою разбитую душу. Но иногда... Иногда на рассвете я обращаю лицо к солнцу, про-

тягиваю к нему руки и читаю намаз, пока меня никто не видит. Мои поднятые ладони заливают розовые лучи зари... В эти тихие минуты мне кажется, что я слышу невнятный, далекий звон золотых браслетов...»

На этом заканчивался последний лист печальной истории сарацина. Бланш закончила читать, но продолжала сидеть неподвижно, держа бумагу в руках. Ее хрупкую фигурку тоже озаряли несмелые лучи наступающего утра.

Дочитав записки учителя, Бланш почувствовала себя старше на десять лет. Слишком много горя пережила она вместе с этим человеком, следуя мыслью за его жестокими, тяжелыми откровениями. Ее душа продолжала мучительно и страстно рваться к нему, как к единственной надежде, спустившейся в узкую клетку ее одиночества. Она продолжала мечтать о его любящем взгляде и жаждать его мрачного, жаркого пыла. Но сейчас все это не имело значения. Она не могла думать о себе и о своем огромном желании любви. Невозможно было думать ни о чем другом, пока на свете существовала такая жестокая боль. Бланш ощущала ее сильнее, чем свою собственную. В это мгновение она поняла, что самым пламенным желанием ее сердца было не получить долгожданную любовь, а хоть на малую долю облегчить его муки! Всем своим трепещущим существом Бланш чувствовала, что она не сможет жить дальше, если не попытается сделать боль Юсуфа хоть на каплю меньше...

XX. Старинные предания

От одной крови он произвел весь род человеческий.

Библия. Деяния Святых апостолов. 17

*Если бы твой Господь захотел, то Он сделал бы челове-
чество единой общиной верующих.*

Коран. Сура «Худ». 118

Миновал праздник Рождества, и бесконечное время сно-
ва вернулось в свою привычную колею. Утихло праздничное
веселье, прекратились хлопоты, и старый замок опять погру-
зился в туман длинных, серых, бессмысленных дней...

В то солнечное, светлое утро, когда девушки должны бы-
ли вернуться к учению, Бланш была особенно бледна и мол-
чалива. Она вся была охвачена беспокойным ожиданием
встречи с сарацином. Она жаждала видеть его сильнее, чем
верующий желает созерцать образ божества. Ее дни без Юс-
уфа стали мертвыми и темными. Но она и боялась встречи.
Сможет ли она найти подходящие слова утешения? Ее сла-
бые силы представлялись ей ничтожными по сравнению с его
огромным горем...

Вся зала была залита теплым солнечным светом, в желтых
лучах которого медленно плясали мелкие пылинки. Учитель
был уже здесь. Он показался Бланш все таким же усталым и

задумчивым, как раньше. Но как счастлива была она, видя его измятую сутану, смуглое, небритое лицо и рассеянный взгляд! Ей казалось, что на свете не было более знакомого и родного лица. И хотя они познакомились так недавно, его таинственный образ уже вызвал в душе у Бланш тысячу разнообразных впечатлений, которых хватило бы, чтобы заполнить целую жизнь...

Сегодня она не могла дождаться конца урока. Возле ее трепещущего сердца покоились старые листы, вместившие длинную историю страданий и пролитой крови. Бланш чувствовала прикосновение жесткой бумаги к своей нежной коже, и это странное ощущение наполняло ее смутным восторгом и впечатлением причастности к его жизни.

Когда занятие было наконец окончено, и Клэр радостно упорхнула из залы, Бланш медленно подошла к учителю и, вынув из-за корсажа листы, заботливо перевязанные веревочкой, протянула их ему.

– Ты уже прочла? – удивился сарацин, пристально глядя на нее.

– О да! – отвечала девушка. – Я не могла от них оторваться! Я почти не спала... Мне не выразить словами, как меня потрясли ваши несчастья! Мне больно даже думать о том, как вы страдаете! Увы, что я могу сделать, чтобы хоть немного облегчить ваши муки? Это ужасно! Это несправедливо! Сколько горя обрушилось на вас! Как вы одиноки и несчастны!

С этими словами Бланш порывисто схватила руки сарацина и прижалась к ним пылающим лбом, окутав их своими мягкими, светлыми волосами.

Он смотрел на нее с глубоким удивлением, и в первую минуту даже забыл отнять руки.

– Невероятно! Что с тобой? Почему ты так сильно жалеешь меня? Твоя жизнь полна беззаботных забав и детских шалостей... Какое тебе дело до моих страданий? Я безумец и убийца. Что тебе до меня? Да и к чему мне твоя пустая жалость? Что она может изменить в моей горькой жизни?..

Бланш подняла на него глаза, в которых застыла глубокая тоска, и тихо проговорила:

– Неужели же ничто на свете не сможет излечить вашу жестокую боль? Если бы я только знала, как это сделать... Я отдала бы все, что у меня есть, за то, чтобы в ваших глазах хоть однажды сверкнула радость...

– В мире нет того, что могло бы утолить мою тоску, – отвечал сарацин. – Я сам не знаю, что мне нужно... Я знаю только, что я несчастен. Но никому из людей неизвестно, как сделать меня счастливым... Даже самому Богу.

– Что это? – вдруг спросила Бланш, глядя на его руку.

Все пальцы и ладонь монаха были покрыты мелкими ранками: порезами и ожогами. Некоторые раны были еще свежими, другие, напротив, уже затянулись и превратились в едва заметные шрамы.

– А, это, – улыбнулся он. – Это витражи. Я очень люблю

их. Но они, видно, не платят мне тем же. Они, как капризные дети, которые не слушаются своей заботливой матери...

– Те, кто любят, тоже иногда причиняют боль любимым существам, – задумчиво ответила Бланш. – Скажите, святой отец, могли бы вы рассказать мне о той дивной стране и о вашей вере еще больше, чем поведала мне ваша трогательная повесть?

– О той стране..., – его взор остановился на каких-то далеких, незримых образах. – Как давно никто не просил меня об этом...

Они сели на холодный, пыльный подоконник. Бланш приготовилась слушать, время от времени поднимая глаза на учителя. Он был погружен в дорогие сердцу воспоминания, и странные, мимолетные выражения, сменяя друг друга, быстро пробежали по его строгому лицу. Они сидели неподвижно. Сияющие солнечные лучи освещали их сосредоточенные лица.

– Это одно из самых прекрасных мест на земле, – наконец начал сарацин. – Я отдал бы полжизни, чтобы хоть на час увидеть тот дивный край. Быть может, рай находится именно в Аль-Андалусе. Его веселые площади залиты солнцем. Холодные капли фонтанов касаются пересохших губ. Благоухающие, цветущие деревья дарят путнику долгожданную и желанную тень. Женщины там носят белые покрывала. Должно быть, они похожи на ангелов... Изящные, хрупкие башни мечетей возносятся к необъятному небосводу и тонут в бе-

лых хлопьях облаков. Мать часто говорила, что там так много простора и света, что душа теряется в нем, блуждая между далекими, неземными мирами... Там люди суровы, жестоки и прекрасны. Они читают намаз на рассвете, в час, когда тают последние звезды...

Он умолк, созерцая нарисованные им чудесные картины. В потухших глазах засветился огонек восторга и вдохновения. Бланш слушала, боясь глубоко вздохнуть, чтобы не разрушить этот дивный, невероятный сон.

– Мой отец был в той великолепной стране, – сказала она, очнувшись от волшебного видения. – Но я не решалась расспросить его об этом... Если бы мне выпало счастье оказаться там, я бы никогда не вернулась обратно... Тот край прекрасней самого безумного видения! Но расскажите мне, почему эта чудесная земля проклята Господом? Отчего ее жители блуждают во мраке страшных суеверий? Почему отвергают Спасителя? Об этом читал нам отец Готье. Как странно... Все священники говорят это. А между тем, в ваших записках сказано совсем другое... Я не понимаю...

– Христианам ничего неизвестно о последнем откровении, – прервал ее сарацин с надменной нотой в голосе.

– В «Песне о Роланде», которую читал отец Готье, все время говорится о «язычниках» и «неверных»...

– Мне это хорошо известно. Какое безумие! Мы вовсе не язычники. Мы верим в одного лишь всемогущего Аллаха. В его руках наши ничтожные жизни...

– А как же Магомет, которому поклоняются сарацины? Но у вас я прочла, что он разрушал идолов... Однако, нам всегда говорили, что неверные идолопоклонники.

– О ужас! Люди Писания безнадежно слепы! Они возводят хулу на последователей Пророка. Их глаза закрыты. В последний час они откроются, и они ужаснутся своему невежеству... Мы не идолопоклонники. Гробница Пророка потрясла христиан своей пышностью, и они решили, что мы поклоняемся идолам. Безумцы! Аллах же – единый и всемогущий Господь, в которого верят и христиане...

– О! – воскликнула потрясенная Бланш. – Так значит мы с вами верим в одного и того же Бога! Как же мало нас разделяет! Я думала, что между нами черная пропасть, а нам всего лишь надо подать друг другу руки, чтобы стать ближе... Но как же Магомет? Отец Готье называл его Антихристом и описывал, как ужасного вероотступника...

– Такова участь праведников, – со вздохом отвечал ей учитель. – Мухаммед был великим Пророком, мудрым и благочестивым человеком. Многие хулили и поносили его еще при жизни, ибо он нес людям великую истину. Страшно подумать! Ваши хронисты писали о нем, как о вероотступнике, пристрастившемся к вину, и даже, как об убийце! Да простит им великий Аллах! Они ничего не ведают. Пророк был самым благочестивым и праведным человеком на земле, не знавшим порочных и преступных человеческих наслаждений. Но его чистота и величие вызывали у людей злобу. Мно-

гие проклинали его за то, что он принес миру последнее откровение. Но мы не отступимся от гонимого. В Священном Коране сказано: «Мухаммед только посланник. Нет уже теперь посланников, которые были некогда прежде него; если и он умрет или будет убит, то ужели вы обратитесь вспять?» Таким же великим Пророком был и Иса, который даровал вам Писание.

– Иисус? – переспросила Бланш.

– Да, у вас зовут его так.

– Но Иисус был сыном Бога, а не пророком. Так нам говорят священники...

– В Священном Коране сказано, что это выдумки христиан. У великого Аллаха нет детей. Не может он породить себе подобное. Он единственный совершенен. Иса был всего лишь праведником и Пророком. Но христиане вознесли его и своих первосвященников, как Бога.

– Но ведь Иисус творил великие чудеса, – с сомнением начала девушка. – Не будь он сыном Господа нашего, как такое было бы возможно?

– Мусульмане говорят, что это тоже выдумки христиан, – отвечал он. – Но в «Библии» описаны его великие чудеса. Не знаю, что и думать... Мне неизвестна истина.

Бланш приложила тонкий пальчик ко лбу и надолго задумалась. Потом она медленно заговорила:

– Но почему мусульмане так жестоко ненавидят нас? А христиане призывают беспощадно сражаться с ними в Кре-

стовом походе? Ведь оказывается, что между нашей верой и вашей так много сходства!

– В Священном Коране нет указаний на то, что нужно враждовать с христианами. Им было даровано Писание. Они не знают лишь последнего откровения. Но между людьми стоит плотная завеса невежества и мрака. Ваши хронисты и монахи знают о нас слишком мало, а наши праведники, в свою очередь, не знают всего о христианах. Кроме того, государям слишком мил запах войны и человеческой крови! Люди слепы и жестоки. В Священном Коране сказано, что нужно воевать лишь с язычниками и безбожниками, подобно тому, как у вас велят казнить еретиков.

– И вы смогли бы поступить так? – воскликнула Бланш, снова хватая его за руки.

– Я никогда больше не стану убивать, – твердо произнес сарацин, и пламя мрачной решительности вспыхнуло в его глазах. – К тому же, чем я, несчастный безумец и отверженный изгнанник, лучше любого еретика? Моя душа полна отчаяния и сомнений...

– О, – прошептала Бланш, – вовеки я не смогла бы отнять чью-нибудь жизнь... Я простила бы и самого падшего еретика. Я рыдала бы и над муками Люцифера в пылающем аду! Каждое творение Господа, даже самое заблудшее, достойно пролитой над ним слезы...

– Но мне пора уходить, – спохватился монах, взглянув в окно. Солнце уже стояло высоко в небе, было за полдень. –

Меня ждут в монастыре.

– Еще мгновенье! Я хочу просить вас о милости.., – девушка опустила глаза. – Могу я отныне звать вас Юсуфом?

При волшебных звуках этого имени по бледному, измученному лицу сарацина пробежало странное, непередаваемое выражение. Какой-то далекий, внутренний свет мгновенно вспыхнул в его глазах. Губы задрожали. Тысячи воспоминаний разом нахлынули на него. И сквозь искаженные разочарованием и горем черты сурового монаха внезапно проглянул юный и забытый образ прежнего Юсуфа.

– Да, – ответил он еле слышно.

XXI. Праздник

*О времена соблазнов, горьких слез,
Век зависти, гордыни и мученья,
О времена тоски, ушедших грез,
Век, чьим недугам нету излеченья,
О времена конца, ожесточенья,
Век, в коем страх и зависть мы познали,
О времена к бесчестному влеченья,
Век нашу жизнь снесающей печали.
Эташ Дешан*

*Wir haben davon niemals je genug.
Nicht macht uns satt.
Die Gier kommt nie zur Ruh,
denn die Leere in uns drin
wächst jeden Tag.
Die Angst vorm Nüchternsein
Verflugt uns immerzu.
Tanzsaal. Tanz der Vampire*

*Нам никогда не бывает слишком много.
Ничто не насыщает нас.
Жажду никогда не утолить,
Ведь пустота в нас самих*

Растет с каждым днем.

Страх иссохнуть

Преследует нас всегда.

«Бальный зал». Мюзикл «Бал вампиров»

В веселые предрождественские дни Гильом де Леруа устроил большую, шумную охоту. На нее собрались сеньоры и дамы из всех окрестных замков. На белом снегу, изрезанном причудливыми тенями черных, тонких ветвей, костюмы знатных гостей сверкали яркими красками, подобно первым цветам на весеннем лугу. Слышался залиvistый лай собак, нетерпеливое ржание лошадей и восторженные возгласы.

Дикая, древняя забава заставляла играть кровь благородных сеньоров не хуже, чем жаркая битва. Как отрадно предаться бешеной скачке по темным лесам и холодным равнинам после скучных, серых дней, проведенных в сырых стенах старых замков. Морозный ветер бил в лицо, заставляя щеки пылать ярким румянцем, волосы дам выбивались из причесок и падали на пылающие лица, сердце, как обезумевшая птица, бешено скакало в груди... С жестокой страстью праздные люди преследовали какое-нибудь бедное, загнанное животное, раз нельзя было преследовать несчастное человеческое существо...

Такое великолепное развлечение, как графское охота, было редкостью в скучной и пустой жизни местных сеньоров. И поэтому прекрасные дамы, желая продлить краткое, но чу-

десное веселье, упростили сеньора де Леруа устроить после Рождества роскошный праздник с представлениями и танцами. Сеньор де Леруа охотно дал согласие. Его пышный двор славился добрыми пирами и незабываемыми празднествами, которые подчеркивали величие и могущество гордого сеньора.

Весть о предстоящем празднике разнеслась по всей округе, и в назначенный день к великолепному замку графа съехалось множество разодетых гостей из соседних владений.

Невероятно прекрасный замок графов де Леруа не имел ничего общего с убогими, полуразрушенными, древними замками остальных сеньоров. Это монументальное, огромное здание сияло чистотой и новизной и подавляло своим пышным величием. На фоне окрашенного закатными лучами неба вырисовывались массивные башни с черепичными крышами и длинные зубчатые стены. Багряные лучи ласкали новую, яркую черепицу, одевая крыши пылающим золотым покровом. Гуляя по толстым, крепким стенам, можно было видеть чудесные, мирные пейзажи: спокойные воды реки, в которых зимой отражались голые, черные ветви деревьев, а осенью падали высохшие, умирающие листья; убегающие вдаль тихие равнины, теряющиеся в море пушистых, белых облаков; далекую, едва различимую синеву таинственного, полного ночных чудес леса... Тяжелые ворота замка были покрыты вычурной, искусной резьбой. Над островерхими крышами, подобно стае диковинных райских птиц, парили и

плескались на ветру бесчисленные, разноцветные штандарты и знамена. Графский замок был похож на чарующее, волшебное видение. Его капризный силуэт отражался в зыбких водах реки. И нельзя было понять, какой из двух замков настоящий. Ибо жилище знатного сеньора было так прекрасно, что казалось порождением самой дерзкой фантазии или сладкого сна!

Внутри гостей встречал такой же удивительный блеск, как и снаружи. Начищенные полы и высокие потолки были расписаны яркими узорами. Стены были увешаны чудесными шпалерами, выполненными руками искусных мастеров. На каждой из них зрителей встречал драматичный библейский сюжет, нарисованный с потрясающим изяществом. О чудо! Здесь можно было увидеть даже толстые книги в драгоценных, усеянных сверкающими камнями, переплетах. Их страницы покрывали очаровательные миниатюры, изображающие сцены из крестьянской или, напротив, придворной жизни, и наивные пейзажи с картинами разных времен года. Утром огромные залы были пронизаны золотистым солнечным светом, вечером их освещал дрожащий, неровный огонь факелов и свечей.

В главной зале, на высоком троне с резной, изящной спинкой торжественно восседал сам Гильом де Леруа, милостиво принимая приезжавших гостей. Он был облачен в великолепное алое одеяние, сверкавшее роскошью и пламенеющей красотой. Длинные рукава небрежно падали на подло-

котники кресла, поза графа была полна пленительной грации и непринужденности. По губам скользила тонкая улыбка. За тронем сеньора де Леруа скромно стоял его сын, повсюду сопровождающий графа, как тень.

Благородные гости съезжались отовсюду. Казалось, замок Леруа привлекал разодетых дам и сеньоров подобно тому, как яркий светильник влечет к себе ночную мошкарку. В числе приглашенных прибыли и барон с баронессой де Кистель. Приехал сеньор де Сюрмон со своими юными дочерьми, одетыми в простые белые платья, в сопровождении воспитателя девиц, брата Жозефа. Из монастыря Сен-Реми прибыл только сам аббат со своим молодым гостем, Жилем дель Манжем. И еще множество других жителей этих мест.

Как только все приглашенные оказались в сборе, Гильом де Леруа знаком велел начать праздничное представление. Под благосклонные приветствия на середину залы выбежали актеры, облаченные в длинные светлые костюмы, усеянные дешевыми безвкусными блестками. Они представляли куртуазную мистерию, в которой трое благородных рыцарей добивались любви Прекрасной Дамы. Они горячо пререкались, доказывая силу своих чувств, сражались на деревянных мечах и пускались в бесконечные странствия, чтобы подвигами и немислимыми обетами заслужить благосклонность своей избранницы. На все эти бесчисленные приключения с наигранной улыбкой взирала миловидная актриса в синем плаще и с невероятно высокой короной на голове. Актеры торже-

ственно декламировали напыщенные, тяжеловесные стихи и делали преувеличенные, картинные жесты, пытаясь изобразить ужасные страдания влюбленных.

– Это так красиво! – восклицала Клэр де Сюрмон, восторженно сверкая глазами, и дергая за рукав стоявшего рядом с ней Жиля. – Их костюмы такие блестящие! О, каждая дама мечтала бы, чтобы ее любви добивались с таким рвением!

– Это пустяки, дорогая Клэр, – мягко улыбался горожанин. – В Валансьенне я видел куда более красивые представления. Там были танцующие струи фонтанов, спускающиеся с небес ангелы и огнедышащие драконы!

– О, что вы говорите! Да неужели?

Равнодушно взиравший на мистерию граф Леруа жестом подозвал к себе брата Жозефа и тихо спросил:

– Как вы находите это зрелище?

– Монсеньор граф хочет услышать похвалу своим актерам или правду? – улыбнулся монах.

– Мой дорогой Жозеф, у меня есть множество придворных льстецов, от которых я каждый день слышу пустые и лживые похвалы. Если я обратился к вам, значит мне понадобилось правдивое суждение об этом представлении.

– Я нахожу, что стихи ужасны, а костюмы актеров настолько безвкусны и нелепы, что на них тошно смотреть, – искренне ответил сарацин.

– Признаться, я и сам так думаю, – согласился граф де Леруа. – Что поделать... В этой глуши трудно найти порядоч-

ного рифмоплета.

– Их везде трудно найти, – отозвался монах.

Тем временем, бесконечное представление подошло к концу. В итоге выяснилось, что одного из рыцарей звали «Желание», а другого – «Сладострастие». Дама же досталась третьему, звавшемуся «Небесной любовью», ибо она представляла собой аллегория Девы Марии. Высокая мораль мистерии гласила: «Не следует искать земных, обманчивых наслаждений. Нужно обратить свои помыслы к Небесной любви. Лишь это способно принести человеку спокойствие и счастье».

Доиграв представление, актеры покинули залу, сопровождаемые возгласами всеобщего восторга и восхищения.

Их место тут же заняли музыканты, и начались долгожданные танцы. Граф Леруа сам открыл бал, пригласив блистательную баронессу де Кистель. Красивые, изящные и грациозные, они составили прекрасную пару.

Многие молодые сеньоры обратили свое внимание на девиц де Сюрмон. Но Бланш упорно отвергала все приглашения, и скоро ее оставили в покое. Клэр, напротив, с радостью бросилась в водоворот музыки, смеха и развлечений, упиваясь волшебной атмосферой вечера.

Неровный свет свечей, мешавшийся с последними лучами заката, скользившими по зале, озарял это странное зрелище. Серебристые искры время от времени пробегали по полустертой позолоте провинциальных нарядов. Платья от-

личались безвкусной, кричащей роскошью. Движения дам и кавалеров поражали изяществом и механической размеренностью. Равнодушно встречались потухшие взоры и холодные руки. На бледных лицах играли натянутые улыбки. Наигранный смех и оживленная беседа прикрывали бездонную пустоту и жестокую, пожирающую умирающие сердца, скуку... Они были похожи на блестящих кукол, внутри которых сломался странный, искусный механизм. И теперь в их движениях нет ни прежнего огня, ни жизни... Застывшие лица напоминали раскрашенные маски актеров, прячущих под фальшивыми драмами подлинную, глубокую тоску своей опустошенной души... Изящные кавалеры и дамы кружились по зале, подобно ярким опавшим листьям, которые злой осенний ветер стремительно уносит неведомо куда...

После танцев хозяин любезно пригласил всех к ужину. В соседней зале большие деревянные столы ломились под тяжестью различных угощений. Здесь было множество блюд с зажаренной дичью, высоких, увенчанных искусными фигурками, пирогов, ароматных сладостей и доброго вина. Граф собственноручно разрезал самый красивый пирог, и из него выпорхнула стайка маленьких птичек, что очень позабавило и насмешило гостей.

Потом начался шумный и веселый пир. Сеньоры брали куски мяса прямо руками, проливали вино на стол, шутили с дамами и развлекались от души.

Сесиль что-то с улыбкой шептала графу. Внезапно сидев-

ший рядом с ними барон де Кистель воскликнул громовым голосом:

– Что ты там плетешь? Я не согласен на это! Волчье Логово принадлежит тебе, а значит и мне тоже. И монсеньор граф тут ни при чем. Если это неправда, пусть черти хорошенько поджарят меня в аду!

Веселый шум и шутливые голоса мгновенно смолкли. Воцарилась напряженная тишина. Все взгляды обратились на барона, лицо которого заволокли мрачные тучи обиды и гнева. В воздухе собиралась гроза.

– Вы забываете, – ледяным тоном произнес граф де Леруа, – что Волчье Логово является моим фьефом, и что я законный сюзерен этих земель.

– Не хочу ничего знать об этих путанных обычаях! – рявкнул сеньор де Кистель, стремительно вскакивая из-за стола.

От его резкого движения стол пошатнулся, один из серебряных кубков перевернулся, и красные капельки вина побежали по белоснежной скатерти, забрызгав широкие рукава роскошного графского наряда... Страшная бледность покрыла надменное лицо Гильома де Леруа. Его взор остановился, губы дрогнули. Дрожащим от неслыханного оскорбления голосом граф медленно и отчетливо проговорил:

– Сеньор де Кистель, я требую немедленного извинения за нанесенную мне обиду и за вашу невероятную дерзость. Вы должны помнить, что я ваш сеньор, и вы клялись мне в глубокой верности. А также помнить то, что оскорбления,

нанесенные мне, вашему государю, равны оскорблению самого Господа! Берегитесь, быть может вам будет мало всей вашей крови, чтобы смыть эти несколько капель вина, коснувшиеся моих рукавов!

Он говорил негромко, но в зловещей тишине, спустившейся на залу, его голос далеко разносился по комнате, порождая смутное, странное эхо.

– Монсеньор, разве вы не видите, барон просто-напросто пьян. Он пролил вино нечаянно! – воскликнула Сесиль, хватая государя за руки. – Проявите великодушие! Простите его!

Сеньор де Леруа холодно отнял руки.

– Я хочу услышать извинения от самого барона, – настойчиво повторил он.

– Простите, – недовольно буркнул сеньор де Кистель, усаживаясь на место. – Сегодня сила не на моей стороне... Но мы еще поглядим..., – зловеще пробормотал он себе в усы.

Тучи ссоры быстро рассеялись, и пир продолжался с еще большим неистовством, чем прежде. Лица раскраснелись, зазвучал непристойный смех и грубые песни.

Брат Жозеф не вмешался в спор из-за своего старого владения. Он не слышал и не видел происходившего вокруг. Сидя за самым дальним концом стола, он в отчаянии пил вино, осушая стакан за стаканом и мрачно уставившись в одну точку. Внезапно чья-то тень легла на стол прямо перед ним. Сарацин медленно поднял голову. Возле него стояла баро-

несса де Кистель в тяжелом, лиловом платье. То ли от траурного оттенка ткани, то ли от зыбкого освещения, ее лицо казалось еще бледнее, чем обычно. Яркие накрашенные губы пламенили на лице, как кровавая рана.

– Что я вижу, Жозеф? – начала она, разыгрывая удивление. – Теперь ты утоляешь свои горести вином? Как это непохоже на тебя. Ты ведь так часто говорил, что из-за твоей мазни у тебя не остается времени на развлечения.

– Чего ты хочешь? – спросил он хриплым голосом, глядя на кухню затуманенным взором.

– Хочу посмотреть, до какой глубины дошло твое падение. Как же ты жалок! Как ничтожен. У тебя ничего не осталось. Ты тонешь в своем ужасном безумии. Ты будешь опускаться все ниже и ниже. Ведь ты и сам чувствуешь, как медленно разлагается твоя плоть и кровь... И с каждым днем это будет происходить все быстрее и быстрее. Неумолимое разрушение! Вот что стало твоим жестоким уделом. Ты наказан по заслугам. К чему ведет твое дикое упрямство? Ты все еще не хочешь уступить мне...

Взгляд сарацина был холоден и равнодушен.

– Чему ты радуешься? – бесцветным голосом спросил он. – Разве и ты не мертва при жизни, как я? Как и все в этой зале. Что есть у тебя? Твой сын? Но может ли это дать женщине полное счастье? Ты не знаешь, что значит любить мужчину. Вспомни, как сказано в Библии: «А ты, опустошенная, что станешь делать? Хотя ты одеваешься в пурпур, хотя

украшаешь себя золотыми нарядами, обрисовываешь глаза твои красками, но напрасно украшаешь себя: презрели тебя любовники, они ищут души твоей».

Жозеф умолк и снова опустил голову. Черты Сесиль были искажены от горькой обиды.

– А ты? Разве тебе дано любить? – воскликнула она, сдерживая готовые пролиться слезы. – И ты никого не любишь... Тебе тоже не дано узнать, что значит любить женщину...

– О, я не хочу этого знать. Не хочу...

Сесиль больше не хотелось говорить. Она стремительно отошла от стола, прижимая руки к груди, точно там пылала только что нанесенная рана...

Жозеф остался один. Он окинул залу блуждающим взглядом. Все вокруг были пьяны и безумны. Ужасные проклятья и богохульства мешались с грубым хохотом. Кто-то еще вел беседу заплетающимся языком, кто-то уронил голову на стол. Лица пылали, взоры были мутны, великолепные наряды измялись и испачкались, и при красноватых отблесках факелов предстала во всем отвратительном убожестве полустиертая и тронутая тлением позолота. Жозефу казалось, что яркое вечернее освещение обнажило не только жалкую, обманчивую роскошь нарядов. На искаженных, пьяных лицах, под слоем облупившихся румян или под выступившим потом проступали черты скрытых, уродливых пороков, дикой вражды, забытых страстей и беспросветного отчаяния... Он будто бы видел перед собой восставших из могил мертвецов,

с которых ключьями свисала их истлевшая одежда и источенная временем кожа... Да, он сказал правду: все в этой зале были мертвы еще при жизни! «Раскрашенные гробы»...

Внезапно взгляд его остановился на каком-то светлом пятне возле окна. В огромном кресле, поджав под себя ноги, сидела хрупкая девушка и чертила тонким пальцем какие-то таинственные узоры на пыльном, каменном подоконнике. Она ничего не слышала и не видела. Ее здесь не было.

Он узнал Бланш. Она снова возникла перед ним, как странное, болезненное видение, как молчаливый и загадочный призрак. Она и вправду была здесь совершенно чужой и лишней. Это бледное, печальное создание было настолько чуждо всему окружающему фальшивому блеску, что Жозеф почувствовал нестерпимое удушье в этой роскошной, уродливой зале. Оно было настолько сильным, что он с радостью бы выбросился в окно, лишь бы покинуть этот жуткий, полумертвый пир!

Он стремительно вскочил с места, неверным шагом пересек комнату, схватил за руку испуганную девушку и бросился прочь. Через мгновение кошмар остался позади. Они вновь оказались на свободе...

XXII. Ночная прогулка

*Eine Schönheit in den Augen der Nacht,
ein verwunsch'nes Sternenkind,
zärtlich wie der Wind
und für mich bereit,
verzaubert unser'n Mitternachtsball!
Tanzsaal. Tanz der Vampire*

*Красота в глазах ночи,
Заколдованное звездное дитя,
Нежное, словно ветер,
Готовое для меня,
Очаровывает наш полуночный бал!
«Бальный зал». Мюзикл «Бал вампиров»*

*О, что за трепет душу мне объял,
Когда я обернулся к Беатриче
И ничего не видел, хоть стоял
Вблизи нее и в мире всех величий!
Данте Алигьери «Божественная комедия»,
Рай, песнь XXV*

*Поодаль я заметил Саладина.
Данте Алигьери «Божественная комедия»,*

Высоко в ночном небе сверкали далекие звезды. Оно было похоже на бездонную черную пропасть, опрокинутую на головы людей. Ветра не было. В неподвижном морозном воздухе медленно кружились редкие, крупные хлопья снега и тихо ложились на землю. Огромный, желтый диск луны окружали рваные лиловые облака и прорезали корявые, черные ветви. Где-то вдалеке слышался тихий лай собак. Ноги увязали в снегу, а ночной холод оставлял на губах свежий, колючий привкус.

Юсуф шел быстро, по-прежнему не выпуская руки Бланш, и не говоря ни слова. Наконец, устав от быстрой ходьбы, она отважилась спросить:

– Скажите, куда вы меня ведете? Вы меня напугали. Я задумалась, а вы так внезапно схватили меня за руку и даже ничего не сказали...

– Мне было не до долгих размышлений. Я хотел уйти. Мне необходимо было бежать оттуда! От этого места веяло тяжелым запахом тления... Я отведу тебя в замок, а сам вернусь в монастырь.

– Но ведь вы могли бежать и без меня...

Он резко остановился и впился в ее лицо сверкающим от волнения и выпитого вина взором. Тени проплывавших по небу облаков время от времени пробегали по их неподвижным лицам.

– Нет, я не мог, – с усилием ответил сарацин. – Не мог. Когда я случайно взглянул на тебя... Ты не должна была там оставаться! Среди всей этой толпы мертвецов ты была, как сверкающая, серебряная звезда, упавшая с небес в Преисподнюю! Ты была, как светлый ангел в аду. Как призрак, среди людей из плоти и крови.

Он схватил ее за плечи и притянул к себе, пристально и сосредоточенно рассматривая ее лицо.

– Но я ведь знаю, ты не ангел, у тебя ужасные глаза! В них пылает огонь ада... Но ты и не ведьма, не демон, не призрак. В тебе нет зла и мрака. Это чудовищно! Я не понимаю... Скажи мне наконец, кто же ты?!

Он резко дернул Бланш, приблизив ее лицо к своему. В его расширенных зрачках плясал огонь отчаяния и страха.

Она не опустила глаза, а, все так же спокойно глядя на него, ответила:

– Я не знаю, о чем вы спрашиваете. Я просто смертная девушка.

Черты сарацина болезненно исказились, и, как бы потрясенный внезапным откровением, он с жаром воскликнул:

– О, в том-то и дело, что ты не просто! Не просто...

Его волнение усилилось, и он снова потащил девушку за собой. Но тут уже Бланш взяла его за плечи и попыталась повернуть к себе. Сарацин остановился.

– Что с вами, Юсуф? – дрожащим голосом начала Бланш. – Что случилось? Вы выпили слишком много вина.

Вы расстроены. Вы ведете меня в ночь. Нет, мне не страшно за себя... Но я едва успела захватить с собой плащ, а вы даже не взяли свой. Разве вам не холодно? Ваше лицо кажется мне таким бледным и растерянным... В чем дело? Часто ви-но доводит вас до такого состояния?

– Нет. Сегодня в первый раз. Какое это может иметь значение? Сесиль права. Я и так уже пал слишком низко, почему бы не довершить своего падения?

– О нет, прошу вас! Я не могу этого слышать! – воскликнула Бланш. – Почему вы так поступаете со своей жизнью? Это ужасно! Юсуф, вы великий художник, я знаю это. Ваши дни бесценны... Как вы можете быть таким неосторожным и жестоким к самому себе?!

– Что мне остается? Я почти безумен. Адские кошмары разъедают мою жизнь... Пока еще мои уродливые пороки не поглотили мой талант. Однако, кто знает... Возможно, если бы не было их, не было бы и этого таланта... Откуда я брал бы краски для ужасов ада, если бы они не тревожили мое необузданное воображение? Да и что такое жизнь? К чему мне ее хранить?

– Тот ужасный яд, о котором вы писали, все еще при вас? – тихо спросила Бланш, и на ее ресницах задрожали слезы. – Неужели вы не боитесь смерти?

– Не знаю.., – прошептал он. – Я ничего не знаю. Моя жизнь так пуста. И все же, когда я смотрю в черную бездну вечности, что-то останавливает меня...

– Дай Бог, чтобы это всегда было так! – горячо воскликнула девушка. – О, я думаю, ваша жизнь могла бы стать намного счастливее, если бы вы окончательно отказались от мести. Она отравляет вас. Она отравляет всех. Забудьте о Волчьем Логове, забудьте о старой вражде. Она убивает не тех, кто мертв, а тех, кто остается...

– Я рад бы забыть эту проклятую распрю, которая отняла у меня рассудок! Но мои враги не дадут мне это сделать, – глухим голосом возразил сарацин.

– Этот старый замок и давняя вражда не стоят ваших страданий. Вам нужны покой и счастье.

– Покой и счастье... – усмехнулся он. – На земле их нет.

– Умоляю вас, Юсуф, отрекитесь от этой бесконечной и бессмысленной ненависти! Вспомните, ведь Иисус велел святому Петру убрать свой меч, когда за ним пришли римские солдаты. А праведный Али... Посреди всеобщей вражды он внял голосу милосердия и согласился на перемирие, увидев у воинов листы Священного Корана! Сделайте первый шаг, откажитесь от ненависти, вражды и кровопролитья! И это спасет вас, прежде остальных...

– Но я не Иса и не праведный халиф Али, – с горькой улыбкой ответил он.

– Умоляю, услышьте меня! Каждый человек может стать милосердным и великодушным. Великий Саладин отпустил на волю женщин и детей...

– Как Пророк отпустил на свободу рабов, – подхватил са-

рацин. – Можно подумать, что ты всеми силами стараешься открыть для меня двери рая. Увы, слишком поздно...

– Я не хочу открыть вам двери рая. Мне и самой поздно туда стучаться... Я только хочу излечить вашу мучительную боль. Это мое единственное желание! Как это странно... Иногда я зла на весь мир. Но бывают минуты, когда мне хочется отдать свое сердце, чтобы излечить боль каждого живого существа...

– Ты еще ребенок. Ты ничего не понимаешь. Твои нежные грезы увянут скорее, чем весной опадает яблоневый цвет... В этом темном мире нет места доброте и милосердию.

– Но в моей душе есть! – горячо возразила Бланш.

– Ты устала? – спросил он вместо ответа.

– Да, – искренне ответила девушка.

За все то время, пока она знала своего учителя, он впервые спросил о том, что она чувствует...

Луна и звезды почти скрылись за набежавшими черными тучами. Тьма стала непроглядной. Одинокие, обледенелые деревья попадались все реже и реже. Поднялся ветер. Снег теперь срывался с высоты часто-часто. Его неровные потоки причудливо смешивались и перекрещивались в воздухе. Широкая равнина убегала в страшную, невидимую даль. Величественный замок графа де Леруа, сверкающий всеми красками ночного праздника, остался далеко позади. Бескрайний, полночный мир казался ледяным и пугающим. По заснеженному полю одиноко блуждали язычник в монаше-

ской сутане и девушка в белом платье, но в их сердцах не было ни капли ночного ужаса и страха...

XXIII. Откровения

*Und willst du mich finden,
dann haltr' mich nicht fest.
Ich gebr' meine Freiheit nicht her.
Und willst du mich binden,
verlaßr' ich dein Nest,
und tauch wie ein Vogel ins Meer.
Ich gehör nur mir. Elisabeth*

*И если ты захочешь меня найти,
то не держи меня крепко.
Я не отдам мою свободу.
И если ты захочешь меня связать,
то я покину твое гнездо,
И брошусь, как чайка в море.
«Я принадлежу только себе». Мюзикл «Элизабет»*

Стреляй. Стреляй сюда. И за несколько минут вся эта суматоха, боль – все утихнет. Или сюда. И тогда воспоминания, любовь, желания и сама жизнь исчезнут в один миг. Без мучений.

Индийский фильм «Демон»

Наутро после шумного праздника в замке Леруа, в келью

отца Франсуа явился брат Колен. На этот раз он не принес с собой ни бумаг, ни чернил. Однако, сосредоточенное и почти суровое выражение его спокойного лица говорило о том, что к аббату его привели важные и серьезные дела. Настоятель выглядел рассеянным и усталым после бессонной ночи, но, тем не менее, согласился выслушать брата Колена.

– Мне нужно обсудить с вами некоторые важные вещи, – туманно начал монах.

– Я готов вас выслушать, дорогой друг, – отвечал отец Франсуа, глядя в окно скучающим, невидящим взглядом.

– Сегодня брат Жозеф вернулся в монастырь только под утро. Кроме того, мне показалось, что он был пьян...

Аббат резко повернулся к брату Колену. Его скука и рассеянность пропали в тот же миг, как только разговор коснулся сарацина.

– Но вам же хорошо известно, что вчера мы были на празднике у графа Леруа. С каких пор вы так ревностно следите за исполнением устава, что осуждаете нас даже за редкое и по сути невинное развлечение? Если бы я услышал подобные упреки от Ульфара, я не был бы удивлен. Но вы, брат Колен... Всем известен ваш здравый смысл и терпимость к человеческим слабостям. Вы же понимаете, что мы должны поддерживать хорошие отношения с государем. Он всячески возвеличивает наш монастырь и делает щедрые пожертвования, благодаря которым наша несчастная обитель еще окончательно не рассыпалась в прах и не исчезла с лица земли!

Да, я противник роскоши. Но здесь речь не об излишествах, а о самом необходимом...

Брат Колен сделал протестующий жест.

– Нет, не горячитесь напрасно, святой отец. Я всецело разделяю ваши тревоги за судьбу нашего бедного монастыря. И только забота о его доброй славе побудила меня начать этот неприятный разговор. Мелкие нарушения устава меня не волнуют. Но поведение брата Жозефа... это уже не мелкие нарушения. Его безумные и дикие поступки бросают тень на всю нашу братию. Ему можно было бы простить многие грехи. Но эта его странная склонность выставлять напоказ свои необдуманные поступки! Эта его манера говорить всем грубости в лицо, будь то даже знатные и благородные сеньоры...

– Прошу вас, Колен, – горячо прервал его настоятель. – Будьте снисходительнее к его беспокойному нраву. Жозеф – художник. Им свойственно совершать безумства.

– Ульфар – тоже художник. Но он ведет себя вполне прилично, – холодно возразил монах.

На несколько мгновений в комнате повисло тяжелое молчание.

– Хорошо, – сдался наконец аббат. – Что он натворил на этот раз? В чем вы его обвиняете?

– До меня дошли слухи, что он покинул праздник в самом разгаре и увел с собой одну из дочерей сеньора де Сюрмона. Не слишком-то прилично и не слишком вежливо гулять по

ночам с благородной девицей. И ради этого убежать с графского праздника без извинений и объяснений.

– О чем вы говорите? Жозеф – воспитатель бедных девушек. Я уверен, что он всего лишь проводил мадемуазель де Сюрмон до замка. Его долг – заботиться о юных девушках.

– Я в этом не сомневаюсь, – резко ответил брат Колен. – Как вы не понимаете! Меня нисколько бы не заботили его сумасшедшие выходки, если бы они не вредили славе нашей обители. Да, я способен понять и простить многие человеческие грехи. Люди слабы и неразумны. Но почему брат Жозеф не может окутать свои поражающие приличное общество приключения завесой тайны? Зачем ему непременно выставлять свои дикие капризы на всеобщее обозрение? Ведь тем самым он наносит непоправимый ущерб всем нам и нашему святому монастырю!

– Боже мой! – воскликнул отец Франсуа. – Мне хорошо известно все это. Но чего вы от меня хотите?

– Хочу, чтобы вы проявили суровость к брату Жозефу. Впрочем, о чем я говорю? – задумчиво произнес брат Колен, как бы обращаясь к самому себе. – Вы готовы проявить ее к кому угодно, но только не к нему...

Взор настоятеля вспыхнул от гнева.

– Вы хотите сказать, – с жаром воскликнул он, – что я несправедлив?! Что мое особое отношение к Жозефу заставляет меня проявлять к нему преступную снисходительность?! Вы хотите сказать, что я слишком люблю его, что-

бы наказывать за тяжкие проступки?! Что я плохо исполняю свои обязанности?!

Несмотря на вспышку настоятеля, брат Колен по-прежнему оставался спокоен.

– Вы сами это говорите, – ответил он, равнодушно пожимая плечами. – Если это не так, то почему тогда вы так взволнованны?

– Кто дал вам право осуждать вашего настоятеля?! Оставьте меня, я не желаю больше слушать ваши упреки!

– Я думал, – сказал Колен, вставая со стула и направляясь к двери, – что наша старая дружба и долгие годы нашего знакомства дают мне это право. Но оказывается, вам не нравится выслушивать правду, которая необходима для славы нашего святого дела...

– Пойдите, – внезапно остановил его аббат, раздражение которого утихло так же быстро, как и вспыхнуло. – Вы правы, друг мой, вы совершенно правы. Я ослеплен своей любовью... Жозеф мне как сын... Я поговорю с ним. Я обязан быть суровым и справедливым, когда дело касается нашей святой веры. Благодарю вас, что напомнили мне о моем долге.

– Я надеюсь на ваше благоразумие, святой отец, – сдержанно ответил брат Колен и с поклоном вышел из кельи.

Немного успокоившись после жаркого спора, отец Франсуа вышел во двор монастыря и неожиданно увидел там Жозефа. Сарацин сидел под большим раскидистым деревом, об-

няв колени руками и низко опустив голову. Голые, узловатые ветви, чуть колеблемые зимним ветром, бросали на его растрепанные волосы неверные, пляшущие тени. Пугающая неподвижность и напряженная поза монаха говорили о глубокой задумчивости и печали.

При виде брата Жозефа выражение лица настоятеля сразу смягчилось. Он тихонько подошел к сарацину и положил ему руку на плечо. Тот резко вздрогнул и вскинул на аббата глаза, полные мрачных, кошмарных снов...

– Ах, это вы, отец Франсуа... Я не слышал, как вы подошли.

– Потому что вы слишком много витаете в мире грез, – покачал головой настоятель. – Но жизнь – это не волшебный сон, Жозеф.

– О, нет, – тихо отвечал он, все еще продолжая размышлять над чем-то далеким. – Это кошмарный сон...

– Зачем вы вчера, как безумный, убежали с праздника и увели с собой мадемуазель де Сюрмон? Надеюсь, с ней ничего не случилось, и вы проводили ее до замка?

– С ней? С ней нет... ничего. Я не мог оставаться на этом проклятом пиру. Мне было душно. Да и ей нечего было делать среди пьяных и диких сеньоров...

– Вы правы. Это отвратительное зрелище для молодой девицы. Но и вы тоже хороши. Я не узнаю вас! Прежде вы никогда не позволяли себе выпить лишнего... Что же случилось теперь? Вы были пьяны и наругали баронессе де Ки-

стель. Я видел, как она отошла от вас вся в слезах...

– Сначала она наговорила мне грубостей. Вы знаете Сесиль. Она ненавидит меня. Что я могу поделать?

– Послушайте, Жозеф, – начал настоятель, садясь рядом с ним. – Так нельзя. У каждого из нас есть обязанности перед ближними. Мы должны уметь сдерживать свои порывы, ведь мы не дети. Нужно следовать не только своим желаниям и капризам, но и долгу.

– Я не хочу знать никакого долга! – воскликнул сарацин. – Я не хочу быть вежливым и лицемерным! Не хочу говорить любезности тем, кого я ненавижу! Я не хочу жить и умирать во имя чего-то. Разве я пророк или праведник? У меня нет желания страдать за веру. Я готов приносить жертвы только ради своих витражей... Я не хочу никого слушать! Я хочу лишь жить, как мне подсказывает мое сердце. Мне нужна свобода. Мне нужно иметь возможность следовать каждому своему безумному капризу! Каждый раз, когда я не следую ему, в моей голове умирает один прекрасный набросок... О, поймите, я не могу делать то, что нужно людям! Я должен делать лишь то, что диктуют мне мои сверкающие грезы... Почему вы хотите видеть меня другим? Я такой, какой я есть. Наверное, таким меня любить невозможно... Но мне нужна свобода. Если бы вы знали, что это такое... Но вам известен только долг и необходимость.

– Откуда вам это может быть известно? – пылко перебил его отец Франсуа. – Что вы знаете обо мне? Что вы знаете

о моей предыдущей жизни, в которой еще не было вас? Что вы знаете о моих мечтах, о моих желаниях и чувствах? Да всю свою жизнь я ненавидел долг и принуждение! Я искал чистых радостей и счастья. А счастье – это свобода, которая всегда была целью и смыслом моей жизни. Я не хотел быть связанным чувствами, обещаниями и клятвами. Я хотел парить и летать, как небесные птицы под облаками. Я хотел мчаться на коне, чтобы встречный ветер бил мне в лицо, наполняя мою душу восторгом и ощущением безмерной радости. Я мечтал броситься в светлые лучи солнца и раствориться в них!

Настоятель встал, глядя на бескрайний горизонт, раскинув руки, готовый, как в юности, броситься навстречу желанной и недостижимой свободе. Его восторженный взор пылал. Лицо сияло на миг вернувшейся молодостью и вдохновенным светом.

– Нет, вы не понимаете, – грустно улыбнулся брат Жозеф. – То, что я чувствую, это совсем другое... Я не смогу стать свободным, пока буду слышать все эти резкие звуки, видеть все эти нестерпимо яркие краски! Они причиняют мне ужасную боль! Для меня не наступит освобождения, пока я буду чувствовать жизнь... Чувствовать вкус этого холодного воздуха, тепло этих солнечных лучей на своей коже... Пока я буду двигаться и существовать. Это невыносимо! Стать свободным – это значит навсегда выпрыгнуть из тесной тюрьмы своего тела. Это значит не чувствовать боль-

ше ни единого ощущения... О, как же вы не можете понять! Свобода – это отсутствие боли! А она в каждом моем вздохе, в каждом жесте... А теперь еще и это! Как будто раньше мне было мало страданий! Как мне вынести последнюю каплю, которая переполняет чашу!

В отчаянии он вцепился руками в волосы и снова замер в жуткой для живого существа неподвижности.

– Ради Бога, скажите мне, что вас так мучает? Облегчите свою бедную душу, – с сочувствием обратился к нему аббат.

– Никогда! – с жаром и неистовым упорством воскликнул сарацин.

И мгновенно поднявшись, он стремительно бросился к монастырю, словно еще одно слово настоятеля могло вырвать у него темную тайну его жестоких страданий...

XXIV. Страсть

*Она с моим слилася стоном,
Вмешалась в кровь, как черный яд;
Во мне, как в зеркале бездонном,
Мегеры отразился взгляд.
Шарль Бодлер «Самобичевание»*

Он нашел в себе силы взглянуть на нее. То была она. Она была бледна и сурова. Ее волосы так же, как и поутру, спадали на плечи. Но ни веревки на шее, ни связанных рук. Она была свободна, она была мертва.

Виктор Гюго «Собор Парижской богородицы»

Ночью Юсуф снова оказался во власти своего ужасного кошмара. Его истерзанный дух, как слепая, раненная птица, бился в темной тюрьме неподвижного, умершего тела. Он мучительно искал дорогу к свету и свободе, но натыкался только на жуткое безмолвие и крошечную тьму. Юсуфу казалось, что он растворился в немом, тяжелом ужасе мира. Больше не существовало ни земли, ни небес. Была только огромная, пожравшая всю вселенную, непроницаемая тьма. И его одинокий дух крохотным огоньком блуждал в неподвижном и бездонном море мрака...

Когда он наконец с большим трудом вырвался из пугаю-

щей тишины и пустоты, поглотившей его рассудок, вокруг действительно была темнота. Юсуф пытался понять, что его разбудило. Напрасно. Ни звука, ни проблеска света вокруг. Устав от бесплодных размышлений, он снова опустился на постель и предался бессвязным, стремительно сменявшим друг друга, грезам.

В последние дни с ним происходило нечто бессмысленное и невероятное. Постоянные мысли о Бланш породили в его существе странную, ни на мгновение не утихавшую лихорадку. Заснуть теперь было почти невозможно. От глубокого и необъяснимого волнения его мозг пылал так сильно, как никогда прежде. Каждая его мысль, эмоция, ощущение в конце концов приводили его к ее образу.

Но что-то изменилось. Это больше не было тем, что он чувствовал раньше. В самых тайных глубинах души и сознания зародилось что-то такое, чего он не понимал и смертельно боялся.

После их первой встречи во дворе старого замка, под ветвями плакучей ивы, его душу наполнили самые радостные и восторженные впечатления. Удивительный облик девушки дарил ему пламенное вдохновение. Юсуф готов был часами смотреть на нее, лишь бы только поймать и запечатлеть в своих картинах ее призрачный, невероятный образ. В те дни его мысли наполняли сотни новых, прекрасных образов и дерзких сюжетов. Его сердце радостно и учащенно билось. Он был почти счастлив. Он чувствовал себя юным, окрылен-

ным надеждами и полным сил создавать чудесные, сверкающие великолепием и свежими красками, витражи... Он мог дышать свободно, а мир внезапно наполнился утраченным, теплым светом.

Но через некоторое время в его радужные грезы вторглись темные, тяжелые желания, которые порождали жестокие и страшные мысли и лишали его покоя и душевного равновесия.

Но теперь изменилось и это. Он все еще желал Бланш, но это словно отступило в тень. Все его жестокие желания бурно затопляло что-то новое и неизвестное. Что-то, чего он никогда в жизни еще не испытывал... Юсуф больше не хотел взять ее силой. Он больше не хотел причинить ей боль. Он вдруг понял, что этого будет недостаточно. Огонь, который сжигал его, невозможно было утолить однажды. Этому всепоглощающему пожару требовалось гораздо больше!

Удивительно, но он уже не испытывал бешенства и злости, порожденных неудовлетворенными желаниями. На смену раздражению и гневу пришла глубокая, поглотившая всю его жизнь, тоска...

Но эту тоску не могло погасить тепло ее белого, холодного тела. Теперь этого ему было слишком мало. Каждую минуту он с болью думал, чем она занята, что делает в этот час, с кем она говорит, кому улыбается... Отныне Юсуф хотел, чтобы каждое ее движение, каждый звук ее голоса, каждый легкий вздох принадлежали ему! Он хотел узнать о ней все. Хотел

видеть, как она плачет и смеется. Услышать, что она думает о только что прочитанной книге. Узнать, что она чувствует, глядя из окна на алое, закатное небо. Он жаждал быть рядом с ней, когда она ложится спать, и когда в ее зрачках пляшут первые лучи рассвета. Он хотел разгадать эту тайну. Он хотел выпить ее до дна...

Бланш властно вторгалась в его мрачную жизнь и навеки перевернула ее. Каждое мгновение его мозг разрывали мысли о ней. О чем бы он не думал, что-то упорно возвращало его истерзанный рассудок к размышлениям о девушке. Это причиняло ему острую, жгучую боль. Юсуфу казалось, что каждый сосуд в его мозгу охвачен жарким пламенем. Но он не мог от этого излечиться. Заканчивая витраж, он думал о той, которая его вдохновила. Садясь за стол, гадал о том, что делает в эту минуту она. Читая на закате намаз, представлял, как она молится в своей старой часовне...

Все в мире потеряло свои привычные и четкие очертания. Все стало зыбким и бессмысленным. Его не интересовало больше ни одно событие, ни один разговор. Люди и предметы перестали существовать и превратились в холодный и чуждый кошмар. Значение имел только каждый ее шаг. Вне этого ничего не имело ценности и смысла.

Юсуф постоянно чувствовал ее незримое присутствие. Он не видел и не слышал ее, но знал, что она находится где-то рядом. Ему часто казалось, что она стоит за спиной и молча смотрит на него своими сверкающими глазами. Порой он

улавливал ее смутное отражение в своих стеклах. Иногда ему чудилось, что его касается легкое дыхание. Бланш стала не просто частью его жизни. Она стала частью его существа! Он чувствовал ее в каждом своем вздохе. Она струилась в его крови... И это повергало Юсуфа в ужас!

Любой другой человек на его месте давно бы понял, что он влюблен в девушку. Но Юсуфу эта страшная истина открылась лишь после их волшебной, ночной прогулки. То, что случилось с ним было слишком неожиданно и невероятно! Так значит вот что называют любовью! Значит вот как возникает желание провести всю свою жизнь у ног одной-единственной женщины... И закат превращается в рассвет, а вечность – в единое мгновение... Неужели же все то, о чем говорится в старинных легендах, чистая правда?! Неужели на свете есть безумные существа, для которых жизнь друг без друга бессмысленна и невозможна?.. Как могло это случиться?! Как могло наконец посетить его то невероятное, то единственное, то живое, во что он упорно не верил на протяжении всей своей одинокой, безрадостной жизни?..

Но разве мог он надеяться, что Бланш полюбит его? Его, отверженного безумца и преступника, его, жалкого, озлобленного, умирающего человека? Его, ужасного, отвратительного сарацина! Он вспоминал, какой белоснежной, какой светлой была ее юная, прекрасная кожа, и глядя на свои смуглые руки, готов был рыдать от безумного отчаяния! О, если бы под ее кожей было хоть немного крови, он смог бы

стать к ней хотя бы на единый шаг ближе! Но она была такой ослепительно, такой невероятно белой!..

Юсуф видел, что девушка относилась к нему с глубоким состраданием. У нее было доброе сердце. Но ему не нужно было сострадание. Ему нужна была она сама. И больше ничего в мире.

Нахлынувшее на него с чудовищной силой чувство потопило под собой страшные картины прошлого, его нынешние серые будни и даже заставило потускнеть чарующий блеск его горячо любимых витражей...

Действительность больше не причиняла ему боль. Действительности больше не существовало. Существовала только Бланш и его мучительное, неугасимое чувство к ней. Все остальное больше не имело и тени смысла.

Лежа один во мраке, Юсуф не переставал размышлять об этом. Все его чувства, все его эмоции были напряжены до предела. В этом лихорадочном состоянии любой звук, любая вспышка света резала по нервам, как острие наточенного кинжала. Глаза невольно закрывались, но он с усилием продолжал пристально вглядываться в окружающую тьму. Постепенно воспаленный взор Юсуфа начал различать во мраке какой-то светлый сгусток, похожий на блик лунного света. Бледное пятно медленно, но верно начинало приобретать все более и более четкие очертания. Внезапно его расширенные зрачки разорвала вспышка света, и вся кровь застыла в нем! Загадочное сияние превратилось в силуэт девушки.

Это была Бланш. Из тьмы явственно выступала ее стройная, хрупкая фигура, и адские глаза зловеще горели на мертвом, неподвижном лице... Юсуф шарахнулся к стене, всей своей потрясенной душой желая, чтобы она расступилась позади него и укрыла от дьявольского видения! Сердце упало в неизведанные, бездонные глубины. Руки и ноги были ледяными, как у мертвеца. Холодный пот покрыл все тело. Жгучий страх разрывал горло, но он не имел в себе сил ни крикнуть, ни двинуться с места, ни даже закрыть глаза, чтобы спастись от жуткой, непрощенной гостьи... А она продолжала стоять на месте и глядеть на него со злым, замкнутым выражением, без единого движения, без единого звука... Юсуфу казалось, что прошла вечность, и он провел в аду тысячу лет, а она по-прежнему не уходила. Но прошло не больше мгновенья, и в тот же миг светлый силуэт рассеялся без следа...

В диком, нечеловеческом ужасе, он вскочил со своего ложа и, не разбирая дороги, не видя ничего вокруг, задыхаясь, бросился прочь из темной кельи, которая скрывала в своих стенах таких зловещих и мрачных призраков!

* * *

Наутро брат Жозеф не пришел на мессу. Монахи были обеспокоены и встревожены. В келье его тоже не оказалось.

– Вот они, горькие плоды вашей снисходительности к нему, – сказал брат Колен аббату. – Я уверен, что это оче-

редная дерзкая выходка Жозефа.

– Я молю Бога, чтобы вы оказались правы! – в отчаянии отвечал отец Франсуа. – Пусть лучше это будет его новым безумством, лишь бы с бедным мальчиком ничего не случилось!

– Да что с ним может случиться? – равнодушно вставил Ульфар. – Это все козни дьявола. Я предупреждал его, чтобы он ревностнее усмирлял свой непокорный дух, а он меня не слушал. Не удивлюсь, если черти утащили Жозефа вместе с его безумными художествами!

– Да замолчите же ради всего святого! – перебил его аббат. – Быть может, он решил пораньше отправиться в замок сеньора де Сюрмона...

В этот момент со стороны дворовых построек показался брат Ватье и, подойдя к отцу Франсуа, торжественно изрек:

– Он там.

– О Господи, Ватье, однажды вы убьете меня! Где там?!

– В сарае.

Когда монахи отворили дверь указанного им братом Ватье сарая, их глазам предстала странная и жутковатая картина. Сарацин сидел в самом темном углу, поджав под себя ноги и крепко прижавшись к деревянной стене. Из-под расстегнутой, ужасно измятой сутаны выглядывала белая нижняя одежда. Волосы были растрепаны. Блуждающий, горящий взгляд – совершенно безумен. Дрожащими пальцами он упрямо рвал сухие травинки, устилавшие пол.

– Силы небесные! Что я вижу?! – воскликнул отец Франсуа, бросаясь к Жозефу.

Тот встал ему навстречу и взглянул на аббата расширенными, остановившимися глазами, в которых не было ни единой разумной мысли.

– Это правда... Видения... Ад... Брат Ульфар говорил правду... Они приходят по ночам... О! Было так темно! Она была ужасна! Ах, мне так хочется уйти далеко отсюда! Подальше от страха...

Произнеся эти бессвязные, пугающие слова, сарацин без чувств упал к ногам настоятеля...

XXV. В часовне

А между тем вы полны нежности и милосердия, вы сияете благостной кротостью, вы так пленительны, добры, сострадательны и прелестны.

Виктор Гюго «Собор Парижской богородицы»

Тут она загнулась... поток слез хлынул у нее из очей, и в нем захлебнулись ее слова:

– Это ты, ты, Медард, это тебя я так неизреченно люблю!

Э. Т. А. Гофман «Эликсиры Сатаны»

*Долга была ночь, ночь была холодна,
Так холодны были ступени, -
И призрак туманный смотрел из окна,
При блеске Луны в полутени.*

Генрих Гейне

В старой, маленькой часовне замка де Сюрмон царил вечерний полумрак и освежающая прохлада. На витражах, утопавших в надвигающихся сумерках, догорали последние алые искры заката. С высоких, стрельчатых окон смотрели на зрителей доблестный святой Георгий, увлеченный жаркой битвой со Змием, участники торжественной коронации

Карла Великого или кроткие, ликующие ангелы, встречающие на небесах чудесным образом вознесенную туда Марию... Было темно и тихо. В прохладном воздухе звонко отдавался каждый шорох. У алтаря плясали огоньки нескольких оплывших, догорающих свечей.

Бланш в задумчивости склонилась над умирающими язычками пламени. Ее стройная фигура, облаченная в строгое темно-синее платье, сливалась с окружающим туманным полумраком. И только бледное лицо и светлые волосы белым пятном выделялись в сгустившейся тьме. Она была в часовне совершенно одна. Но она не молилась. Она думала о Юсуфе, которого, после их удивительной ночной прогулки, она уже три дня не видела в замке. Это были сбивчивые и тревожные мысли. Что с ним произошло? Где он теперь? Бланш думала о нем каждую минуту. Но он... Приходила ли ему хотя бы однажды мимолетная мысль о ней?..

Вдруг позади нее раздались медленные, тяжелые шаги, гулко отдававшиеся под темными сводами пустой часовни. Бланш стремительно обернулась и невольно отпрянула назад. Это был Юсуф! Мрачный гений ее безумных грез внезапно вырос перед ней из крошечного мрака, подобно зловещему призраку. О, он и в самом деле походил на кошмарное видение! Угасающее, красноватое пламя свечей осветило его бескровное, желтоватое лицо, сверкающие лихорадочным огнем расширенные зрачки и пересохшие, потрескавшиеся губы. Он был небрит. Одежда была в беспорядке.

Пальцы его дрожали. Плечи безвольно согнулись. Все движения сарацина выдавали смертельную усталость и опустошенность.

Когда к испуганной девушке вернулся дар речи, первая же мысль невольно сорвалась с языка:

– Боже мой... что это? Юсуф, это вы?..

– Кажется, я, – прозвучал странный ответ.

– Почему вы так надолго исчезли после того ужасного праздника? Что опять случилось?

– Я был болен, – бесцветным голосом ответил он. – Я несколько дней пролежал в горячке и ничего не помню... Но все это не имеет значения. Я... я хочу рассказать тебе... Я хочу поговорить...

Он не смотрел на Бланш. Он говорил, как будто сам с собой. Но она видела, насколько он был взволнован и растерян.

– Вы все еще нездоровы. Я вижу, вы устали. Быть может, сядем в исповедальне, – несмело предложила она.

Но как только они оказались за темной решеткой и сели на холодную скамью, Юсуф медленно соскользнул к ее ногам и, низко опустив голову, замер в странной неподвижности. Она слышала его тяжелое, неровное дыхание. Ему как будто не хватало воздуха. Остановившимся взором он впился в лиловое, блестящее окно напротив, словно желал впитать все краски ускользающего от него мира. Одной рукой он судорожно уцепился за край скамьи, точно пытался найти опору на краю развершейся перед ним пропасти... Бланш

стало страшно. Но она не могла произнести ни слова.

– Все, что происходит со мной, это так ужасно! – с отчаянной искренностью произнес он. – Мой рассудок в тумане! Я уже ничего не понимаю... Кто знает... может быть, я умираю... Какой смысл говорить тебе об этом? Что это может изменить? Моя жизнь никому не нужна. Это вовсе неудивительно. Кто станет думать о жалких осколках того, что когда-то было человеком?.. Да и было ли? Или я всю жизнь был несчастным безумцем?

Бланш сделала протестующий жест и хотела что-то ответить, но он не позволил ей:

– Нет, нет, подожди. Я и так с трудом ловлю убегающие мысли. Я никогда не думал, что это возможно, но это вошло в мою жизнь... Я не верил в то, что это существует. Но эти бессонные ночи, эта жаркая лихорадка, эти жуткие видения, которые преследуют меня, принимая твой образ... разве не это люди называют любовью? Увы, я не знаю... Я не знаю, как любят. Я чувствую только, что я хотел бы остаться здесь, у твоих ног, до самой моей смерти. Мне не нужен завтрашний день, если в нем я не буду видеть тебя каждое мгновенье! Отныне ты живешь в моем существе. Ты стала частью меня. Я не могу избавиться от этой убийственной грезы. Ты знаешь, мне больно дышать без тебя! Мне нужен каждый твой взгляд и каждое твое движение. Моя жизнь больше не такая, какой она была раньше. Раньше весь мой пыл и все мои силы я отдавал моим витражам. Но теперь этого мне недостаточ-

но. Моя жизнь... Она такая одинокая и холодная! Есть ли на свете кто-то, кто захотел бы ее согреть?.. Знаешь, очень часто, когда я ложусь спать, я чувствую мучительную, ледяную тоску... Неужели кто-нибудь сможет утолить этот ужасный внутренний холод и черную пустоту? Но когда я думаю о тебе, мне кажется, что ты могла бы согреть мою умирающую душу... Мне так хочется держать во тьме твою руку. Я так жажду узнать тепло твоего тела! Скажи мне, если не это называют любовью, то что же тогда?! Я мечтаю рассказать тебе все. Я хочу, чтобы ты могла читать в моей душе и знать каждое ее движение... С каждым новым днем я хочу узнавать тебя больше и больше... О, так разве любовь это не то, что я чувствую?!

Бланш молчала. Но Юсуф не смотрел на нее. Увлеченный ужасным, неудержимым порывом откровенности, он продолжал:

– Я желал тебя. Я хотел поступить с тобой жестоко. Как могли родиться у меня такие ужасные мысли?! Разве могу я причинить тебе боль, разве могу разрушить твою жизнь? Как могу я быть с тобой грубым и жестоким, когда порез на твоем хрупком пальчике заставил бы мое сердце обливаться кровью?! О, ты так похожа на мои чарующие витражи! Если я сломаю тебя, то только смертельно израню осколками себя самого... О да! Я жестокий, ужасный, глубоко порочный человек. Мои записки поведали тебе о преступлениях, которые тяжким грузом лежат у меня на сердце. После смерти

моей обожаемой матери, которая была для меня всем, которая так сильно, так пламенно любила меня, я возненавидел весь мир. Но теперь... разве теперь могу я его ненавидеть? Ведь ты тоже часть этого холодного, жуткого мира...

Юсуф остановился. Несколько мгновений он ловил открытыми губами воздух. Потом снова заговорил все так же быстро и сбивчиво:

– Все то, что я говорю тебе, настоящее безумие! Знаю, знаю... Невероятная картина! Одинокий монах, суровый учитель приходит к бедной девушке, чтобы искушать и соблазнять ее чувственными речами... Боже мой, да еще и в церкви! Можно подумать, что это какая-то дикая шутка Всевышнего! Но поверь, мне не хочется смеяться... Я готов рыдать от отчаяния! Нет, я не отпущу тебя. Я останусь у твоих ног навечно. Аллах остановил для праведного Али солнце... Я верю, что ради нас с тобой может остановиться время!

Он резко отер пот со лба. Рука сарацина соскользнула со скамьи, и он наклонился еще ниже. Он производил впечатление человека, теряющего кровь по капле...

– На что я надеюсь? Кого хочу обмануть? Ты можешь пожалеть меня. В тебе много сочувствия ко всем живым существам... Но ты видишь во мне лишь отвратительного язычника! Ты не позволишь к себе прикоснуться! О, с тех пор, как я понял, что ты нужна мне, что моя жизнь без тебя лишена огня и света, я ненавижу свою темную кожу! Я хотел бы искромсать ее в мелкие, кровавые клочья! Потому что цвет

моего лица, цвет моих рук не дает мне приблизиться к тебе!

Юсуф с силой несколько раз ударил руками о каменный пол исповедальни. Когда приступ отчаяния прошел, он вздрогнул. На разбитых руках выступила кровь.

– Увы, в чем моя вина?! – с жестокой болью в голосе воскликнул он. – Только в том, что моя мать родилась под чужим, солнечным небом?! Если бы я мог это изменить! Быть может, тогда я бы стал к тебе хоть на шаг ближе... Но как могу я приблизиться к тебе? Между нами тысячи миров, которые мне не преодолеть вовеки!.. Проклятье! Я столько лет бежал от любви и теперь не могу вызвать ее в единственном существе, которое мне необходимо во всей вселенной! Остальные люди для меня больше не существуют. Мне нет дела до любви и ненависти целого мира! Мне нужно только твое сердце! Я хочу заполнить мою жизнь тобой одной и больше никем! Я не вынесу твоего отвращения! Я хочу получить твои ласки! Я хочу постоянно слышать твой голос! Но как юная, прекрасная девушка, в которой все дышит восторженностью и чистотой, сможет прикоснуться к мерзкому язычнику, уродливому сарацину? О христиане! Что же вы наделали?! Если бы все видели друг в друге только людей... как бы все стало просто! В моей груди такое же человеческое, страдающее сердце! Почему ему нельзя любить тебя?! Пусть это оскорбляет тысячу богов, но моя любовь не станет ни на каплю меньше! Неужели ты не веришь? Такое существо, как я, тоже может сгорать в костре своих страданий!

Пойми, я тоже человек! Под этой темной кожей струиться такая же красная кровь, как и у всех людей на земле... Разве ты не видишь? Она такая же теплая, как и у тебя... Или тебя пугают мои пороки и безумие? Увы, это горькая правда... Ты только вступила в жизнь. Ты белый, едва распустившийся цветок. А перед тобой умирающий человек, который разлагается и превращается в тлен с каждым новым мгновением... Тебя отвращает это внутреннее, медленное тление? О да, это так... Но пойми, даже полумертвое существо может еще страстно жаждать чего-то! Я никогда не чувствовал, как женщина ласкает меня с любовью... У меня никогда этого не было! Даже Сесиль чувствовала себя в моих объятиях всего лишь жертвой адского демона! Но я хочу поймать хоть единственный взгляд, полный любви и восхищения! На пороге черной бездны небытия, в которую я скоро погружусь, я горячо желаю испытать пламенные восторги страсти! О, я не хочу уходить без этого!.. Если бы только ты могла дать мне это безмерное счастье!.. Почему дивный, свежий цветок не может упасть на раскрашенную, полную праха, гробницу?! Почему теплый, чарующий луч солнца не может проникнуть в мрачное, сырое подземелье? Ты никогда не думала, отчего природа так яростно противится этому?.. О, перед тем, как мои глаза закроются навсегда, я хочу выпить тебя до дна, как путешественник, томимый жаждой в палящей пустыне! Всю, без остатка! Я хочу умереть у тебя на коленях, слыша твой обожаемый голос сквозь дымку последнего бреда...

Внезапно Юсуф услышал тихий шорох платья. Он поднял глаза. Скамья была пуста. Бешенство придало ему силы. Он резко поднялся с пола и бросился за ней.

Бланш бежала по двору, задыхаясь от ужаса. Она слышала у себя за спиной его быстрые шаги и леденела так, будто за ней действительно гнался дикий зверь, чтобы вцепиться ей в горло своими острыми клыками. Наконец она толкнула одну из дверей в замок и крепко заперла ее. Здесь она была в безопасности.

Через мгновение дверь сотряс чудовищный удар, и она услышала хриплый, разгневанный голос:

– Проклятая девчонка! Не поступай со мной так! Открой сейчас же! Ты думаешь, я не смогу опять тебя увидеть?! Как же ты ошибаешься! Я залью путь к тебе свежей, дымящейся кровью, неважно, своей или чужой, но доберусь до тебя!

Выкрикнув эту страшную угрозу, сарацин умолк. Волнение так обессилило его, что он упал на каменные ступени. Гнев скоро утих, и тогда он опять заговорил умоляюще и трогательно:

– Нет, нет, не слушай меня. Я не буду больше никому причинять боль. Умоляю тебя, открой. Я тебя не трону. Я клянусь тебе. Хочешь, я даже не подойду к тебе близко? Но не поступай со мной так жестоко! Я принес тебе мою измученную душу... Ответь мне, поговори со мной...

И тогда, словно легкий ветерок, словно далекое пение призрака, до него донесся быстрый, горячий шепот:

– О, Юсуф, Юсуф! Что вы наделали?! Не просите меня открыть эту дверь! Если я открою ее, то погибну в ту же минуту! И даже Господу со всеми его ангелами не под силу будет спасти меня! Ибо я люблю вас так сильно, так пламенно, так безмерно, так бесконечно, что моя грудь разрывается от этого огня! Во всем моем существе нет ничего, кроме любви к вам! Меня самой больше нет в этом мире! Есть только вы, мой бог и государь, мой великий Саладин! Я умираю и задыхаюсь под тяжестью этой огромной любви! Как вы можете просить, чтобы я вам отворила?!

Он услышал стремительно удаляющиеся шаги. И больше ни звука. Потрясенный и растерянный, Юсуф продолжал сидеть на холодных, залитых лунным светом, ступенях. Он не мог понять, были ли услышанные им невероятные слова зыбким сном, порождением лихорадочного бреда, жестокой игрой воспаленного воображения или удивительной, необъяснимой действительностью...

XXVI. Вместе

Секунду они стояли врозь, и как они потом сошлись, я не видела, – Кэтрин метнулась вперед, и он подхватил ее, и они сплелись в объятии, из которого моя госпожа, мне казалось, не выйдет живой.

Эмили Бронте «Грозовой Перевал»

Rudolf/Mary

Bleibt es doch so viel mehr...

Viel mehr...

So fassbar wie noch nie...

Weit mehr als nur Magie, die uns vereint,

Viel mehr als möglich scheint!

Mehr...

Viel mehr als bloß ein Wunsch...

Als wär's vom Himmel uns vorherbestimmt...

Mehr als der stärkste Wind,

Der stürmt und braust und um sich greift...

Er trägt von weit her so viel mehr...

Mary

Wenn es bloß Täuschung wär...

Rudolf/Mary

Und doch ist's scheinbar so viel mehr

So viel mehr. Rudolf

Рудольф/Мэри

Остается что-то намного сильнее...

Намного сильнее...

Такое понятное, как никогда раньше...

Намного больше, чем магия, которая нас соединила,

Намного больше, чем может казаться!

Больше...

Намного сильнее, чем просто желание...

Как будто мы предназначены друг другу небесами...

Сильнее, чем сильнейший ветер,

Который бушует и шумит, и свирепствует...

Он несет издалека сюда намного больше...

Мэри

Если бы это был просто обман...

Рудольф/Мэри

И все же, это явно намного больше...

«Намного больше». Мюзикл «Рудольф»

Она прервала его ужасным, резким смехом:

– Поглядите же, отец мой, у вас кровь под ногтями.

Виктор Гюго «Собор Парижской богоматери»

События минувшего вечера казались Юсуфу бессмысленным и диким сном. Несомненно, он окончательно сходит с ума. Он опять стал жертвой жестокого и пугающего ночью-

го видения. Те странные, пылкие слова, которые донеслись до его слуха, не могли быть произнесены наяву. Зато его ужасные ночные откровения были трагической реальностью. Обычно ночная тьма приподнимала ту тяжесть, которая лежала у него на сердце, придавала ему сил и делала его еще искреннее и безумнее. Именно в таком состоянии он излил Бланш свою душу, высказав все самое бредовое и невероятное, что только могло прийти ему в голову в ту решительную минуту. Но сейчас, при свете дня, все его поведение представлялось Юсуфу чудовищным и нелепым. Он снова обрел способность хоть немного владеть собой, и все фантастические ночные безумства оказались заперты в клетке здравого смысла. До следующих сумерек...

Входя в комнату для занятий, сарацин не имел ни малейшего представления, как он сможет взглянуть на Бланш без жгучего, тяжелого стыда.

Она пришла очень поздно, но он не сказал ей ни слова. Она ни разу не подняла на него глаз, ни разу ни заговорила с ним и села, как можно дальше от учителя. Юсуф, в свою очередь, не сделал ни одной попытки. Неужели она так боится его? Неужели он уничтожил последнюю тонкую нить, которая еще связывала их? Невыносимо было думать, что он стал еще дальше от нее, чем был в ночь ужасного праздника...

Когда урок был окончен, девушка хотела выйти вслед за своей сестрой, но учитель остановил ее жестом приподнятой руки.

– Подожди, – тихо сказал он. – Мне нужно знать... В часовне я сказал тебе много ужасных вещей. Не моя вина, что все это правда... Но иногда я бываю совершенно сумасшедшим. Должно быть, я стал жертвой нового пугающего видения... Но я слышал... я слышал слова... Это нелепая надежда... Но скажи мне, в то время, как я сидел на ступенях, ты говорила что-нибудь?

Бланш подняла на него глаза. Они были совершенно иными, чем раньше. Они казались глазами взрослой женщины. В их пугающей темной глубине таились тысячи страхов и искушений.

– О Юсуф, неужели вам мало? – в отчаянии воскликнула она обиженным, резким голосом. – Или вы хотите убить меня?! Зачем вы явились меня мучить?.. Все эти слова чистой правды, правдивее которой не было и никогда не будет ничего в мире! Даже если бы я от всей души этого захотела, то, что я чувствую, не смогло бы стать и на жалкую каплю меньше!

Он почувствовал, как от жестокого волнения кровь застучала в висках. На мгновение мир потерял последние остатки ничтожного смысла. Она продолжала стоять в дверях, прижимая руку к груди, чтобы унять бешено колотящееся сердце...

Потом Юсуф в неудержимом порыве вскочил с места и схватил хрупкое, тонкое создание с чудовищной силой. Он ласкал ее и сжимал в объятиях так, словно желал содрать эту

белую, чистую кожу, словно хотел сломать ее и уничтожить, прожечь до костей своим жаром и утолить вековую, ненасытную жажду... Он покрывал ее юное лицо пылкими, хищными поцелуями. Он перебирал дрожащими пальцами пряди ее светлых волос. Он хотел в едином миге отдать и получить все то, чего ждала его душа все долгие и бессмысленные прошедшие годы... Захваченная этим безумным вихрем, Бланш едва могла двигаться и отвечать на его ласки. Ей казалось, что ее жизнь сейчас закончится. Сила, во власти которой она оказалась, настолько превышала ее собственную, что любое ее движение было бы бесполезно. Из глубин мрачных клеток тоски и одиночества их истерические, болезненные чувства стремились друг к другу, чтобы смешаться в страстном, последнем порыве. Их безумные, чудовищные объятия напоминали скорее прощание перед казнью, чем трепетные ласки влюбленных... Казалось, будто им в самом деле предстоит умереть в следующее мгновение, и они жаждут сделать текущий миг бесконечным...

Наконец Бланш почувствовала, что у нее заломили кости, и ей не хватает воздуха. Она сделала слабую попытку отстраниться от Юсуфа. Он медленно разжал руки и выпустил ее. Его адская, страстная жажда была насыщена хотя бы на единый глоток.

Они сели на пол возле окна, озаренные бледным и зыбким утренним светом. Они не отрывали друг от друга жадных, пылающих взглядов. Все было невероятно, как пред-

рассветный сон, и ново, как нежная, первая листва... Слова, не способные выразить и тысячную долю того, что выражали взгляды и неровное дыхание, путались и тонули в сбивающем все на своем пути потоке чувства. Встречались руки, переплетались горячие, дрожащие пальцы. Мыслей не было. Все поглотила волна бесчисленных, невыразимых ощущений. Смешивались вздохи, смешивались страсти, смешивались души...

У них не было ничего, что обычно бывает у юных и прекрасных влюбленных. Они были всего лишь учителем и ученицей. Сарацином и христианкой. Отверженным безумцем и отравленной опасными мечтами девушкой. В их мире не было места радости и свету. Он был похож на склеп и состоял из кошмарных снов, ночных бодрствований и необъяснимых страхов. Болезнь, безумие и порок проступали на их лицах. На его лице пугающе явственно, на ее – пока едва заметно...

Но в этот неповторимый миг они, больные и безумные, обладали большим, чем может вместить вся Вселенная... Большим, чем то, что когда-либо чувствовали самые невинные и счастливые влюбленные. Большим, чем огонь звезд и бездна вечности. Те, для кого и в целом, огромном мире не могло найтись ничего им подобного, обладали сегодня сердца-ми друг друга...

С момента признания Юсуф и Бланш стали необходимы друг другу, как глоток прозрачной, холодной воды умирающему от жажды, как лекарство страдающему от боли. Их мучительная тоска и печаль проходили только в обществе друг друга. И они могли чувствовать себя счастливыми только находясь вместе. Это больше походило на болезнь и одержимость, чем на чистые любовные восторги. Символ навечно соединенных в аду влюбленных страдальцев Данте был для них самым верным обозначением.

Бланш желала стать к Юсуфу еще ближе. После уроков она просила его переводить ей тексты из Священного Корана. Она хотела проникнуться его верой, разделить его мысли, его мечты и грезы. Она слушала, впитывая в себя каждое слово. Иногда девушка задавала вопросы. Очень часто Юсуф их не понимал, и это пугало его.

Однажды она прервала его и спросила:

– Здесь сказано, что те, кто не уверовали, блуждают во тьме по воле Аллаха... Но почему он оставляет их погрязать в грехе и неведении? Бедные создания... В чем вина каждого, кто ничего не знает о Господе? Чем виноваты те, кто не уверовали? Почему же Аллах не наставит их на путь истинный прежде, чем наказывать?

Сарацин глубоко задумался.

– Увы, я не знаю ответа, – наконец искренне признался он.

Он не мог ей этого объяснить. Пророк тоже не мог этого объяснить. В Священной книге не было того, о чем спрашивала все лишь бедная, юная девочка...

Потом они играли в забавную игру. Он поворачивал ее руки ладонями вверх, показывая, как молятся мусульмане. Бланш набрасывала на голову какую-нибудь светлую ткань и садилась лицом к солнечным лучам, держа в руках Коран. Она говорила с улыбкой, что на свете еще никогда не было такой белой сарацинки, и Аллах будет очень удивлен, увидев ее... Он пытался заплетать ее волосы в косы и учил читать на арабском. Она просила его показать, как сидят люди на Востоке, и весело смеялась. Пробовала сама и смеялась еще громче.

Юсуфу и Бланш было мало часов и дней, которые они проводили вместе. Они хотели украсть у беспощадного времени еще и длинные, тоскливые ночи. Вечером сарацин сбегал из монастыря и в надвигающихся сумерках отправлялся к полуразрушенной ограде замка де Сюрмон. В одном месте стена обвалилась особенно сильно. Девушка взбиралась на нее и легко соскальзывала ему на руки.

Они отправлялись бесцельно бродить под звездным небом, по пустым и заброшенным окрестностям, похожие на двух неприкаянных, гонимых своими грехами призраков. Таинственный, бескрайний мир был наполнен неведомыми шорохами и странными, зыбкими тенями. За каждым пово-

ротом дороги Бланш чудились жуткие посланцы из потустороннего мира, возникающие из крошечной тьмы. Расширенными от ужаса глазами она всматривалась в каждый кривой куст, в каждый блик лунного света. И как только возбужденное воображение рисовало ей страшного выходца из чужих миров, она в испуге крепко прижималась к своему повелителю и господину. Но он ничего не боялся в ночи. Он сам был ее частью. Он привык к диким видениям и невольно слился с ними...

Как-то раз Юсуф захотел показать ей свои витражи. В час, когда все в монастыре спали крепким сном, они проскользнули в не затворенные сарацином ворота и тихо вошли в церковь, переполненную мертвым и волшебным лунным светом. Потрясенная Бланш сначала застыла в невольном восторге, а потом принялась скакать, как безумная, ловить руками синие снежинки света, бросаться от одного окна к другому. Она мгновенно узнала рисунки Юсуфа по нервной и страстной манере и надолго впала в оцепенение, рассматривая их. Когда она заговорила, хватая его за руки, и указывая то на одно, то на другое, он узнал в ее сбивчивых, восторженных речах много собственных мыслей. Но было в них и что-то новое, непонятное, загадочное...

Рассмотрев все его сверкающие витражи, Бланш сказала: – Знаете, почему жизнь на ваших картинах такая мрачная и печальная? Потому что в них была только ваша горькая тоска, но не было любви...

– Но ведь раньше у меня не было тебя, – мягко улыбнулся он.

Потом он отвел девушку в мастерскую и стал подробно объяснять, как изготавливаются цветные стекла. Она серьезно и сосредоточенно слушала и иногда задавала вопросы. Юсуф стал показывать ей недавно изготовленные фрагменты витражей. Увлеченная Бланш быстро схватила один из них и тут же громко вскрикнула от боли. По стеклу потекли тонкие струйки крови. Он стремительно схватил ее руку и припик к ней ртом, чтобы остановить кровь, пока не найдет, чем перевязать рану. Он проглотил несколько горячих, соленых капель прежде, чем наконец приложил к порезу кусок ткани.

– Проклятье! Надо быть осторожнее. Можно сильно порезаться!

– Ваши руки все изранены, – тихо отвечала она. – Почему же я не могу один раз вынести ту боль, которую вы испытываете так часто?

– Потому что ты невинное дитя, а не я!

– У вас кровь на губах, – сказала Бланш.

В другие дни они без усталости бродили по бескрайним полям. Юсуф разворачивал перед ней сияющие картины далекого Аль-Андалуса, а она тонула в сладостных и щемяще-тоскливых мечтах... В их устах мешались слова из Библии и Корана, прочитанные книги и события истекшего дня, фантастические мечты и серая реальность.

Во время одной из таких дивных прогулок они заметили

на горизонте бесформенные, истлевшие, черные развалины. На вопрос девушки, сарацин мрачно ответил, что перед ними Волчье Логово. Бланш пожелала войти внутрь.

Перед изумленным и испуганным взором девушки предстала ужасная картина запустения, разрушения и мертвящей пустоты. Стены замка наполовину обвалились, остатки мебели почти все сгнили от дождей и снегов и рассыпались в прах. Половина крыши едва держалась на истлевших, источенных временем перекладах. Сырые стены почернели и облупились. Старые, покосившиеся рамы хлопали и ужасно скрипели на ржавых петлях. Злой, холодный ветер врывается в открытые окна, принося с собой редкие, белые хлопья снега...

Так вот оно, это вожаденное и печальное место, из-за которого было разрушено столько жизней, и которое столько лет отравляет людей смертельной ненавистью! Жалкая гробница, полная холодного праха!

С мрачной грустью Юсуф обводил взглядом свое бывшее жилище, которое когда-то было наполнено радостью и светом, звоном браслетов и старыми легендами... Что осталось от призрачного рая его далекого детства?..

– Уйдем отсюда поскорей, – медленно и с усилием проговорил он. – Сюда могут забрести волки...

– Должно быть, воспоминания о прошлом причиняют вам сильную боль.., – с сочувствием отвечала Бланш, заботливо всматриваясь в его изменившееся лицо.

Он взял обеими руками ее голову, несколько раз пригла-
дил волосы надо лбом, провел пальцами по щекам, и ответил
с глубоким чувством в голосе:

– Когда я вижу тебя рядом с собой, когда слышу твое
дыхание, когда чувствую биение твоего трепещущего серд-
ца... больше ничего в этом жестоком мире не причиняет мне
боль...

XXVII. Граница

Не нарушай межи ближнего своего, которую положили предки в уделе своем, доставшемся тебе в земле, которую Господь бог твой дал тебе во владение.

Библия. Второзаконие. 19

Прошло несколько недель. Зима, с ее метелями и усыпанными инеем деревьями, с ее темными, холодными вечерами и печальными сумерками, со слабым огнем в очаге и скучными, долгими днями, наконец подошла к концу. Повсюду начал таять снег. По земле побежали журчащие, косые ручейки. Бездонное небо завораживало чарующей, нежной и чистой голубизной. Солнечные лучи стали ярче, ласковее и теплее. Деревья, сбросившие свой сверкающий снежный наряд, теперь стояли мокрые и голые. Их темные ветви прорезали ясную небесную лазурь. Весело и жизнерадостно защелкали маленькие птички, радуясь, что пережили холодную и суровую зиму... Хотя на оживающих деревьях только начали набухать пахучие почки, а до появления первой листвы было еще далеко, в воздухе стоял какой-то особый, нежный и вдохновляющий аромат весны, солнечных лучей и радости...

В один из таких прекрасных, погожих дней во дворе монастыря Сен-Реми собралась небольшая группа местных кре-

стьян. Ярко светило полуденное солнце, но лица людей были суровы и мрачны. Им не было никакого дела до всей этой весенней красоты. У них были свои серьезные и тяжкие заботы. После долгих зимних холодов крестьяне имели усталый и изможденный вид. Они были худы и кое-как одеты в старые, изношенные лохмотья. На лицах читалось невежество, суеверие и бесконечная усталость от горестей жизни...

Собравшись у монастырского крыльца, крестьяне терпеливо ждали аббата. Вскоре он показался на ступенях в сопровождении брата Ватье.

– Дети мои, – мягко обратился к ним отец Франсуа, – мне доложили, что вы хотите поговорить со мной. Какое дело привело вас сюда?

Толпа загудела, но в этом монотонном гуле нельзя было разобрать ни слова. Наконец вперед вышел старый, седой крестьянин и, низко поклонившись настоятелю, поведал хриплым, тихим голосом:

– Ваше преподобие, были мы в поле. Тут слышим лошади топчут где-то... Ясное дело, все мы, как один, перепугались. Не иначе, думаем, как какие-нибудь сеньоры опять затеялись биться! А нам-то что делать? Попадем под горячую руку, да и поминай, как звали... А все ж, нам стало любопытно, и мы издали решили поглядеть, что там делается... Смотрим, а это барон наехал в наши края! Прискакал он, значит, со своими людьми, слезли они с коней, и давай выдирать столб! Мы и решили, что непременно вам надо доло-

жить, а то как же...

Старик смутился, опустил голову и не закончил фразу.

– Постойте! – воскликнул отец Франсуа, на лице которого за время рассказа крестьянина живейшее беспокойство сменялось то удивлением, то возмущением. – Какой барон приехал в наши владения? Сеньор де Кистель? И о каком столбе вы говорите?

– Да, он, кому же еще быть... Так ведь столб... Ну тот, что на границе торчит...

– Пограничный столб, который отделяет владения монастыря от земель барона? – всплеснул руками настоятель.

– Верно, ваше преподобие. Он это и есть.

– Пресвятая дева! – воскликнул аббат, и брови его сурово сдвинулись, а глаза засверкали от гнева. – Что позволяет себе этот бессовестный человек! Какой дикий произвол и неслыханная дерзость! Я должен немедленно его остановить! Брат Ватье! Ватье, вы меня слышите?! – повысив голос, обратился он к монаху, который, сев на лестницу, сосредоточенно ковырялся палкой в трещинах на старых ступенях.

– Слышу. Разве у меня ушей нет? – недовольно пробурчал тот, не оставляя своего увлекательного занятия.

– Если братья будут спрашивать обо мне, вы расскажете им, по какому важному делу я отправился.

– Как прикажите, святой отец.

Через четверть часа задыхавшийся от быстрой ходьбы отец Франсуа оказался на месте странного происшествия.

Его глазам предстала невиданная картина. Сидя на старом, полусгнившем стволе поваленного дерева, барон де Кистель пил вино из походной фляжки и время от времени раздавал короткие и грубые приказания своим подчиненным. Сновавшие вокруг многочисленные вассалы с рвением и быстротой выполняли их. Двое из них яростно рубили вековой, раскидистый дуб, и удары топора зловещим, тяжелым эхом разносились по всей округе. Огромное дерево дрожало от сильных ударов, но все еще не поддавалось смерти... Рядом валялся вывороченный из земли, весь покрытый грязью, каменный старинный столб.

Бросившись вперед, и простирая к вассалам руку, аббат громким, разгневанным голосом воскликнул:

– Остановитесь, несчастные! Что вы творите? Как вы смели таким варварским образом вторгнуться в наши священные владения?!

– А, вот и чертов настоятель явился, – проговорил барон, медленно вставая со своего места. – Добро пожаловать! За каким дьяволом вас сюда принесло?

– Этот вопрос должен задать вам я! – с негодованием отвечал отец Франсуа. – Что вы делаете в наших землях?! Что за ужасную картину разрушения я здесь наблюдаю?!

– Не орите на меня! – угрожающе рявкнул барон де Кистель. – Не хватало еще, чтоб я выслушивал тут упреки какого-то жалкого попа... Я, благородный сеньор!

– Вы не благородный сеньор, мессир Годфруа! Вы хуже

самого последнего разбойника и язычника! Что вы здесь устроили? Разве достойные сеньоры ведут себя таким невероятным образом!

– Благородным сеньорам позволено все на свете! Не смейте меня учить!

– Это чудовищное беззаконие!

– Ну нет, разорви меня дьявол! – с глубоким убеждением отвечал барон де Кистель. – Все по обычаю. Мой паршивый капеллан сказал мне, что раньше граница наших с женой владений лежала ближе к вашему треклятому монастырю! Это поганые попы обманули деда Сесиль и отхватили себе жирный кусок! Но теперь я пришел восстановить справедливость, не будь я Годфруа де Кистель!

– Справедливость? – переспросил потрясенный отец Франсуа. – Как вы смеете говорить мне о справедливости?! Не произносите это высокое слово! В ваших устах и имя святого звучало бы, как богохульство! Вы пришли вершить произвол, а не восстанавливать поруганную справедливость! Кто защищает ее с топорами в руках, круша все подряд в чужих владениях?! Вся округа стонет от ваших диких преступлений, сеньор де Кистель! Если вас обошли в правах (чему я несколько не верю), то подайте прошение в суд, а не берите на себя обязанности судей, государей и самого Господа Бога!

В это мгновение раздался ужасающий треск. И не успел аббат отскочить в сторону, как огромное, раскидистое дерево с шумом повалилось на землю, шелестя ломающимися-

ся ветвями и утопая в сверкающем фонтане брызг, взметенном из холодных луж. С горечью и грустью посмотрел отец Франсуа на поверженного гиганта. Когда-то мощный, высокий, шелестящий густой зеленой кроной, несчастный дуб теперь беспомощно и одиноко лежал у ног людей...

– Что вы натворили? – тихо и печально произнес аббат, не отрывая взора от погибшего дерева. – Быть может, этот дуб видел еще времена Ренье Длинношеего¹³, а вы уничтожили его вековые сны в один страшный миг...

– Может прикажете мне разрыдаться над горой сухой дровесины? – издевательски осведомился барон.

– Сомневаюсь, что даже сам Господь сможет заставить вас плакать на Страшном суде, – сказал настоятель. – Не думайте, что я оставлю безнаказанными ваши ужасные бесчинства! Я обращусь к графу де Леруа, вашему сеньору... Если будет нужно, подам жалобу самому графу Эно или епископу Льежскому!

– Что мне до них! Можете жаловаться хоть самому французскому королю или римскому папе! Все они далеко. А здесь хозяин я и мой добрый меч! Эй, Жан, Анри, арестуйте его и отвезите с нами в замок! Там он живо заговорит по-другому!

Два храбрых воина грубо схватили старого аббата и, связав ему руки за спиной, посадили на лошадь.

¹³ Ренье Длинношейей – лотарингский правитель IX в., от которого пошли князья, правившие впоследствии в Геннегау и Брананте.

– В замок! – скомандовал барон, ловко вскакивая в седло. – Никто не посмеет противиться воле славного Годфруа де Кистеля! Будь то хоть сам дьявол в своем огненном пекле!

– Да покарает вас Всевышний, если люди настолько безумны и слепы, что оставляют безнаказанными ваши жестокие злодеяния! – в отчаянии воскликнул аббат, резким движением головы отбрасывая упавшие на лоб седые волосы, и задыхаясь от бешеной скачки. – А жизнь такого несчастного и беспомощного старика, как я, стоит гораздо меньше, чем жизнь погубленного вами векового дуба!..

XXVIII. Пленник

В ловушке осьминог.

Он видит сон – такой короткий! –

Под летнюю луну.

Басё

...но ты прощаешь меня, Ревекка?

*– Так искренне, как только может жертва простить
своему палачу.*

Вальтер Скотт «Айвенго»

*Он думает, что покинет тюрьму, потому что надеется
уйти из жизни.*

Виктор Гюго «Ган Исландец»

Солнце все еще стояло высоко, когда барон и аббат въехали во двор замка де Кистель в сопровождении шумной толпы вассалов и слуг мессира Годфруа. Настоятеля бесцеремонно стащили с лошади и, развязав ему руки, велели идти в замок. Он выполнил этот приказ в глубоком молчании и со спокойным достоинством.

Когда барон с пленником и несколькими вассалами вошли в просторные комнаты, им навстречу выбежал живой и красивый мальчик лет десяти. Он был одет богато, роскош-

но и с безупречным вкусом. На ребенке красовалось блестящее, искусно расшитое, белое с фиолетовым блио. На ногах были маленькие, аккуратные кожаные туфельки. Русые волосы с легким рыжеватым отливом были гладко причесаны. На смышленном и миловидном личике поблескивали умные и хитрые глаза.

– Ого, отец! – задорно воскликнул он. – Неужели вы захватили в походе пленника? А... это всего лишь жалкий поп, – разочарованно протянул мальчик, разглядев пыльную сутану отца Франсуа.

– Твоя мать снова нарядила тебя, как дурацкую куклу! – недовольно произнес барон де Кистель, подходя к сыну и беря его за плечи. – Ты похож на девчонку в этих чертовых тряпках.

– Нет, я настоящий рыцарь, клянусь честью! – засмеялся мальчик. – Как только вы научите меня владеть мечом, я вам это докажу! Тогда я одержу победу над всеми сеньорами в округе! А кто такой этот поп? Зачем вы его захватили?

– Этот проклятый аббат мой враг, и все тут! Не крутись под ногами. Ты мне мешаешь. Иди к своей матери.

– Враг? – не унимался ребенок. – Значит вы его убьете? Убивать монахов совсем не забавно, они ведь не могут защищаться... Но я бы все равно не отказался на это взглянуть!

– Дитя мое, надеюсь, этого не будет, – со вздохом произнес до сих пор хранивший молчание аббат. – Мне не верится, что вы злы и жестоки. Природа щедро одарила вас. В ва-

ших глазах сияют живые мысли. Но, к несчастью, вы попали в слишком дурное окружение, которое отравляет ваши детские радости и вашу нежную невинность...

Мальчик не успел ничего ответить настоятелю, так как из соседней комнаты послышался женский голос:

– Робер! Робер, сынок, где же ты? Куда опять от меня спрятался?

– Я здесь, мама, – мгновенно отозвался он, вприпрыжку скача к двери.

В залу вошла баронесса де Кистель в скромном и простом домашнем платье. Волосы ее не были собраны в косы и шелковистыми потоками рассыпались по плечам. На ее бледном лице совершенно не было красок, и от этого оно казалось чище, печальнее и красивее...

С нежной улыбкой Сесиль наклонилась к сыну, подставляя ему щеку для поцелуя. Потом обвела глазами залу. Как только она заметила своего мужа в окружении вооруженных вассалов, на ее лицо сразу же вернулось ледяное и замкнутое выражение. Когда же взгляд Сесиль упал на фигуру настоятеля, в глазах ее промелькнуло мимолетное удивление и неприязнь.

– Что это значит? – воскликнула она, стремительно направляясь к барону. – К чему здесь этот человек?

– Я захватил его в плен, – с самодовольным видом пояснил сеньор де Кистель.

– В плен?! Вы с ума сошли?! Чего вы добиваетесь? Он

аббат монастыря. Он священник. Вас обвинят в произволе и нарушении закона!

– Еще не хватало, чтобы я спрашивал совета у баб! Идите вон! Я не разрешал вам вмешиваться в мои дела! – вспылил барон.

– Вы забываете, что это и мои дела тоже. Вы все испортили, Годфруа!

– Баронесса, – обратился отец Франсуа к мадам де Кистель, – прошу вас, уговорите вашего супруга отказаться от его безумной затеи и отпустить меня обратно в обитель. Его поведение не принесет никому из нас ничего хорошего.

Сесиль медленно подошла к аббату и, пристально взглянув на него, отвечала:

– Не воображайте, что я стараюсь ради вас. У меня нет для этого никаких причин. Напротив. Под вашим покровительством находится проклятый Жозеф. Вы тоже мешаете мне получить Волчье Логово! Мне было бы только на руку, если бы с вами случилось что-нибудь дурное...

Отец Франсуа грустно вздохнул и опустил голову. Потом снова поднял глаза и искренне ответил:

– Да простит вас Бог, бедная Сесиль. В вашем несчастном сердце много ненависти и злобы. Но в нем также и много боли. Быть может, когда-нибудь одно уравновесит другое в глазах Всевышнего...

– Робер, пойдем отсюда! – раздраженно воскликнула Сесиль. И, схватив мальчика за руку, она быстро покинула ком-

нату.

– Я же предупреждал, что вам не на что надеяться, – торжественно произнес барон. – Здесь вам придется стать покладистым и выполнять все мои приказы и желания.

– В таком случае, спешу сообщить вам, сеньор де Кистель, что и вам надеяться не на что, – холодно ответил аббат. – Я не подчинюсь вашему жестокому произволу!

– Мне это надоело, черт меня подери! – рявкнул мессир Годфруа. – Бросьте этого капризного старика в подземелье! И не давайте ни хлеба, ни воды, пока он не перестанет ломаться, как шлюха!

Грубые руки схватили аббата, протащили по темным коридорам и бешено швырнули на сырой и холодный пол замковой темницы. Позади него с грохотом и скрипом захлопнулись тяжелые ржавые решетки, и он остался один. Без еды и питья. Без единого огонька. В холоде и кромешной тьме.

Несколько минут отец Франсуа пролежал неподвижно, измученный и оглушенный падением. Потом, немного очнувшись, приподнялся и огляделся кругом. Но он ничего не увидел. В подземелье царил непроницаемый мрак. Тогда аббат медленно отполз в угол, и сел там, прислонившись спиной к стене. Он провел руками по лицу и попытался собраться с мыслями.

Его положение было очень опасным. Но и чудовищно нелепым. Барон де Кистель обошелся с ним, как дикарь и варвар. Все его недопустимое поведение было чистейшим

беззаконием и своеволием. И все же, он был знатным сеньором. Пойти против его воли будет непросто...

Барон могуществен и богат. У него на службе множество вооруженных людей. У него есть острые мечи и тяжелые топоры. На его стороне сила и превосходство. А у него? Что есть у него, несчастного и оскорбленного, беспомощного узника?.. Его жалкая сутана? В этом замке у него нет ни друзей, ни спасителей... Он чудовищно одинок и беззащитен. Что может он противопоставить всем этим железным решеткам, острым мечам и жестоким побоям?.. Он был спокойным, мягким и мирным человеком. Страдания и боль пугали его.

И все же, несмотря на страх и глубокое отчаяние, отец Франсуа чувствовал, что уступить он не сможет. Он не мог потакать чудовищному произволу барона. Он не мог предать Жозефа. Он не мог уступить властному сеньору земли, по праву принадлежащие святой обители.

Его мало заботили эти земли сами по себе. Ему никогда не было никакого дела до выгоды или богатых владений. Он даже не верил в то, что церковные земли принадлежат Господу. К чему милосердному Богу эта жалкая, земная доля, когда ему принадлежит весь мир?.. Это имущество не имело для аббата никакого значения. Но как он мог допустить творимые бароном, жестокие бесчинства? И разве в этом горьком мире, полном насилия и крови, он не должен стать тем, кто остановит волну жестокости и своеволия? Да, он всего

лишь жалкая пылинка в руках Всевышнего. Но ведь великий и порочный Рим обрушился от одного страдающего взгляда горстки первых мучеников! Ведь и мягкая волна за века источает твердый камень. Ведь и высокие горы рассыпаются в прах по единой песчинке... Есть нечто, что тверже железа, выше бегущих по небу облаков, сильнее чудовищной бури. Это сила духа. Она невидима. Она легка, как дуновение летнего ветерка. Но ее невозможно ни отнять, ни подчинить, ни убить...

И такая сила существовала под этой запыленной, изорванной сутаной. В этом старом, отзывчивом сердце.

Отец Франсуа был терпелив и сострадателен. Он никогда никого не ненавидел. Он был готов защитить несчастного и обездоленного. Но он не привык склонять голову перед теми, у кого есть власть и сила. Он никогда не преследовал еретиков, не заботился о чистоте веры, не добивался чьей-то смерти. Ему не важны были мертвые буквы. Важны были лишь добрые дела и открытое сердце... Он готов был простить грешника, пожалеть блудницу, протянуть руку нищему... В нем не было ничего ангельского. Ему не чужды были человеческие грехи и слабости. Он не хотел сделать всех вокруг праведниками. Хотел лишь, чтобы в мире стало немного меньше зла и смертей, а люди стали немного добрее и лучше...

Отец Франсуа глубоко вздохнул и обхватил плечи руками. Он страдал от холода и жажды. У него болело сердце, и он

чувствовал чудовищную слабость. Но изменить свое решение он не захотел ни на единое мгновение!

Ему казалось, что он впал в тяжелый полусон. И сквозь эту прозрачную дымку грез являлась ему женщина в белом покрывале, с нежной улыбкой и сверкающими глазами. Мучительно близкая и страшно далекая. Единственная. Светлая, как солнечный луч. Чистая, как первый снег...

Зыбкие видения аббата были рассеяны стуком распахнувшейся двери. В щель пробился слабый отблеск света, прорезавший тьму, и отец Франсуа невольно зажмурился.

В подземелье появился барон де Кистель. В одной руке он держал перо с чернильницей и какие-то бумаги, в другой – свечу, неверный свет которой озарял его высокую, крепкую фигуру.

– Ну что, вы передумали? Будете вести себя, как следует? – примирительно обратился он к узнику.

– Вы полагаете, мессир Годфруа, что я мог изменить свое решение за какой-то жалкий час? – устало спросил аббат, поднимаясь с пола.

– Прекратите ломать комедию! Мой паршивый капеллан составил какие-то путанные бумажки... по ним Волчье Логово приносится в дар моей жене вашим монастырем... а граница моих владений устанавливается там, где она была раньше. Подпишите их, и я сейчас же вас отпущу.

– Я ничего не подпишу, – с гордым достоинством ответил отец Франсуа.

– Какого дьявола! – взревел барон, изо всех сил швырнув бумаги и чернила об пол и в бешенстве выхватывая меч. – Подписывай, скотина, или я убью тебя на месте!

И он, задыхаясь от гнева, приставил острие своего меча к груди пленника.

Отец Франсуа отшатнулся. Тени мрачного ужаса заплясали в его расширенных зрачках. Он знал, барон исполнит свою угрозу. Но через мгновение он подумал о Жозефе. И подумал обо всех, кто умел сохранять твердость и веру под остриями солдатских мечей и среди клыков диких, кровавых зверей... Его лицо осветилось порывом невиданной решимости и смелости, и шагнув вперед, он с безрассудной искренностью крикнул прямо в лицо своему преследователю:

– Убейте меня, сеньор де Кистель! Убейте, я ничего не подпишу! Я знаю, даже молящие взгляды женщин и детей не останавливали вашу жестокую руку! Остановит ли взор несчастного старика?! Напрасная надежда! В вас нет ни капли жалости! Если бы только моя кровь могла остановить вашу чудовищную и дикуую силу, я бы умер с радостью! Но, увы, это пустые мечты! И все же, пусть лучше ваша ярость будет утолена моей кровью, чем отберет жизнь у другого живого существа! Сделайте благородное дело! Убейте меня! Я болен и стар, моя жизнь немногого стоит! Так пусть же она выкупит у вашей слепой злобы другие жизни! Наносите удар! Иисус, прими мою грешную душу в свои объятия!

Он стоял перед самым острием меча, гордо выпрямившись и широко раскинув руки. Рукава его сутаны колыхались от неведомого ветра. В глазах старика сверкал невиданный огонь потрясающей храбрости и высокого сознания приносимой жертвы...

Барон де Кистель смотрел на него в растерянности и недоумении. Под своим занесенным мечом ему доводилось видеть самые разные лица. Одни были перекошены страхом, другие – яростью и ненавистью. Но такого... такого он еще не видел никогда! Перед ним стоял безоружный человек, и в глазах его не было ни ужаса, ни ненависти... А было что-то, чего барон вовек не смог бы постигнуть...

Он опустил меч.

– Что это на вас нашло, будьте вы прокляты.., – пробормотал он. – А, я понял! Вы хотите, чтобы я быстро избавил вас от мучений. Но нет, этого не будет! Раз вы отказываетесь подписать, то вы сгниете в этом поганом подземелье! Или умрете от жажды и голода в страшных муках!

С этими словами разъяренный сеньор де Кистель вышел из подземелья и громко захлопнул тяжелую дверь. Раздался скрип ключа в замке. И в эту минуту до барона донеслись дышащие вдохновенной решимостью и упорством слова узника:

– Будут мои мучения длиться один миг или десять дней, вы никогда не услышите от меня другого ответа! Ваши решетки, мессир Годфруа, так же бессильны, как и вы сами!

XXIX. Сесиль

Говорит из дам одна:

«Королева все грустна?»

Отвечает королева:

«Да, мне грустно, Женевьева,

И душа моя смутна».

Виктор Гюго «Турнир короля Иоанна»

*Willst du mich belehren,
dann zwingst du mich bloß,
zu fliehn vor der lästigen Pflicht.
Willst du mich bekeren,
dann reiße ich mich loss,
und fliegr' wie ein Vogel ins licht.*

Ich gehör nur mir. Elisabeth

*Если ты захочешь меня учить,
я убегу от тяжкого долга.*

*Если ты захочешь меня наставлять,
тогда я вырвусь из пут и полечу,
как птица, к свету.*

«Я принадлежу только себе». Мюзикл «Элизабет»

– Мама, но ведь вы же позволите мне взглянуть, как вздернут чертова попа? – не отставал мальчик от матери, дергая ее за платье.

На пороге своей комнаты баронесса наконец взглянула на него и укоризненно спросила:

– Милый Робер, зачем тебе это нужно? Это нехорошо.

– Нет, вы ничего не понимаете, это весело, черт меня подери!

– Перестань повторять отвратительные ругательства и проклятия, смысла которых ты даже не понимаешь, – нахмурилась Сесиль. – Твой отец учит тебя дурным и вульгарным манерам! И это очень печалит меня...

– Не печальтесь, матушка. Я стану безупречным рыцарем и самым смелым воином на свете! Я завоюю для вас три огромных королевства! И буду драться с каждым, кто усомниться в вашем благородстве и красоте! Вот увидите... Можно мне пойти во двор поиграть? Капеллан уже закончил морочить мне голову своей грамотой.

– Иди, сынок, – отвечала баронесса с мягкой и доброй улыбкой. – Только не забудь вернуться вовремя к вечерней молитве и к ужину.

– Приказ Прекрасной дамы будет исполнен, – расхохотался Робер, легко спускаясь по ступенькам.

Сесиль медленно вошла в свою спальню и села у окна, чтобы сверху любоваться грацией и наивными играми своего любимого сына. Из открытого окна ей в лицо веяло свежим

весенним ветром, который нежно целовал ее бледные щеки и тихонько играл с ее рыжими, длинными волосами. Внизу, во дворе, задорно скакал и махал деревянным мечом Робер. За синей, манящей далью, убегавшей за горизонт, пристальный взор Сесиль угадывал смутные очертания старого, разрушенного замка, который властвовал жизнями всех окружающих людей...

Рядом с ней на кресле валялось неоконченное вышивание с искусным цветным узором. На столе лежал недочитанный рыцарский роман, повествовавший о невероятных обетах и приключениях и фальшивых, приукрашенных чувствах. Свежий ветерок капризно и игриво перелистывал тонкие листы...

Но Сесиль не хотелось браться ни за чтение, ни за вышивание. Ее скучающий и грустный взгляд равнодушно скользил по всем этим привычным предметам, обещавшим жалкие и давным-давно потерявшие свое очарование развлечения. Живые и радостные искорки вспыхивали в зрачках баронессы только, когда она смотрела на играющего во дворе сына.

Посреди тоски и пустоты ее жизни Робер был единственным лучом света, единственной надеждой, единственным смыслом ее безрадостного существования. Сесиль казалось, что, если бы не очаровательный смех и не живой взор ее милого мальчика, она давно бы уже потеряла желание ходить и двигаться. И так бы и сидела целыми часами в своем кресле

у окна, бесцельно созерцая мрачные развалины ее далекого прошлого...

Но Робер каждый день наполнял ее жизнь все новыми и новыми заботами и тревогами. Это ради него одного Сесиль отчаянно цеплялась за старые земли и жаждала получить в свое распоряжение Волчье Логово. Никто не посмеет обойти в правах ее любимое и драгоценное дитя!

Но в каком окружении жил ее бедный мальчик! Какой дурной пример ежедневно подавал ему родной отец и свита его вечно пьяных вассалов! Сесиль питала глубокое отвращение и презрение к барону де Кистелю. Она вышла за него замуж лишь потому, что надеялась: он поможет ей вернуть утраченные владения. Но сам барон представлялся ей грубым и вульгарным животным. Ее бросало в дрожь от одного звука его голоса, от его уродливых прикосновений... Вся ее жизнь с мужем была непрерывной адской пыткой, конца которой Сесиль не видела...

Она всей душой ненавидела мужчин. Ненавидела их громкий смех, их грубость, их горячее дыхание... Они были для Сесиль отталкивающими и ненужными существами. Но это был их мир. Мир, выстроенный на остриях мечей, на камнях замков и темной мужской силе. Мир воинов и хищников. В нем невозможно было выжить одинокой и беззащитной женщине. Она не могла добиться торжества справедливости и своей победы, оставшись чистой от их удушливых объятий. Но почему ее жизнь, ее тело, ее бессмертная душа должны

были принадлежать кому-то?! Она жаждала всего лишь свободы и тихих радостей вдали от мира бешеных страстей и жарких желаний...

Существовал ли на свете мужчина, который мог бы дать неприкаянной душе Сесиль подлинное счастье? Мог ли кто-нибудь отогреть ее заледеневшее сердце, подарив ей радость жизни и нежные, хрустальные мгновения любви? Она не знала этого. Едва ли это знали даже сами ангелы в небе...

Сесиль питала горячую привязанность лишь к тем мужчинам, которые приходились ей родственниками. В юности она больше всех на свете любила своего брата. Такого изящного, легкого, блестящего, неподражаемого... Такого непохожего на всех окружавших ее неистовых зверей... Глядя из окна на ребяческие забавы сына, она вспоминала чудесные, упоительные часы, проведенные с братом... Вспоминала их веселые игры и жаркие ссоры, их длинные беседы и вечерние прогулки под сенью дворовых, раскидистых деревьев...

Сесиль страстно жаждала, чтобы ее сын вырос похожим на брата: образованным и вежливым, манерным и тонким... Но она с горечью подмечала, как сквозь его детскую непосредственность и очарование, уже начинают пробиваться не только ее гордость и живой ум, но и дерзость, необузданность и вульгарность его отца... Однако, Сесиль все еще надеялась, что ее качества в конце концов возьмут верх...

Все ее стремления и мысли замыкались на образе сына. Так у иных женщин все их существо поглощает огромное и

нездоровое чувство к возлюбленному...

Прошлое Сесиль представляло собой остывшие, обугленные руины, оставшиеся после пожара жестокой семейной вражды. Но она не могла забыть это прошлое. Она не могла простить Жозефу, что он разрушил ее счастливую, беззаботную жизнь. Да, ее семья первой начала жестокое кровопролитие. Но ведь отец и брат только хотели восстановить справедливость!

Сесиль не могла спокойно спать, пока проклятое Волчье Логово не будет возвращено ей. И пока Робер не будет владеть им по праву. Быть может, это успокоит наконец всех черных, чудовищных духов прошлого?..

А потом... Что будет потом? Она была так поглощена своим упорным стремлением, что никогда не задумывалась об этом. А потом снова будут отвратительные ласки барона. Раскрытая книга. Брошенное рукоделие. Прохладный ветерок в окно. И чудовищная пустота...

Но в глубине своей опустошенной души она хотела совсем другого. Она хотела, чтобы рухнули стены этого черного, душного замка. Она хотела убежать из мира, в котором у нее, несчастной женщины, нет ни голоса, ни чувства собственного достоинства, ни своей воли. Из мира, где люди должны принадлежать друг другу. И броситься за манящую линию горизонта. Туда, где нет ни стен, ни скучных обещаний, ни тяжелых, связывающих легкие крылья, страстей...

XXX. У графа

Разве можно было двинуть эти массы чем-нибудь, кроме огромного рычага? Если этот рычаг в своем падении раздавил несколько ничтожных, бесполезных существ, – разве я виноват перед Тобою? Люди сочтут меня злым, но сочтешь ли ты, Верховный Судья? Нет, ты знаешь, что, обладая беспредельной властью, человеческое существо становится виновным перед себе подобными...

А. де Виньи «Сен-Мар»

Он не признает вечными те договоры, что были заключены вами, когда вы устраивали вашу жизнь; он считает даже, что в своем безумном ослеплении вы не видите подлинной жизни, и что та чопорная важность, с которой вы мните управлять царством, которое всегда для вас за семью замками, поистине смехотворна, – и все это называете вы озлоблением.

Э. Т. А. Гофман «Житейские воззрения кота Мурра»

Этот проступок тем глубже вонзается в мое сердце, чем старательнее я прячу нож от людей.

Ф. Шиллер «Коварство и любовь»

– Да, тогда я все постигаю до конца, – продолжала она,

*возвысив голос, с пламенем во взоре, – но вокруг меня все
остается холодно и мертво. И когда мне рукоплещут за
трудную руладу или искусный прием, мое пылающее сердце
сжимают ледяные руки!*

Э. Т. А. Гофман «Дон Жуан»

*Не в высшем ли начертано законе,
Что слава, власть – предмет вражды людской –
Не стоят нашей яростной погони,
Что там, за гробом, счастье и покой.*

Дж. Г. Байрон «Паломничество Чайльд-Гарольда»

Wie kann es möglich sein, gerechter Gott?

Ich dachte was uns weite –bringt,

sind Einsicht und Kritik.

Wie kann es sein

dass die Vernunft, die diese Welt erhellen soll,

besiegt wird

vom Zauber der Musik?

«Wie kann es möglich sein?» Mozart!

Как это может быть, справедливый Боже?

Я думал, что нам помогут критика и понимание.

Как может быть, что разум,

который должен освещать этот мир,

побежден чарами музыки?

«Как это может быть?» Мюзикл «Моцарт»

*У тебя есть все: своя империя, слава. А теперь еще и дом.
Но сегодня нет никого беднее тебя.*

Индийский фильм «Замужняя женщина»

В монастыре Сен-Реми были очень обеспокоены внезапным исчезновением настоятеля. Вернувшиеся с поля крестьяне рассказали братьям о странном похищении аббата бароном де Кистелем. Встревоженные монахи собрались в просторном и прохладном зале капитула, чтобы обсудить загадочное происшествие. Капюшоны были сброшены, губы сурово сжаты. В глазах светились самые разнообразные противоречивые страсти. Синеватые витражи бросали темные, траурные отсветы на бледные лица.

Последним вошел брат Жозеф. Он только что вернулся из мастерской, где работал весь день, и его широкие рукава все были залиты свежей, цветной краской.

– Что случилось? – бросил он, подходя к столу. – По какому случаю объявлено собрание? Вы оторвали меня от важных дел...

– Представьте себе, на свете бывают дела поважнее ваших драгоценных стекляшек, – язвительно ответил брат Колен.

– А где отец Франсуа? – спросил Жозеф, оглядываясь по сторонам и пропустив мимо ушей замечание Колена.

– В замке барона де Кистеля, – холодно и спокойно про-

изнес Ульфар.

– Где?! – воскликнул потрясенный сарацин. – Но что он там делает?.. Я ничего не понимаю! Объясните мне наконец, что произошло?

– Для этого мы и собрались здесь, – пояснил брат Колен. – Барон де Кистель нарушил границы наших священных земель. Аббат хотел ему воспрепятствовать, но барон захватил его в плен.

– Захватил его в плен?! – задыхаясь от возмущения, крикнул брат Жозеф. – Да как этот безграмотный варвар посмел до него дотронуться?! Что за чудовищные беззакония позволяет себе этот проклятый дикарь?! Если хоть одна капля крови отца Франсуа упадет на землю, я убью его без единого угрызения совести!

– Господь запрещает убивать, – монотонным голосом проговорил брат Ульфар, не глядя на Жозефа.

– Подождите, Жозеф, не сходите с ума, – остановил его Колен. – Ваш неистовый пыл тут ни к чему. Грубую силу не победить ее же оружием. Барон де Кистель – могущественный сеньор. Мы бессильны против него. Отец Франсуа сам совершил непростительную ошибку. Он пошел к барону один. И теперь наказан за свою неуместную и глупую храбрость.

– А что мне делать с воротами? – неожиданно вмешался брат Ватье. – Настоятель не вернется сегодня, это уже мне известно. И когда закрывать ворота? Не оставлять же их от-

крытыми до утра...

– О чем вы говорите? Сейчас не до этого, – отмахнулся брат Колен. – Надо решить, что нам теперь делать.

– Нужно молиться Всевышнему. На него вся надежда, – уверенно отвечал Ульфар, не переставая меланхолично перебирать деревянные четки, висевшие у него на поясе.

– Значит вы предлагаете сидеть, сложа руки?! – вспылил сарацин. – Отцу Франсуа грозит смертельная опасность! Быть может, он сейчас за решетками... Он во власти этого кровожадного зверя, а вы говорите мне о молитвах?!

– Остыньте, Жозеф, – строго произнес Колен, беря его за рукав. – А что мы можем сделать? Мы бедные братья. У нас нет могущественных защитников. Никто не поможет нам в нашей беде. Соппротивление бесполезно. Ульфар прав: остается ждать и надеяться на милосердие Господа нашего...

– Ждать?! Чего мы должны ждать?! Когда нам привезут его изуродованный труп?!

– Что за безумный бред вы выдумываете? – презрительно усмехнулся брат Колен. – Это опять ваше больное воображение играет с вами злые шутки...

– Так что с воротами? – снова начал Ватье. – Раньше настоятель приказывал мне их закрывать, а теперь и не знаю, как быть...

– Дались вам эти чертовы ворота! – в бешенстве крикнул Жозеф. – Чтоб дьявол затолкал их вам в глотку! Мы ведем речь о жизни человека, а вы лезете со своими нелепыми за-

ботами!

– Да уж, нелепые заботы, нечего сказать, – тихо проворчал брат Ватье. – Только, если настоятель вернется, я расскажу ему всю правду. Я уж расскажу по чьей вине ворота простояли всю ночь открытыми... Можете быть уверены, я это сделаю...

– Нужно отслужить вечерню и расходиться по кельям, – решил Колен. – Мы не можем ничего сделать для аббата.

– Ну уж нет, – процедил сквозь зубы Жозеф, резко повернувшись к нему, как хищник, почуявший добычу. – Если у вас вместо сердец холодные камни, то в моем еще бьется человеческая кровь. Я не оставлю отца Франсуа в когтях злобного волка! У меня есть чувства и есть благодарность.

– Что вы задумали? – встревожился брат Колен. – Я никуда вас не отпущу! Не хватало нам еще одного скандального приключения!

– Я не нуждаюсь в вашем разрешении! – дерзко бросил сарацин прямо ему в лицо. – Вы говорите, у нас нет защитника? Так вот, он есть. Я пойду к графу Леруа и буду просить помощи у него. Он благосклонен ко мне, и не откажет в такой малости. Правда, не в моем характере унижаться перед сеньорами, но ради спасения дорогого мне человека я готов на все! И если грубая сила не может мне помочь, пусть помогут унижительные просьбы!

Произнеся эти резкие слова, он быстро направился к выходу, не слушая сбивчивых возражений Колена и ни разу не

обернувшись.

* * *

Монсеньор Гильом де Леруа устало сидел в кресле, в мрачной и холодной зале с наглухо закрытыми окнами. Он чувствовал себя больным и разбитым. Его мучили жар и жажда. Бессильно опущенные плечи благородного сеньора покрывал теплый плащ, отделанный дорогим мехом. Красноватые отблески догоравшего очага отражались в его лихорадочно блестящих зрачках. Склонившись на сторону, граф сам медленно мешал пылающие, жаркие угли. На тонкую, узорную решетку фонтаном падали алые и светлые искры, а он следил за ними печальным, зачарованным взглядом... Серые пылинки пепла ткали причудливые узоры на остывающих, обугленных дровах. Красные, умирающие отсветы пламени плясали на каменном полу, мешаясь с дрожащими ночными тенями...

Перед сеньором де Леруа в почтительной и вежливой позе замер его сын, готовый внять первому слову своего отца и господина.

– Итак, вы хотите отправиться ко двору графа Эно, – медленно произнес граф, продолжая лениво ворочать угли в угасающем очаге и даже не предлагая сыну присесть в кресло напротив.

– Да, монсеньор. Если вы позволите. В наших владениях

очень скучно.

– Скучно? Вы удивляете меня, сын мой, – сдержанно, но холодно проговорил сеньор де Леруа. – Кого должны заботить ваши неустойчивые настроения? Или вы забыли, кем вы являетесь, дорогой мой Тьерри? Вы наследник знатного и великого рода.

– Я всегда помню об этом, – отвечал юноша, опуская голову.

– А я начинаю в этом сомневаться, – строго, но без тени гнева возразил граф. – О чем вы мне говорите? О минутной скуке? Вы не юная девица, чтобы страдать из-за такого пустяка. Вы должны думать о другом, и тогда у вас не останется времени, чтобы предаваться пустой тоске... Куда вы собрались? В Валансьенн? Что ж, отлично. Я вовсе не против, чтобы наследник нашего прекрасного графства имел безупречные манеры. Но поверьте мне, Тьерри, манеры – это далеко не главное для государя. К тому же, вы нужны мне здесь. У меня в отношении вас серьезные планы...

– Если вы пожелаете, монсеньор, я останусь, – со вздохом произнес молодой человек.

– Разумеется, вы останетесь. О поездке не может быть и речи. Вы подчинитесь приказу вашего отца и государя.

– О, если бы вы были для меня в первую очередь отцом, а не государем! – воскликнул Тьерри, и в его глазах вспыхнула слабая искорка жизни. – Вы бы поняли, как невыносима эта деревенская скука!

– Мне не нравится ваш образ мыслей, – прервал его отец. – И мне не нравится этот пыл, который все еще вспыхивает в ваших глазах...

– Отец, если бы вы были молоды и меньше думали о нашем графстве, вы бы поняли мои чувства!

Брови графа де Леруа сурово сдвинулись, и он ответил ледяным тоном:

– Не говорите мне о чувствах. Государи не должны о них думать. Взгляните на мир вокруг. Сколько безумных поступков было совершено по вине страстей и чувственного ослепления. Сколько было развязано кровавых распрей, сколько совершено супружеских измен! Сколько королевств разрушилось из-за безрассудных поступков их государей! Умейте владеть собой, сын мой. Гнев, зависть, любовь – вот причины войн, отчаяния и чудовищных падений. Сеньор должен быть всегда уравновешенным и здравомыслящим. Это принесет счастье его подданным и желанный покой ему самому... Опирайтесь всегда лишь на ваш рассудок и навсегда заглушите в вашем сердце вопли страстей. И тогда вы сможете стать настоящим великим правителем. Быть может, подданные упрекнут вас в недостатке милосердия. Зато ваша бессмертная слава будет греметь в веках!

– Монсеньор, – несмело начал Тьерри, – хронисты говорят, что идеальный государь должен быть щедр и великодушен, храбр и благочестив...

– Старые хронисты – несносные болтуны, – отвечал мес-

сир Гильом, презрительно пожав плечами. – Кому нужна безумная щедрость? Глупые сеньоры проматывают целые состояния, украшая свои варварские турниры бесчисленными флажками и плюмажами. Да, ваш двор должен блистать роскошью и красотой. Двор – это лицо государя. И оно должно быть ослепительным, как солнце! Но ни к чему усыпать свои ступени жемчугом или засеять поле золотыми монетами. Великодушие? Что это? Красивый, но пустой звук. Будьте справедливым, если это возможно. Но если справедливость идет в ущерб вашему делу, ей можно и пренебречь. Храбрость? Это то же самое, что безумие. Безрассудная храбрость ведет к бесчисленным войнам и разрушениям. Она лишает королевства их правителей. Она толкает на великолепные, но бессмысленные подвиги. Те, кто пытались освободить Гроб Господень из рук неверных, были всего лишь горсткой жалких сумасшедших... Война разрушает. Но ваше дело созидание. Поэтому избегайте войны. Не ищите чужих владений – ревностно храните собственное.

– А если у меня возникнет сложный спор? Как же решить его, кроме как с оружием в руках?

– К чему вам звон оружия, сын мой? – мягко спросил граф. – Вложите в ножны свой острый меч и забудьте о нем. У вас есть советники, у вас есть ваш ум. Любой спор можно решить миром, с помощью переговоров и обсуждений. Только неотесанные деревенские сеньоры хватаются за мечи при первом обидном слове. Но в битве нет победителя. Владения

обоих будут безжалостно разрушены. А только владение и имеет непреходящую ценность. Что там еще?.. Вы кажется говорили мне о благочестии? Это удел безумцев и монахов. Государь должен ходить к мессе. Он должен делать щедрые пожертвования, на которые вырастают великолепные церкви с лесом острых шпилей и цветами сверкающих витражей. Он должен заботиться о благочестии своих подданных, чтобы они были смиренны и послушны каждому его жесту. Но как только перед вами встанет выбор: следовать заповедям и спасти свою душу, либо нарушать их и спасти свой феодал, немедленно выбирайте второе. Во всех этих рассказах о грехах и аде много преувеличенного. Владение же всегда остается неизменным. Забудьте о клятвах и обетах, забудьте о вашей душе, о добродетелях, о чувствах и о жалости. Помните лишь о том, что вам вверено. Если потребуется, не раздумывая жертвуйте собой ради вашего графства. Ваши радости и горести, ваша жизнь и ваша смерть преходящи. Владение же вечно... Не душу свою оставите вы потомкам, но эту землю, если вам удастся сохранить ее среди суровых бурь и жестоких испытаний...

Граф Леруа умолк. Он устал. Он уронил голову на грудь и тяжело вздохнул. Тьерри не осмеливался нарушить наступившую тишину. Только догорающие поленья тихо потрескивали в очаге.

– Дайте мне немного вина, – попросил сеньор де Леруа.
Сын поспешно налил вина в изящный серебряный кубок

и с вежливым поклоном подал его отцу. Государь сделал несколько маленьких глотков и замер в неподвижности, задумчиво созерцая танцующие в очаге огненные искры.

– Вы можете идти, Тьерри, – наконец произнес он, и небрежным жестом отпустил сына.

Однако одиночество могущественного графа было нарушено во второй раз за этот длинный, холодный вечер. Государю доложили, что его хочет видеть брат Жозеф из монастыря Сен-Реми.

– В такой час? – спросил сеньор де Леруа, слегка приподняв брови от удивления. – А впрочем, пусть войдет. Я вряд ли усну этой ночью...

Жозеф стремительно влетел в комнату, остановился у самого кресла графа и неловко поклонился ему. Он был бледен и очень взволнован. Волосы растрепались от ветра, кожаные башмаки оставляли грязные следы на полу комнаты. Полы сутаны промокли, рукава были перепачканы краской. Сарацин принес в душную комнату запах ночных полей и вольного ветра...

– Монсеньор, я пришел просить вас о милости! – прямо с порога воскликнул он.

– Если это так, то ваш вид и ваш тон мало для этого подходят, – снисходительно улыбнулся граф. – Присядьте, друг мой. Я вижу, вы проделали долгий и трудный путь. Не стану скрывать, я даже рад вашему позднему визиту. Должно быть, я простудился на охоте. Кажется, у меня жар и мне не

спится...

– В таком случае, я сяду подальше от вас, – отвечал Жозеф, предусмотрительно отодвигая свое кресло. – Мне вовсе не хочется подхватить от вас какую-нибудь опасную горячку. Довольно и этой ночной прогулки по холодным лужам...

– Вы, как всегда, потрясающе вежливы, дорогой Жозеф, – с натянутой улыбкой сказал сеньор де Леруа.

– Монсеньор, вы знаете, в моем сердце нет ненависти к вам, – искренне отвечал сарацин. – Но и искусство льстецов так же чуждо мне, как мрачной сове соловьиные трели... Увы, я говорю, что думаю.

– Это опасная привычка. Так что вас привело ко мне?

– Возмущение чудовищным произволом барона де Кистеля!

– Вот как? Это серьезное обвинение, – нахмурился граф. – Что натворил мессир Годфруа на этот раз?

Сарацин взволнованно и сбивчиво изложил историю похищения аббата, сопровождая свой рассказ нервными жестами и возмущенными восклицаниями. Граф Леруа внимательно слушал, иногда кивая и изображая легкое сострадание.

Когда брат Жозеф закончил, воцарилось молчание. Государь в задумчивости взвешивал слова, потом произнес:

– Вы правильно поступили, обратившись ко мне. Я единственный верховный судья в этих землях и не потерплю произвола и беззакония в моих владениях. А тем более, со сто-

роны своих собственных вассалов. Мы живо усмирим чрезмерный пыл сеньора де Кистеля! Завтра же мы с вами отправимся к нему в замок и освободим вашего настоятеля. А остаток ночи проведите у меня в замке. Мы побеседуем. Если, конечно, вы не устали и не хотите спать...

– Я не привык спать по ночам, – отвечал сарацин со слабой, насмешливой улыбкой. – Да и жестокое беспокойство за судьбу отца Франсуа лишило бы меня последнего сна. Так что, я в вашем распоряжении, монсеньор.

– Что ж, прекрасно, – устало проговорил граф. – Знаете, Жозеф, жизнь государя только на первый взгляд может казаться заманчивой и прекрасной. Вся эта кричащая роскошь, великолепные наряды, вызывающий блеск двора могут пленять таких бедных и обездоленных людей, как вы... Это может казаться вам чудесным. Но что скрыто под этой сверкающей позолотой? Увы, под ней столько мучительных забот...

– Но меня вовсе не пленяет этот фальшивый блеск, – признался сарацин. – Напротив. Он отвращает придиричивый вкус художника. Именно поэтому я и сбежал с вашего вычурного праздника. Мне было душно среди этой роскоши!

Сеньор де Леруа несколько мгновений пристально смотрел на Жозефа, потом продолжал:

– Признаюсь вам, вы правы, как никто другой. Тяжелый аромат этой давящей роскоши душит и убивает меня! Даже такое презираемое и отверженное создание, как вы, – художник, сарацин, – все же счастливее меня... Я раб убий-

ственных условностей моего двора. Я раскланиваюсь с моими придворными, как бездушная кукла. Но иногда мне кажется, что мое парадное блио усеяно острыми иглами, которые раздирают мое бедное тело... Увы, оно не принадлежит мне, как не принадлежит ее любовь раскрашенной куртизанке! На моих устах играет улыбка, когда в сердце отточенные кинжалы!

Обычно столь невозмутимый и ровный голос графа дрогнул. Он опустил голову и оперся на ручку кресла, борясь с внезапно нахлынувшими чувствами.

– Да, я счастливее вас, – задумчиво произнес Жозеф. – Я хотя бы могу искренне рыдать, когда стекла горя режут мою истерзанную душу... И я не променял бы этого блага на все троны мира. Мне не нужен дурман славы. Не нужны почтительные поклоны. Не нужны коленопреклоненные льстивые придворные с ядом в сердце. Мне нужны мои витражи и мои краски. Государь, вы обвешаны паутиной условностей, а я свободен, как северный ветер! Я был бы безумцем, если б вздумал обменять мою старую, протертую сутану на ваши пышные наряды.

– Вы очень самонадеянны, Жозеф, – прервал его граф Леруа. – Не забывайте, что ваша свобода находится в моих руках. Если вы будете слишком непочтительны к вашему государю, он может отнять ее у вас...

– И бросить меня в темницу, как дикий барон де Кистель? – спросил сарацин, глядя прямо в глаза знатному се-

ньору. – Что ж, конечно, вы это можете. Но попробуйте отнять у меня мои фантазии и мои восторги, мои безумные сны и великие замыслы! Как хрупкий цветок, они будут цвести и среди ваших тяжелых решеток... Вы свободны. Ваша воля равна закону. Вы можете идти, куда пожелаете. Но ваша душа заключена в клетке вашего двора и ваших предрассудков. Мой дух, напротив, может парить в небесных просторах, за какой бы крепкой решеткой не находилось мое жалкое тело... Посреди ваших манерных танцев, раскрашенных дам и пустых развлечений вы каждый день умираете от скуки. Мои же безумные и извращенные фантазии художника дают мне такое нечеловеческое наслаждение, какого не испытал еще ни один государь на свете!

– Возможно, Жозеф, возможно, – согласился граф. – В ваших словах большая доля правды. Но скажите мне, для чего трудятся поэт или художник? Ради пустого развлечения? Беспощадное время развеет в прах жалкую мишуру их творений... Тогда как бессмертный труд государя! – тут холодные глаза сеньора Леруа вспыхнули вдохновенным огнем. – Труд государя так велик, тяжок и прочен, что останется в веках! Он создает королевства и возвышает их на недостижимую высоту! Он разрушает владения и могущество своих врагов и владеет подчас целыми народами... Что такое художник в этом бурном, бушующем потоке? Лишь жалкая пылинка в руках мудрой вечности...

– Монсеньор, взгляните на это с другой стороны, – убеж-

денно отвечал Жозеф. – Десятки империй были великими и могущественными, и все они рассыпались в пыль в единый миг! И что же осталось от них после падения? Их военная слава? Их величественные государи? Их пугающая и чудовищная роскошь? Нет. От них остались картины и статуи, свитки и книги. Смолкли голоса властителей и полководцев, но их поэты до сих пор говорят с нашими сердцами... Вы останетесь в вечности, благодаря вашим тяжким трудам и военным походам? Или потому, что я однажды запечатлел ваш образ на своем витраже? Нет ничего более хрупкого, чем прекрасный витраж. Но иногда он говорит, когда умолкли мечи и трубы. Да, нет ничего более хрупкого... Но нет и ничего более прочного в этом жестоком мире. Да, государям принадлежат огромные империи и королевства. Они говорят с целыми народами. Только владения художника еще просторнее. Он владеет всем миром и говорит со всеми людьми во Вселенной...

Жозеф умолк, потрясенный своими собственными дерзкими грезами. Молчал и граф де Леруа. Так сидели рядом, во тьме, художник и государь. А умиравшие искры тихо падали на узорную решетку догорающего очага...

* * *

Наутро брат Жозеф и граф Леруа в сопровождении огромного отряда вассалов, облаченных в сверкавшие на

солнце тяжелые доспехи, остановились у мрачного замка барона де Кистеля. Несмотря на ворчание и ругательства барона, тяжелые решетки подземелья распахнулись от одного жеста могущественного государя, и измученный и отчаявшийся отец Франсуа оказался в объятиях своего преданного друга. Казалось удивительным и странным, что ангел свободы может принять вид столь непривлекательного и мрачного существа, каким был сарацин...

XXXI. В разрушенном замке

*Где духу набраться,
Чтоб страх победить,
Рвануться, прижаться,
Руками обвить?
Я б все позабыла
С ним наедине
Хотя б это было
Погибелью мне.
И. В. Гёте «Фауст»*

Sarah:

*Einmal dachte ich,
bricht Liebe den Bann
Von Krolok:*

Jetzt zerbricht sie gleich deine Welt

Beide:

Totale Finsternis

Wir fallen und nicht was uns hält

Totale Finsternis

Ein Meer von Gefühl und kein Land

Totale Finsternis. Tanz der Vampir

Sara:

*Однажды я подумала,
Что любовь разрушит запрет.*

Фон Кролок:

Теперь она разрушает твой мир.

Вместе:

Абсолютное затмение.

Мы падаем и некому нас удержатъ.

Абсолютное затмение,

Море чувств, но нет земли.

«Абсолютное затмение». Мюзикл «Бал вампиров»

Nos deux couleurs de peau

Comme

En un seul flambeau

Je veux t'aimer

T'aimer au risque de ma vie

La volupté. Notre Dame de Paris

Два цвета нашей кожи,

Как в едином факеле.

Я хочу любить тебя,

Любить с риском для моей жизни!

«Наслаждение». Мюзикл «Нотр-Дам де Пари»

Прошло еще несколько недель. Прекратились холодные весенние дожди. Деревья покрылись причудливым флером

первой листвы. В прохладном воздухе парил тонкий и резкий аромат свежих листьев. Дни стали теплее, но ночи все еще были холодными. Тихими вечерами капризная луна играла в прятки с пушистыми облаками. Ее неровный, сиреневатый свет озарял тонкие ветви деревьев, которые отбрасывали на землю узорные, замысловатые тени. По ночам желтый диск луны казался светлым пятном, нарисованным на фоне лилового неба. Иногда в природе стояла такая совершенная и хрупкая тишина, что ее легко нарушал даже шум крыльев вспорхнувшей с ветки птицы...

Ни один человек на свете все еще не догадывался о ночных прогулках Юсуфа и Бланш. А, тем более, о соединивших их странных чувствах.

А они все продолжали блуждать по ночным равнинам, без цели и без смысла. Как будто не существовало ни окружающего мира, ни замков, ни людей, ни времени, ни пространства. Как будто они могли бродить так целую вечность. Но им и не нужно было ничего, кроме друг друга и повисшего в бесконечности времени... Их мир был столь же мало реален, как волшебное царство призраков.

Но в одну из ночей в остановившемся времени и в безмятежности природы возникла трещина.

Резкий, холодный ветер ударил им в лицо. Набежали зловещие, черные тучи. Луна скрылась, и в мире тотчас стало темно и страшно. Жестокие порывы ветра пригибали к земле редкие деревья. Со всех сторон из тьмы грозили неведо-

мые и таинственные ужасы...

В тот миг, когда их настигла злая буря, Юсуф и Бланш находились рядом со старыми развалинами Волчьего Логова. Они бросились туда. Забившись в самый темный угол, где еще была цела часть ветхой крыши, они сели на расстеленный сарацином плащ. Ища защиты от холода и ветра, Бланш крепко прижималась к своему возлюбленному и господину. Во тьме сверкали ее расширенные от страха зрачки...

– Ужасная ночь, – прошептала она. – В такую бурю все духи ада, должно быть бродят по земле.

– Такую ночь выбрал бы безумец, желая совершить зло, – отвечал сарацин.

Голос его звучал хрипло, огромные зрачки горели. Бланш слышала его тяжелое дыхание. Странное чувство тревоги овладело ей. Девушка сделала слабую попытку отстраниться от него, но Юсуф держал ее крепко, изо всех сил прижимая к себе. Одной рукой он резко и настойчиво пригибал ей голову, приближая ее лицо к своему. Он хотел вырвать у нее поцелуй, который она сейчас не думала дарить... Внезапно Бланш поняла все. Волна нечеловеческого ужаса захлестнула все ее существо. Изо всех сил она забилась в его руках, пытаясь вырваться. Но то были лишь последние судорожные движения птицы с перебитым крылом...

Тогда она стала горячо умолять в отчаянии и страхе:

– О, прошу вас, не делайте этого! Отпустите меня! Вы погубите мою душу и тело! Вы разрушите мою жизнь! Вы от-

берете у меня рассудок! Вы сломаете, вы убьете меня!

– Я знаю, – ответил он жутким, низким голосом.

– Боже, помоги мне! Я одна в этой тьме! Как мне страшно! Отпустите меня, Юсуф! Если в вас есть хоть капля жалости, отпустите!

– Никогда! – с мрачным, жестоким пылом отвечал он. – Ты нужна мне. Я хочу выпить тебя до дна. Я видел сквозь платье очертания твоей юной, трепещущей груди, которой никто не касался... Я хочу тепла твоего призрачного тела! Мне мало видеть тебя, я хочу завладеть всем твоим существом!

– Но ни Бог, ни люди никогда не смогут соединить нас в этом мире! Ведь вы монахи и сарацины... Никто этого не позволит! О, я навеки погибла! Вы лишаете меня надежды на спасение!

– Если ни Бог и ни люди не могут соединить нас, я сама сделаю это! Между нами больше не останется преград, не останется ничего неизвестного! Я люблю тебя всеми уголками моей больной души! Моя любовь вырвет у тебя твою тайну!

– Нет, нет! Ради самого Господа! Я этого не вынесу! Я умираю! – рыдала Бланш.

На мгновение он выпустил ее. Она хотела броситься прочь, но Юсуф с нечеловеческой силой оттолкнул ее к стене. Она больно ударилась головой и замерла на месте. Она была всего лишь хрупкой веткой по сравнению с мощным ураганом, осколком витража под железным каблуком, легко-

крылым ангелом под обжигающим дыханием Люцифера...

Замерев от ужаса, она стояла у стены. Луна, вышедшая из-за туч, осветила человека, который приближался к ней. Его черты были искажены жестокой страстью. Глаза сверкали черным пламенем. Он шел на нее, как дикий, разъяренный зверь. Он был чудовищен... и нечеловечески прекрасен!

И внезапно Бланш поняла, что бежать невозможно. Бежать поздно. Она не смогла бы бежать и за все сокровища мира. Она осталась бы на месте, даже если бы они были одни во вселенной. Даже если бы между ними лежали огромные империи и царства, расстояние между ними не стало бы меньше... Бежать было некуда с той минуты, как она соскочила с качелей и увидела это незабываемое, единственное лицо...

Сердце взвилось в груди, лихорадочно запыхали щеки. Мир уплыл из-под ног. Она протянула к нему руки и, не ощущая больше себя самой, с истерической страстью крикнула:

– Идите же ко мне, Юсуф! Сломайте и убейте меня! Я кидая мое сердце к вашим ногам, мой государь и повелитель! Мой Бог, мой гений, мой возлюбленный, мой великий Саладин! Меня больше нет! Я растворилась в моей любви к вам! Будьте моим любимым и моим убийцей!

Он стоял рядом с ней. С грубой, жгучей лаской он провел рукой по ее губам, шее и груди. Потом толкнул ее вниз...

Он впивался в нее хищными, жестокими поцелуями, как будто хотел раздавить ее маленький рот и оставить вечные

следы на ее белоснежной коже. Бланш вздрагивала от ужаса, который смешивался с безумным счастьем. Она таяла, как свеча, в жаре неистового пламени, поглотившего мир... В пылу мрачной страсти встречались пересохшие губы, сплетались пальцы, смешивались ласки и объятия. Снаружи свирепствовала жестокая буря. В лунном свете плясали неровные тени деревьев. В развалинах старого замка разные цвета кожи в смертельном порыве сливались в один мистический костер. Рваная, истлевшая занавеска на старом окне трепетала от неистового ветра...

XXXII. Одинокие

Но чем утолить мою жажду? Какое сердце, какое божество бездонно, как озеро, чтобы напоить меня? Ни в этом мире, ни в ином нет ничего мне соразмерного.

Альбер Камю «Калигула»

И не с. И на вершине этого блаженства еще одно мгновение я помедлю... Но зачем же так внезапно ты руки разомкнул? К чему объятия, раз ты готов меня отдать с такой поспешностью? Скорее обними, иначе я умру.

А. де Монтерлан «Мертвая королева»

Юсуф тихо вошел в свою холодную келью, осторожно прошел мимо спящего Жилия и бросился на постель, одержимый тысячью противоречивых ощущений.

Наконец он достиг того высшего и совершенного, тайного и великого, к чему так пламенно рвалось все его измученное существо. Его связало с Бланш нечто нерасторжимое и нерушимое.

Значит любовь и вправду непостижимое чудо? Значит на свете все-таки существует женщина, идущая навстречу его чудовищным ласкам? Значит и на его губах могут гореть поцелуи, не вырванные силой, а отданные в порыве горячей страсти? Неужели в мире есть женщина, для которой его

мрачное лицо могло стать самым дорогим среди тысячи прочих?

Любить всей душой и всем сердцем... Как это ново! Как это странно...

Юсуф закрывал глаза и вспоминал ее безумную доверчивость, ее хрупкое, юное тело, отданное в его власть с таким невероятным и искренним безрассудством. Вспоминал поток ее светлых волос, которые он перебирал дрожащими пальцами, жар, исходивший от всего ее существа, и те запретные, мистические наслаждения, скрытые под черными крыльями бушующей ночи...

Уже несколько часов он чувствовал себя счастливым. Абсолютно счастливым. Это было невероятно! Исчезла мучительная тревога. Перестала вздрагивать в груди давящая тоска и отчаяние. Ни единый звук окружающего мира больше не причинял боли. Время бежало легко и неслышно. Все вокруг было наполнено безмятежным покоем и тихой радостью. Каждое движение стало свободным, а дыхание – легким и незаметным. Юсуф наслаждался вновь обретенными красками мира и своим новым, чудесным душевным состоянием.

Он чувствовал себя молодым, вдохновенным и полным надежд. Так продолжалось некоторое время. Потом пришли более печальные и сложные мысли.

Он достиг вершины своего чувства, вершины блаженства. Он испытал всю сладость замерших мгновений. Его дух па-

рил на неведомых высотах. Подобно Тристану, он испил запретный любовный напиток. Но что дальше?.. Этот неумолимый вопрос угрожающе повис перед ним в пустоте. Ему всегда казалось, что после исполнения всех желаний наступает безмятежное счастье, рай пылающей страсти, которая горит во тьме, как вечный, неугасимый факел. Он думал, что после таинственного соединения душ и тел начинается чудесное путешествие в страну бесконечных радостей и восторгов. Но нет... Завтра снова наступит обычный, серый день, и жизнь будет такой же, какой она была до волшебного мгновения. А его счастье станет чуть менее полным... Но, если после радостей любви не наступает вечный, сверкающий рай, тогда какой в них смысл?.. Если они не делают счастливым полностью и навсегда, зачем вообще прикасаться к ним?

Юсуф ощутил, как тень прежней печали, на миг отделившаяся, снова склоняется над ним. Он сел на постели и леденеющим, растерянным взглядом стал смотреть на розоватый клочок предрассветного неба, видневшийся в маленькое оконце кельи.

Да, он утолил свою жажду огромной, разделенной любви. Но утолил лишь однажды. А она была так бездонна и так тревожна, что этого было мало... Потребуется все новые и новые мгновения счастья, чтобы приглушить его постоянную тоску. Ему нужен покой и забвение. Радости любви могут подарить ему это. Но теперь его будет привязывать к Бланш

болезненная страсть, которая влечет хищного зверя к свежей крови, государя – к почестям, а опустившегося поэта – к вину. Он будет в душном плену у этой бледной девушки всю свою жизнь, потому что только она может спасти его от этой постоянной, тяжелой и беспричинной скуки... Это пугало его. Его пугала любая слишком сильная привязанность и зависимость. Юсуф леденел при мысли, что однажды проснется и не сможет представить свою жизнь без кого-то... Но Бланш уже давно стала этим таинственным кем-то...

Но самым страшным было другое. Он понял, что не вырвал у Бланш ее удивительной, темной и сверкающей тайны... В ней по-прежнему оставалось что-то нечеловеческое и человеческое, низкое и высокое, пугающее и влекущее, чего он не мог окончательно постичь! Он обладал ее телом. Она, казалось, отдала ему всю свою душу в едином порыве безумной любви. Но было что-то, чего он не смог взять... Что-то, что не давалось в руки. Осязаемое и невидимое. Хрупкое, как витраж. Прочное, как черные скалы в море... Но какой был смысл в обладании этой девушкой, если все равно он не мог понять ее полностью? Если не мог разгадать этой жгучей и великой тайны, которая таилась в ее призрачном существе. Ином существе, чем у всех людей на земле...

Она была нужна ему вся целиком, без остатка. Но он не мог взять и малой доли от того, что таилось в ней!

Но возможно ли настоящее счастье, если любящие не становятся единым целым? Если они не угадывают мысли друг

друга? Если один из них не чувствует содрогание каждого нерва в другом? Если их сердца не бьются, как одно? Если их души не смешиваются так, что невозможно отделить одну от другой?..

Юсуфу нужно было именно это, иначе и сама любовь теряла свой высший и великий смысл. Если мужчина и женщина не понимают друг друга полностью, значит они продолжают оставаться чужими людьми... Осколками льда в холодном и пустом мире, в котором нет огня, согревающего человеческие сердца... Было невыносимо думать, что после этих отчаянных объятий, жарких ласк и безумных порывов, они с Бланш так и остались чужими людьми! Ему страстно хотелось верить, что он приблизился к любимому существу хотя бы на ничтожный шаг...

И все же, каким бы бессмысленным и не утоляющим его вселенской тоски не было все произошедшее с Юсуфом этой волшебной ночью, он жаждал сохранить это хрупкое воспоминание сильнее, чем все остальные мгновения своей безрадостной и трагической жизни...

* * *

Похожая на блуждающий призрак, Бланш медленно пересекла спящий замок и, войдя в свою комнату, без чувств повалилась на пол. Долго лежала она так без движения, без единого ощущения и без единой мысли. Потрясение было

слишком сильным.

Постепенно холод пола, на котором она лежала, привел девушку в чувство. Она слабо застонала, открыла глаза и приподнялась с пола, опершись на руки. Судорожным движением Бланш сбросила плащ. Она задыхалась. Под плащом скрывалось разорванное платье. Все ее тело было покрыто алыми пятнами – следами жестоких ласк сарацина. Губы были раздавлены его жгучими поцелуями, и в уголку рта застыла синеватая тень. Она почти не ощущала своего тела. Она чувствовала себя сломанной и разбитой.

Мало-помалу из зыбкого тумана, наполнявшего ее пылающую голову, начали одна за другой вырисовываться обрывочные мысли и образы. С ужасом и внутренней дрожью Бланш вспоминала свое истерическое, безумное признание и чудовищное, безрассудное поведение. Что она натворила?! Что с ней произошло?.. Какая злая сила бросила ее в объятия Юсуфа, чтобы навеки погубить ее жизнь и бессмертную душу?..

Она чувствовала себя такой падшей, такой преступной... Такой покинутой и одинокой. Ей было так холодно и страшно... Она совершила смертный грех. Безмерна была глубина ее падения... Теперь она навеки отвергнута небесами! Отвергнута людьми и Богом! Изгнана из круга человеческих существ...

Но как могла она не сделать этого? Как могла не уступить жарким просьбам своего возлюбленного Юсуфа? Как

могла не утолить его дикую, безмерную страсть, не дать ему несколько мгновений счастья?.. Разве возможно было противиться этому бурному порыву в единый миг подхватившему и унесшему в далекие миры ее слабое существо? Разве можно было противиться этому безмерному желанию отдать всю себя без остатка, подарить всю свою душу, все свое сердце, кровь и тело, ему, единственному и обожаемому?.. В поисках его она прошла бы сотни незнакомых краев и земель! Как могла она бежать, когда он сам звал ее к себе?..

Бланш безмерно любила Юсуфа. И этим было все сказано. Она не могла думать, не могла разбираться в своих мыслях и чувствах. Она вся была охвачена убийственным пламенем, как неосторожная ночная бабочка, летящая на танцующее пламя свечи... Она не помнила себя. Не видела ничего вокруг. Видела только Юсуфа. Думала и мечтала только о нем. Жила и дышала лишь им одним...

Бланш не мыслила своего существования без этого человека. Она дышала, и глаза ее сверкали только, пока в мире существовал он. Остальное было покрыто тьмой. О, если бы только, он мог быть сейчас рядом с ней! Мог бы успокоить ее и развеять окружавшие ее ужасные грезы. Но никогда не будут они вместе бороться с ночными страхами, никогда не будут вместе просыпаться на рассвете... Этого не допустят ни Бог, ни люди... О, какие же они злые!

Бланш вспоминала ужасные и прекрасные минуты, проведенные ими в старом замке. Она чувствовала свой позор,

свое падение. Но... он касался ее. Она была не одинока. Впервые в жизни ее сердце билось так близко к другому сердцу! И в этом была заключена вся вселенная...

Она не могла отвергнуть все, что произошло. Не хотела забыть этого.

Другие влюбленные женщины хранят в тайниках своей души сладостные поцелуи, поэтические слова и нежные прикосновения. Но Бланш хотела сохранить в сокровищнице своего сердца черный огонь безумных глаз, грубые жаркие ласки, дикие, несдержанные поцелуи, боль и безмерные восторги. И они были ей в тысячу раз дороже, чем вся нежность и красота человеческого мира!

Девушка поднялась с пола, шатаясь дошла до кровати и без сил упала на нее. Вскоре ей овладел беспокойный, тревожный сон. Бланш нервно металась на постели, а перед ее спящим взором стояла странная картина. Она видела себя лежащей на полу в темной, пустой комнате. Она была вся в белом, но по губам, по шее, по рукам бежали тонкие струйки крови. Она чувствовала скольжение теплых капель по леденеющей коже. Она ощущала, что теряет силы. Но не могла понять, откуда течет кровь... При этом, ей смутно казалось, что потерянные силы таинственным образом вливаются в вены находящегося где-то далеко Юсуфа. И это наполняло ее скорбной радостью...

Девушка проснулась от стука открытого окна. Она была вся в холодном поту и сильно дрожала. Со двора замка слы-

шался быстрый топот, крики и звон оружия. Несмотря на слабость, Бланш вскочила с постели и бросилась к окну. В лицо ей ударил холодный ветер. Она стояла, вглядываясь расширенными зрачками в темноту. Внизу метались пылающие факелы и сверкали серебристыми бликами обнаженные мечи. В этих адских отсветах взволнованной Бланш померещилось что-то зловещее, и сердце мучительно замерло в груди...

* * *

Так, разделенные морями тьмы и звездами светильников, страдали вдали друг от друга, бесконечно одинокие и горячо любящие друг друга смуглый язычник и бледная, прозрачная девушка...

XXXIII. Осада

*Пусть обломавший в схватке шпагу
Ногтями рвет, зубами ест,
Чтоб обмануть волков отвагу,
Что бродят алчные окрест.
Вперед! Ни плена, ни пощады!
Умрем, но славно, если надо!
Падем, мертвы, на мертвецов,
Чтоб завтра дневное светило
Обломки копий озарило
В руках изрубленных бойцов!*
Виктор Гюго «Сеча»

Недолго было суждено брату Жозефу предаваться глубоким размышлениям о своих чувствах. Не успело порозоветь предрассветное небо за окном, как в келью быстро вошел взволнованный брат Колен и обратился к сарацину и проснувшемуся горожанину:

– Идите скорее в зал для собраний капитула. Настоятель приказал созвать всех братьев.

– Что опять случилось? – поинтересовался Жозеф, вставая с постели. – Начинается новый Крестовый поход? Боюсь, я буду в нем бесполезен. Сарацины примут меня за своего родственника.

– Оставьте свои неуместные шутки и поторопитесь, – раздраженно бросил Колен, выходя из кельи.

Странное, тревожное предчувствие сжало сердце Жилья. Годами в этой глуши ничего не случалось... И что вдруг могло произойти? Но лицо сарацина было так спокойно и равнодушно, что его настроение невольно передалось и горожанину. За время, проведенное в монастыре, Жиль давно привык к этому человеку и даже стал ценить его за своеобразную храбрость и дерзкую прямоту.

Через несколько минут вся братия собралась в мрачном, полутемном зале для заседаний капитула. Было очень рано. Слабый утренний свет едва пробивался в помещение. В зыбкой, туманной дымке были видны только смутные очертания фигур монахов в черных одеяниях.

Посреди залы стоял брат Ватье. Но какая удивительная и необъяснимая перемена произошла в его поведении, во всем его облике! Ленивые и медленные движения сменились быстрыми, хаотичными жестами. На столь спокойном обычно лице читалось живейшее волнение и неподдельный страх. Он что-то горячо и сбивчиво доказывал аббату:

– Ну закрыты эти чертовы ворота... Говорю же, я их закрыл! И что толку? Они старые, как столетняя ведьма! Стоит как следует треснуть по ним бревном, и конец нашей несчастной обители! Говорила мне тетка в детстве, чтоб я не шел в попы... Но я-то думал, что в деревне мне труднее будет прожить. А оно вон оказывается, как вышло!

Настоятель не прерывал его. Он был бледен и испуган. Кажется, он давно уже все понял.

– Да что в конце концов тут происходит?! – не выдержал брат Колен.

Отец Франсуа медленно повернулся к нему и упавшим голосом ответил:

– На нас напал барон де Кистель с отрядом своих вассалов...

В воздухе повисла мертвая тишина. Страшная новость обрушилась на головы несчастных монахов, как снежная буря. Беззащитные и безоружные, привыкшие читать молитвы и никогда не державшие в руках меча, они оказались в осаде у разъяренного и мстительного сеньора с его послушным отрядом, закованным в тяжелые доспехи и оцетинившимся лесом острых копий! На что им было надеяться в осаде у этой грубой и незаконной силы? На призрачное божье могущество?.. Где искать убежища от яростной жестокости? У холодного алтаря, презираемого безжалостными воинами?..

– Какого дьявола вы стоите, как на мессе?! – прорезал тишину решительный и сильный голос. – Сейчас барон разнесет ворота! Вы хотите отдать ему свои жизни, не попытавшись даже защитить их?!

Все взгляды с надеждой и отчаянием устремились на говорившего. Лицо брата Жозефа сверкало мрачным и суровым пылом. Ноздри раздувались от гнева. В движениях читалось непреклонное желание защищаться. В самом деле! Он был

их единственной, последней надеждой! Только он один вышел из страшного, жестокого мира сеньоров. Только он умел держать в руках меч. И только от него исходила призрачная надежда на спасение! Любили они его, ненавидели или презирали, в это мгновение только он, отверженный сарацин и жалкий безумец, был их путеводной звездой в черном море неумолимо приближающейся смерти...

– Можем мы послать через кого-нибудь просьбу о помощи, сообщив, что обитель в осаде? – воскликнул Жиль.

– Никто не сможет выйти отсюда, – отвечал Жозеф. – Мы окружены. Тем лучше. Смертельное отчаяние придает мужества даже трусам. У нас нет времени. Ульфар, вытащи из-под алтаря старый меч и неси его сюда!

– Этот меч – великая и священная реликвия! – возмутился фламандец. – Как мы можем его коснуться?! Это оружие одного из славных предков графа де Леруа, возведенного в ранг святых за свои заслуги перед Матерью Церковью...

– Да пускай пропадут пропадом все святые на свете! – в бешенстве перебил его сарацин. – Ты хочешь, чтобы воины барона снесли твою благочестивую башку?! Сейчас же неси сюда меч!

Колебания между долгом христианина и страхом скорой смерти были недолгими. Ульфар бросился за мечом.

– Колен, ищите какую-нибудь дубину... Балку, крест... неважно! И вооружайтесь ей. Ватье, забаррикадируйте лавками двери! – отдавал приказания брат Жозеф. – А вы, отец

Франсуа, идите в свою келью и молитесь. Если всем нам суждено погибнуть, то ваша жизнь будет последней, которую они заберут!

– Нет, нет, дитя мое, я не могу вас бросить во власти этого ужасного человека! – в отчаянии воскликнул настоятель, хватая Жозефа за руку.

– Если вы хотите оставить мне хоть тень надежды на спасение, сейчас же уходите! – крикнул Жозеф, отталкивая его.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – спросил Жиль, подбегая к сарацину.

– Нет. Погляди на себя! Чем ты можешь помочь? Моя кухня оказалась бы куда полезнее в битве, чем ты... Отправляйся с аббатом! Не мешайте мне!

Настоятелю и горожанину пришлось повиноваться властным приказам брата Жозефа. Как раз в тот момент, когда сарацин вооружился старым мечом и все остальные его приказания были ревностно исполнены, во дворе со страшным грохотом рухнули ворота. Послышалось лошадиное ржанье, топот тяжелых башмаков по каменным плитам, угрожающий грохот мечей и чудовищные проклятья. На лиловых витражах заплясали черные силуэты и алые искры от пламени сверкающих факелов. Неистовый шум приближался со страшной скоростью. Но когда он докатился до запертых дверей, все внезапно стихло. И в наступившей тишине снаружи раздался разгневанный, глухой голос:

– Эй, вы, вшивые крысы! Это я, славный Годфруа де

Кистель, пришел объявить вам мою волю. Вы нанесли мне страшное оскорбление! Но такому доблестному сеньору, как я, не пристало оставлять обиды без ответа. Если вы уступите мне Волчье Логово, законное владение моей жены, и, если передвинете границу ваших земель, куда я требую, я позволю вам вымолить у меня прощение. Вы думаете, что перехитрили меня? Что одержали надо мной победу? Презренные овцы! Вы унизили барона де Кистеля! Так знайте: тот, кто посмел это сделать, непременно приползет ко мне на коленях! Даю вам несколько мгновений на размышления, чтоб вы одумались и отворили мне двери вашего проклятого монастыря!

Выслушав дерзкие угрозы барона, брат Жозеф жутко улыбнулся и изо всех сил крикнул в ответ:

– Нам они не нужны! Никто не откроет вам, Годфруа де Кистель! Вы не благородный сеньор. Вы разъяренный дикарь, творящий невероятные беззакония! Убирайтесь прочь! Вы не имеете никакого права нападать на наш монастырь и проливать здесь кровь! Вы не имеете никакого права на наши владения! Ни одна дверь не распахнется по вашему тупому капризу! Есть то, что неподвластно своеволию сеньоров. Никто вам не откроет! Здесь нет ни одного человека, которого могли бы напугать ваши нелепые угрозы!

– Кого я слышу? Неужели это черная тварь настолько осмелела, что так дерзко говорит со мной? Ты еще не забыл, как держать в руках меч?

– Мне не дают забыть об этом! – отозвался сарацин. – Я хотел больше не проливать человеческой крови. Но, видно, этот ужасный мир создан так, что в нем невозможно жить, не убивая!

– Ты и твой чертов аббат упрямы, как старые ослы! Я подожгу ваш паршивый монастырь, и вам придется выбрасываться в окна, прямо на копья моих воинов! Вот будет веселое зрелище!

– Поджигайте! – с отчаянным вызовом крикнул Жозеф. – И будьте вы прокляты!

Его безумная фраза положила конец переговорам. Послышались ужасные ругательства барона и частый стук топоров по тяжелым дверям.

Прислушиваясь к этим мрачным ударам, возвещавшим скорую гибель, Жозеф стоял посреди холодной залы, опираясь на старый, огромный меч. Позади него молча столпились трое несчастных монахов. Только Ульфар с горячей мольбой устремлял взгляд к темному потолку. Колен и Ватье не молились. Они молча и подавленно уставились в пол. Все было кончено. Все люди, находящиеся в этой комнате, были обречены на скорую смерть. И они это понимали.

А он, странный безумец и чужестранец, презираемый и отвергаемый всеми, сам невероятно далекий от людей и любви к ним, стоял с гордо поднятой головой, готовясь стать первой жертвой, принесенной ради спасения тех, кто стоял у него за спиной. Готовый отдать свою жизнь, чтобы существо-

вание аббата и других братьев продлилось хотя бы еще на несколько жалких мгновений...

Эта жертва не приносила ему никакой радости. Она была бессмысленна. Никто из них не был ему дорог, кроме аббата. Но он не мог отступить. Ничего не получит проклятый барон де Кистель! Если они хотят отобрать у него жизнь, то он унесет с собой и чужие...

Жозеф даже почти не испытывал страха. Он устал от него. Он знал, что рано или поздно его дыхание пресечется в этом жестоком мире... И вот этот час настал! Только бледная девушка... только браслеты матери... Но ему некогда было думать об этом.

В это мгновенье с чудовищным грохотом рухнула главная дверь. В проем ринулись черные силуэты, и сарацин, страшно размахнувшись мечом, бросился вперед. Но под занесенным клинком из зияющей тьмы выступило серьезное и умное лицо графа де Леруа! Нечеловеческим усилием Жозеф отдернул меч в сторону и, потеряв равновесие, полетел прямо к ногам своего хозяина, мессира Анри де Сюрмона...

Приподнявшись с пола, он изо всех сил швырнул меч о каменные плиты и в бешенстве крикнул:

– Будьте вы тысячу раз прокляты! Какого дьявола вы делаете у меня на пути?! Я чуть было не снес вам голову, да и сам разбил себе все колени!

Он сидел на каменном полу, опираясь на руки. Вся его поза напоминала позу дикого зверя, готовящегося к прыжку.

Сквозь падавшие на лоб, мокрые от пота волосы, жестоким огнем горели злые, сверкающие глаза. Ужасно искаженные гневом и яростью черты придавали ему сходство с хищной, кровожадной птицей. Коленопреклоненный и разгневанный сарацин был поистине страшен...

– Однако, у вас весьма странный способ благодарить ваших спасителей, – со слабой улыбкой молвил граф.

– Но как вы сюда попали?

– Мы узнали, что барон де Кистель совершил нападение на ваш монастырь...

– А где он сам? – растерянно спросил Жозеф, ища взглядом неистового барона.

– Там, – ответил сеньор де Сюрмон, указывая на выломанную дверь.

Монах медленно поднялся с пола и подошел к двери. На пороге лежало окровавленное тело барона де Кистеля. Его мертвый взгляд был устремлен в небеса. Бескровное лицо барона заливали розовые лучи рассвета...

– О, – хрипло произнес сарацин, отводя взгляд от этого печального зрелища, – еще один жестокий человек нашел себе успокоение. А Сесиль стала вдовой... Но кто его убил?

– Я, – угасшим голосом ответил граф де Леруа.

XXXIV. Вдова

*Мужеубийца-пани,
В кровавом одеянье,
Плутает по полянам.
А ночь темна, беззвездна,
Подернута туманом.
Заухал филин грозно,
Повеял ветер сонно,
И каркнула ворона.
Адам Мицкевич «Лилии»*

*Расчет, расчет, приятель! От поминок
Холодное пошло на брачный стол.
У. Шекспир «Гамлет»*

В глубокой задумчивости стояла баронесса де Кистель в просторном дворе своего замка. Перед ней на изорванном плаще лежал ее мертвый супруг и господин. Небо было светлым и безмятежным. Ни единого облачка не было видно на горизонте. Ветер развивал длинные, огненные косы и тяжелое, лиловое платье Сесиль. Теплые солнечные лучи тихо ласкали ее бледное, замкнутое лицо.

Ни боли, ни радости, ни тоски, ни ненависти не было в ее охладевшем сердце. Стоя над окровавленным телом своего

мужа, она не чувствовала ничего, кроме теплоты весеннего солнца...

Около десяти лет жизнь этого жестокого, грубого человека была тесно связана с ее жизнью. Но они так и остались навсегда чужими и холодными друг к другу. Теперь никто не будет больше врыватья в ее комнату, бесцеремонно нарушать ее одиночество, хохотать в лицо пьяным смехом и против воли заключать ее в железные, отвратительные объятия... Теперь все кончено. Она свободна и может поступать со своей разбитой жизнью, как пожелает.

Правда, наверху в своей комнате горько плачет Робер, лишившийся отца. Бедный мальчик так мечтал когда-нибудь отправиться с бароном в славный поход... Но его тоска продлится недолго. Детское горе забывается так скоро! И завтра сквозь слезы уже проглянет сияющая и безмятежная улыбка...

Сесиль нервно передернула плечами, провела рукой по волосам и подставила лицо теплomu, нежному ветру. Она стояла у порога новой жизни. Теперь все ее дни будут проходить в развлечениях и в безудержной скачке по полям. Теперь она будет просыпаться лишь для того, чтобы увидеть наивную, чарующую улыбку своего сына! Свободна. Удастся ли ей теперь получить Волчье Логово? Удастся ли навеки сделать счастливым своего Робера?.. Когда исполнятся все эти дерзкие и манящие мечты, она вырвется к простору и свету и полетит... Куда?

Сесиль опустила голову. Она почувствовала внезапную усталость и подавленность. Как тесен, как печален этот мир! Она судорожно вздохнула и устремила растерянный, остановившийся взгляд на безоблачный, пустой горизонт...

В эту минуту к ней подошел брат Колен. Он был послан из монастыря в замок, чтобы привезти тело сеньора де Кистеля в жилище его предков и утешить баронессу в ее печали.

– Сегодня тепло, – обронила Сесиль, не глядя на стоявшего рядом монаха.

– Да, – так же равнодушно отвечал он.

Они продолжали стоять молча. Брат Колен, казалось, не собирался обращаться к баронессе со словами утешения и поддержки. Быть может, он видел, что ей это не нужно.

– Баронесса позволит задать ей вопрос? – наконец произнес он очень вежливо, но холодно.

Сесиль едва заметно кивнула.

– Почему барон де Кистель так внезапно решил напасть на наш монастырь?

– Не знаю. Он никогда не посвящал меня в свои планы. Барону было свойственно принимать поспешные и необдуманные решения... Это его и погубило.

– А откуда монсеньор де Леруа узнал о походе сеньора де Кистеля?

Сесиль повернулась к монаху. Ее глаза были прищурены от яркого солнца. Ветер играл с волосами.

– Я ему сообщила, – дерзко бросила она.

На лице брата Колена отразилось неподдельное удивление.

– Вы? Но зачем вы это сделали, мадам де Кистель? Вы ненавидите брата Жозефа, вы хотите получить Волчье Логово. Для вас было бы намного лучше, если бы ваш враг погиб от безжалостной руки барона, а монастырь уступил вам его владения...

– Я надеялась на это, – прервала его Сесиль. – Дорого бы я отдала, чтобы здесь, рядом с бароном, лежал и мой проклятый кузен... Я намеренно отправила гонца к графу слишком поздно. Я думала, что барон возьмет монастырь и убьет Жозефа. А потом придет государь и заключит барона в тюрьму. Да, я, как и все остальные, устала от жестокостей и произвола моего мужа! К чему теперь это скрывать?

– Хороший замысел, – заметил брат Колен. – К сожалению, злые силы часто расстраивают искусные планы людей...

– А Жозеф все еще жив! – с болью в голосе воскликнула баронесса. – Неужели этот демон прошлого будет вечно властвовать над моей несчастной жизнью?!

– Да нет, Жозеф вовсе не демон. Для этого у него не хватает хитрости. Он всего лишь мрачный безумец.

Мадам де Кистель пристально взглянула на своего собеседника. Но она ничего не смогла прочесть на этом спокойном, невзрачном и закрытом лице.

– Вы тоже не любите его? – спросила она.

– Жозефа? – рассеянно переспросил брат Колен. – Дело

совсем не в нем... Я вообще не люблю людей.

– Их никто не любит. В этом мире все ненавидят друг друга! – с горячностью воскликнула Сесиль.

– Это правда.

– Скажите, – внезапно начала баронесса совсем другим тоном, – а если бы это зависело от вас, вы уступили бы мне спорные владения?

Лицо священника мгновенно приобрело настороженное выражение.

– Вряд ли, – сухо ответил он. – И все же, возможно, я проявил бы большую уступчивость в этом деле... Однако, к чему эти праздные вопросы? Это зависит не от меня.

Не успел он окончить фразу, как ворота внезапно распахнулись и во двор во всем блеске своего величия вошел граф де Леруа. На нем было траурное, черное с серым блио, печальные и меланхоличные цвета которого только еще ярче подчеркивали благородную и эффектную бледность его красивого лица.

Увидев государя, брат Колен поспешно удалился с глубоким, почтительным поклоном.

Баронесса и граф остались наедине. Однако, непринужденная легкость, царившая прежде в их отношениях, куда-то исчезла. Они обменялись несколькими незначительными, пустыми фразами и умолкли.

– Мадам де Кистель, – начал сеньор де Леруа после долгой паузы, – я должен просить у вас прощения за нелепую смерть

вашего супруга... Я сожалею, но так вышло...

– Нет, нет, эти извинения бесполезны, монсеньор. Не говорите мне ничего. Я все понимаю. Барон сам виноват в своей печальной участи. Он нарушил, принесенный вам, обет верности. Он вершил беззакония. Вашим долгом было наказать его. Он сам нашел свою гибель...

– Хорошо... Тогда могу я попросить баронессу об одной милости?

Граф опустил глаза. Его голос звучал неуверенно. Сбивчивое дыхание выдавало внутреннее волнение. Это очень удивило Сесиль. Почти никто не видел государя таким...

– К чему просить меня о милости? – с вежливой улыбкой отвечала она. – Монсеньор имеет полное право приказывать каждому из нас.

Граф стремительно шагнул к ней и громко произнес:

– Станьте моей женой!

Она резко отшатнулась от него, как от внезапно вспыхнувшего пламени. В огромных зрачках Сесиль заметались тени ужаса и отчаяния. Прижав руку к бешено вздымающейся груди, она бросала дикие, блуждающие взгляды то на лежавшего у ее ног мертвеца, то на застывшего перед ней бледного человека в черном. Она напоминала затравленную лань, прижавшуюся к раскидистому дереву...

– Ответьте же мне скорей! – воскликнул граф Леруа, красивые черты которого застыли в скорбной и напряженной неподвижности.

Несколько ужасных мгновений израненная душа Сесиль, как безумная птица, металась и рвалась в теле. Она хотела в неистовстве броситься прочь, подальше отсюда. Но страшная минута прошла. Ее пылающий взор потух. Как сломанное ураганом молодое дерево, баронесса склонилась в полумертвом поклоне и угасающим голосом прошептала:

– Я счастлива принять предложение монсеньора...

Слабая улыбка осветила лицо графа Леруа. Он взял руку баронессы и осторожно прикоснулся к ней губами. Они были ледяными. Потом, не говоря ни слова, государь удалился с изящным поклоном.

Как только стройный силуэт графа скрылся за воротами, Сесиль в отчаянии бросилась в свою комнату. Она изо всех сил толкнула дверь и с размаху кинулась на пол.

Свободна?.. Как только она захотела расправить крылья, ее сейчас же снова поймали в ловушку! Она жаждала жить и быть счастливой. Без них. Но ей этого не позволяли! Слабая женщина... Как ей выжить в жестоком и грубом мире мужчин?! Здесь они отдают приказы и диктуют законы. Как же душно!

Как ей вернуть Волчье Логово? Как получить защиту? Как создать счастье и благополучие своего любимого сына без участия ненавистных и деспотичных мужчин?.. Она обязана быть с ними вежливой и нежной. Но разве кто-нибудь знает, что в ее слабой груди бушует неистовая буря?! Разве они знают хоть что-нибудь о ней?.. Они охотнее говорят со сво-

ими собаками и лошадьми, чем с живой и несчастной женщиной!

Не успела чарующая греза свободы вспыхнуть перед ее взором, как это дивное видение безжалостно стерли жестокие руки! Она думала, что навеки освободилась от грубых и отвратительных прикосновений своего мужа... Что же, вместо них ее ждут приятные улыбки и вежливые речи графа де Леруа. Он не будет ее принуждать, не будет обращаться с ней жестоко. Но за каждой его улыбкой, за каждым жестом, за каждым словом будет читаться суровый приказ, который она обязана будет выполнить! Под этим флером изящества и красоты скрыта непреклонная воля правителя и тонкий ум дипломата... Ей придется сменить сырые, мрачные стены старого замка, которые столько лет были для нее душной тюрьмой, на кукольную клетку его роскошного двора!

Государям не отказывают... Она должна была подчиниться. Из этого жестокого плена, который люди называют жизнью, нет выхода!

О, что прекрасного и возвышенного находят несчастные безумцы в том мерзком и отвратительном, что может происходить между мужчиной и женщиной на этой жестокой земле?! Нет в этом мире ни капли любви друг к другу. Только ненависть. Только мрак. Только холод. Как же прав был Жозеф! Все здесь истлевшие, «раскрашенные гробы»...

Сесиль горько плакала, не пытаясь сдержать судорожных рыданий. Расплывались белила, расплывалась помада... Ее

искусные краски превратились в перекошенную маску дешевой актрисы. А из-под этой маски все явственнее выступали искаженные смертельным отчаянием черты опустошенной, измученной, никем нелюбимой женщины...

По пустой, заброшенной дороге в роскошном портшезе ехал бледный сеньор, облаченный в глубокий траур. В холодной комнате старого замка беспомощно рыдала рыжая женщина. Лучи яркого, полуденного солнца с упоением ласкали мертвое лицо брошенного в просторном дворе, окоченевшего барона де Кистеля...

XXXV. Закон

*Жесток закон, что запрещает горе
И о людском не даст грустить позоре;
Жесток закон, что запрещает смех
При виде милых, радостных утех;
Жесток закон: людей карая строго,
Тирана власть зовет он властью Бога.
«Средневековье». Эпиграф в романе В. Скотта «Айвенго»*

Приподняв занавеску портшеза, граф де Леруа скучающим и рассеянным взглядом смотрел на проплывавшие мимо, однообразные картины. День был ясным и прохладным. Перед взором благородного сеньора зеленели весенние равнины, мелькали одинокие силуэты работавших в поле крестьян и скользили в небесной лазури редкие, маленькие облака.

Окружающий мир был полон ярких красок и света, но в душе у Гильома де Леруа было темно и сумрачно. Бурные и драматичные события последних дней расстроили графа и погрузили его в глубокую тоску. Его спокойный и разумный мир погрузился в туман нелепого и абсурдного кошмара, из которого государь никак не мог вырваться...

У него никогда не было ни желания, ни намерения убивать барона де Кистеля. Ему пришлось это сделать. Он был обя-

зан поддерживать закон и порядок во вверенных ему предками землях. Он должен был наказать взбунтовавшегося вассала и пресечь его преступное своеволие. Оскорбление государя равно оскорблению самого Бога... Он всего лишь выполнял свой долг. О чем тут было размышлять...

И все-таки тревожные мысли не давали графу Леруа покоя. Недавно разыгравшаяся между ним и баронессой де Кистель странная сцена еще усилила его волнение. Разумеется, предложение, сделанное Сесиль графом, было внушено не любовью, и даже не каким-либо увлечением. Тут не было места чувствам. Сеньор де Леруа не привык принимать их в расчет. В сложной и безрадостной жизни государя не было места искренности и эмоциям. Сесиль была приятной, воспитанной и все еще красивой женщиной. Она нравилась графу. Но кто станет думать о таких глупостях, когда речь идет о заключении брака?

Оставшись вдовой, баронесса де Кистель получала в свое распоряжение все владения своего покойного мужа. Ее сын был еще ребенком, и она могла управлять этими землями по своему усмотрению. В будущем она могла получить и Волчье Логово. А это означало, что баронесса становилась владелицей довольно большого феода. Ее владения граничили с обширными землями сеньора де Леруа. А его единственной целью в жизни было расширять оставленный предками домен и укреплять могущество своего графского рода. Поэтому надо было спешить заполучить земли прекрасной ба-

ронессы, пока кто-нибудь другой не вырвал добычу у него из рук! И он успел получить вожделенные владения сегодня утром.

Да, он успел получить их. Но он стоял над телом убитого им человека и смотрел в лицо смертельно бледной женщине, его вдове... Может, от этого на сердце лежала странная, давящая тяжесть? Разве государь должен думать об этом? Какое значение имела смерть дикого барона и непонятное отчаяние этой женщины по сравнению с высоким и великим делом его предков? Какое значение имеют смех и слезы, кровь и боль людей по сравнению с судьбами огромных империй и королевств?.. Это лишь жалкая капля в бушующем море. И все же... это окоченевшее, окровавленное тело... эти угасающие глаза, полные невыплаканных слез...

Гильом де Леруа отпустил занавеску. Она мгновенно упала вниз, и в портшезе стало темно. Он откинулся назад, продолжая предаваться странным и нелепым мыслям.

Да, он получил эти владения. Они были необходимы ему для славы и процветания его прекрасного графства. Они были нужны властителю и государю, монсеньору де Леруа. Но нужны ли они были сидящему в темном портшезе уставшему и скучающему мессиру Гильому?.. Какие странные вопросы! Величественному государю нужна была блестящая и изящная баронесса, которая станет украшением его пышного двора. Но эти рыжие косы, это гибкое тело... нужно ли еще все это неподвижному человеку с тоскующим взглядом?.. А су-

шествует ли он вообще? Тот, кто сидит в глубине роскошного портшеза, растерянно глядя в темноту?.. Или сверкающий и гордый государь давно поглотил его под блеском своего величия и славы?

Портшез остановился. Они прибыли в монастырь Сен-Реми. Очнувшись от туманных мыслей, граф спустился из-за занавесок и вошел во двор обители, где его встретили любезности и поклоны брата Колена.

Монсеньор де Леруа выразил желание поговорить с аббатом, и через несколько минут уже сидел в кресле, напротив настоятеля. Отец Франсуа выглядел измученным и утомленным. Заключение в замке барона и осада монастыря совсем подорвали его силы. Тем не менее, он выразил искреннюю готовность выслушать государя.

Не успел граф начать разговор, как аббат первый обратился к нему:

– Монсеньор, позвольте выразить вам мою горячую благодарность! Вы спасли меня из жестоких рук покойного барона, вы защитили нашу несчастную обитель от его чудовищного произвола. Вот деяния настоящего, доброго христианина. Моя признательность поистине безмерна!

– Поддерживать порядок, бороться с беззаконием и защищать Божьи храмы – мой долг и прямая обязанность, – отвечал граф с мягкой и немного грустной улыбкой.

– Да, это так. Но увы! Как часто благородные властители пренебрегают своим долгом и становятся на тропу насилия

и произвола...

– Ваше преподобие, я пришел к вам по очень важному делу, – резко сменил тему сеньор де Леруа, делая нетерпеливый жест рукой. – Я не люблю пустых разговоров, поэтому сразу выскажусь по сути. Положение, сложившиеся в наших землях, дальше терпеть невозможно. Волчье Логово служит ужасным яблоком раздора для всех сеньоров в этой местности. Оно становится поводом для жестоких войн и чудовищных беззаконий. Так не может больше продолжаться. Нужно положить этому конец.

– О, монсеньор, влияние этого проклятого Господом владения на умы и души людей безмерно печалит меня! Но что мы можем сделать? Обратиться к самому графу д'Эно или епископу Льежскому? Принесет ли это хоть какую-нибудь пользу? Милый юноша, прибывший к нам от бальи, не смог и на волос приблизить решение этой запутанной тяжбы...

– Именно поэтому я думаю, что мы должны найти разумное решение сами. Великий граф и почтенный епископ не знают наших дел. Мы должны действовать сами. Этот спор должен быть окончательно решен. И неважно как.

– Простите, монсеньор... Я не понимаю вас.., – произнес аббат, удивленно глядя на графа де Леруа.

– Брат Жозеф не имел права дарить свое владение церкви. Ваша обитель удерживает Волчье Логово незаконно. Уступите его баронессе де Кистель, и все ссоры из-за него будут закончены раз и навсегда.

– Невероятно! – воскликнул настоятель. – Что я слышу?! И это говорит благородный и уважаемый сеньор и могущественный государь?!

– Что вас так удивляет? – с заметной досадой спросил граф. – Это было бы мудрым решением. И это было бы согласно обычаям и закону.

– Согласно обычаям и закону?! – вспыхнул отец Франсуа. – О каком законе вы говорите?! О том, который преследует обиженных и обделенных? О том, который наказывает несчастных без капли милосердия? Семья Жозефа погибла по вине родственников Сесиль! Это владение принадлежит ему по обычаю и праву. Он волен поступать с ним, как пожелает. Я ничего не хочу знать о вашем жестоком и несправедливом законе! Мне нужна справедливость! Должно быть, вами тоже руководит какая-то выгода, которую вы пытаетесь прикрыть ветхими одеждами сурового закона...

– Мной руководит выгода? Вы смаете обвинять меня в этом?! Всю мою жизнь поглотили высокие стремления к миру, порядку и заботе о моих подданных! Неужели вы думаете, что для меня есть что-либо важнее самопожертвования и долга?! Вы обвиняете меня в поисках низкой выгоды и потакании собственным желаниям. Но разве церковь не ищет возможности при всяком удобном случае расширить свои владения, как это делаю я? Разве помыслы монахов далеки от всего земного?

– Да, так поступают многие слуги церкви. Но не я. Я не

жажду богатств и владений. Не ищущу роскоши и выгоды. Ищущу лишь возможности следовать по пути Спасителя, помогать несчастным и нести его крест... Больше мне ничего не нужно в этом мире. Мне не нужна та заброшенная земля. Нужна лишь справедливость, которую вы так грубо хотите нарушить!

– Я готов пренебречь справедливостью, если речь идет об интересах моего графства! – с глубоким убеждением воскликнул государь. – И никто не посмеет помешать мне. Моя цель слишком высока и прекрасна, чтобы я стал смотреть на сопротивление несчастных, которые дерзнули встать у меня на пути!

– Что ж, пренебрегайте. Угрожайте. Чудесный путь открывается перед вами, монсеньор! Последуйте примеру храброго барона де Кистеля! Захватывайте все, что вам вздумается! Бросайте невинных людей в подземелья! Вы думаете, раз вашу грудь прикрывают яркие, расшитые наряды, мир не заметит под ними жестокого насилия и властного произвола? Да, вы великий государь. Но государь должен следовать справедливости и правде. Помните, что над головами государей, так же, как над головами простых смертных, существуют высокие Небеса!

– Еще никто не смел так дерзко и самонадеянно говорить со мной. Еще никто не платил мне за расположение к нему такой чудовищной и черной неблагодарностью!

– В моем сердце нет неблагодарности, монсеньор. Напро-

тив. Вы свернули с дороги справедливости и человечности. Я хочу вернуть вас на истинный и достойный путь.

– Я не позволю, чтобы мне указывали дорогу. Ничьи замыслы не могут стоять выше моих, – надменно проговорил граф, глядя на аббата ледяным и негодующим взглядом. – Раз вы не хотите уступить мне по-хорошему, прощайте. Вы теряете друга.

– Видно, в этом мире не может быть друзей, раз даже самые лучшие из них стремятся примерить на себя образ наших злейших врагов, – ответил настоятель, грустно покачав головою.

Не успел граф де Леруа покинуть келью, как в нее стремительно вошел брат Колен. Его обычно столь спокойные черты были искажены гневом.

– Что вы натворили?! – дерзко обратился он к настоятелю. – Вы совсем лишились разума? Как вы исполняете свои обязанности? С каким лицом вышел отсюда монсеньор де Леруа... Как вы могли отказать ему в его просьбе? Как могли говорить с ним в таком оскорбительном тоне? Он наш единственный покровитель. Вы перечеркнули все будущее обители! Вы с ума сошли?!

– Вы подслушивали под дверью? – резко бросил отец Франсуа в лицо Колену.

– Какое это имеет значение, когда я говорю вам о таких важных вещах?

– Только это и имеет значение!

– О чем вы говорите, святой отец? Вы совсем забыли о своем долге? Интересы нашей святой обители, интересы нашей Матери Церкви требуют...

– Мне нет никакого дела до интересов церкви, графств и обителей! – изо всех сил крикнул отец Франсуа. – Меня волнует только кровь и слезы людей! Убирайтесь прочь, Колен! Я не желаю вас видеть! Я никого больше не желаю видеть!

* * *

Вечером того же дня брат Колен сидел в своей келье и быстро водил пером по шуршащей бумаге. Из-под пера ложились на листок ровные и красивые строчки. Свеча, горевшая на столе, освещала своим неровным светом суровые черты и плотно сжатые губы сосредоточенного монаха. Он писал жалобу епископу Льежскому на дерзкое и недостойное поведение отца Франсуа и просил, как можно скорее, сместить его с почетной должности аббата.

XXXVI. Уговоры

Здесь он мне и не нужен, отец! Эту частицу времени, крохотную, будто капля росы... да ее с жадностью поглотит сама мечта о Фердинанде!

Ф. Шиллер «Коварство и любовь»

Колдовство, жертвой которого пал капитан, казалось неопровержимо доказанным, и цыганка, эта восхитительная плясунья, столько раз пленявшая прохожих своей грацией, преобразилась в ужасающего вампира.

Виктор Гюго «Собор Парижской богородицы»

Отец Франсуа сидел возле открытого окна в замке де Сюрмон и ждал мессира Анри. За окном колыхались от тихого, нежного ветра тонкие ветви плакучей ивы, щекоча кончиками старый, холодный подоконник. Еле слышно шумела юная, светло-зеленая листва. Маленькие, неугомонные птички порхали с ветки на ветку, вызывая добрую улыбку на губах настоятеля...

С детства он привык находить утешение от горестей и отдых от мирских развлечений в простых и умиротворяющих картинах природы. Отец Франсуа знал, какого цвета бывают облака на закате, как поет та или иная лесная птица, где растут самые чудесные и ароматные полевые цветы... Природа

была для него храмом в большей степени, чем его церковь. Холодному сиянию витражей он предпочитал блеск лунных лучей на неподвижной глади речных вод, величественным сводам – прохладную лесную тень, торжественному хору монахов – нестройный и веселый птичий щебет. Он всем сердцем любил этот неброский, равнинный край, где протекла вся ее спокойная, тихая жизнь.

Да, вот она медленно подошла к последнему пределу и невидимым песком бежала сквозь пальцы... А казалось, еще вчера он очаровывал своим тонким обаянием пленительных дам... Еще вчера преклонял колени перед алтарем, твердо произнося слова священных обетов... А потом ему улыбалась черноглазая женщина в белом покрывале, и улыбка ее была дороже тысячи обетов и сотен незнакомых миров...

И вот, теперь он одиноко сидит под ветвями раскидистой ивы. А теплый ветер тихонько играет с его побелевшими волосами... Он чувствовал себя таким больным и усталым! Несчастный старик среди острых мечей разъяренных воинов. Под ударом железной воли всемогущего государя. Гонимый ветром осенний листок... И все же... Он все еще сидел под колеблющимися ветвями. Все еще видел лучезарный свет солнца. А не томился в сыром и темном подземелье. А значит есть то незримое, что таится в старом, измученном теле... То непобедимое, что сильнее мечей и решеток...

Неторопливые шаги сеньора де Сюрмона вывели аббата из задумчивости. Через мгновенье старые друзья сидели ря-

дом. Они меланхолично вглядывались в далекий горизонт, обсуждали повседневные заботы и предавались чарующим воспоминаниям. Мессир Анри хвалил брата Жозефа за его усердие в науках и строгость к девушкам. Настоятель делился горестями последних дней. Когда он упомянул о визите графа де Леруа, сеньор де Сюрмон внезапно спохватился:

– Пойдите. Ведь граф почтил своим присутствием и мой скромный замок. Я чуть было не забыл о радостной новости...

И он тут же велел одному из слуг позвать старшую мадемуазель де Сюрмон.

Девушка вошла в залу несмелым шагом. Ее домашнее платье было в обычном беспорядке. Под глазами залегли глубокие, темные тени. Бланш остановилась посреди залы с каким-то отстраненным и замкнутым видом.

– Подойди сюда, дитя мое, – ласково обратился к дочери мессир Анри. – Ты стала такой хорошей и послушной девочкой. Но в последние дни ты еще более молчалива и потеряна, чем раньше... Мне это не нравится. Молодой девушке не дело грустить. Тебе скучно в нашем старом замке... Но я хочу тебя обрадовать. Монсеньор де Леруа просил твоей руки для своего сына. Скоро ты выйдешь замуж и уедешь отсюда...

Стройная тень отшатнулась и замерла в жуткой неподвижности. Замерли ветки ивы за окном. Стих теплый ветер. В комнате остались только огромные, темные глаза, полные ужаса и мрака...

Наконец упала завеса застывшего времени и с побелевших губ еле слышно сорвалось:

– Это невозможно...

– Что с тобой, Бланш? – спросил встревоженный сеньор де Сюрмон. – Уж не больна ли ты? К чему эти детские страхи? Все девушки рано или поздно выходят замуж. Это большая честь для нас. Я отправляю тебя в знатный и могущественный дом...

– Вы не понимаете, – бился трепещущий, нервный голос, – это невозможно. Я не могу быть ничьей женой. У меня уже есть возлюбленный. Я всем сердцем люблю Юсуфа!

– Юсуфа! – воскликнул потрясенный аббат, хватаясь за сердце. – Несчастное дитя! Ради всего святого, скажите мне, откуда вам известно это имя, которое навеки должно быть предано забвению?!

– Он сам назвал мне его. Его зовут Юсуф. Как великого Саладина...

– Силы небесные! Бедная девочка! Скажите мне, что вы бредите, что вы в горячке, что у вас помутился разум! – крикнул отец Франсуа, бросаясь к ней.

– О нет, святой отец! Все, что я сейчас говорю вам, я могла бы повторить и на Страшном суде. Я безмерно люблю Юсуфа! Я его возлюбленная. Я его супруга. Я принадлежу ему навеки.

– Что ты сказала, безумная девчонка?! – воскликнул похолодевший сеньор де Сюрмон. – Неужели ты посмела на-

столько позабыть о стыде и добродетели?! Неужели я слышу такие бесстыдные слова из уст собственной дочери?! О, достойное наказание за мою проклятую снисходительность!

– Умоляю вас, мессир Анри! Бедная девочка не понимает, что говорит...

– Не понимает, что говорит! Это вы послали в мой дом этого мерзкого язычника, не имеющего ни единого христианского понятия! Это по вашей вине он внес пламя разрушения в мою семью! Не могу поверить! Как проклятому сарацину удалось соблазнить мою скромную и тихую дочь?! Если бы то был хотя бы ослепительный и изящный кавалер, но это жуткое существо!

– Вы забываете, что он такой же мужчина, как всякий другой. Даже хуже! Он еще неистовее и опаснее... Пресвятая дева! Что же я натворил?!

С этими словами отец Франсуа в отчаянии рухнул на стул, сжав виски руками.

– Я убью эту языческую тварь! – исступленно выкрикнул сеньор де Сюрмон.

– Вы не убьете его, отец! – с невероятной силой и убеждением воскликнула Бланш.

– Я не убью его? – переспросил мессир Анри дрожащим от гнева голосом. – Это почему? Неужели ты, глупая девчонка, думаешь, что сможешь его защитить?

– О нет, дело совсем не в этом. Вы не убьете Юсуфа, потому что он сильнее вас. Он сильнее всех...

Сеньор де Сюрмон в страхе смотрел на свою дочь, повторяющую дикие, бессвязные слова. Ее лицо пылало. Судорожным движением она растегнула верх платья. Потом бросилась к окну, вода дрожащими руками по шее и волосам, от чего ее косы ужасно растрепались. Она была будто одержима дьявольским, нечистым духом. Он не узнавал в этой мечущейся в поисках выхода из невидимого тупика женщине свое невинное и дорогое дитя...

– Нет, нет, нет! – горячо вмешался отец Франсуа. – Никаких убийств, никакой крови! Всем нам нужно успокоиться. Из этого ада должен быть путь на небо. Я уверен, государь простит вас, заблудшее дитя. Он добрый и образованный человек. Он поймет, что вы стали жертвой безумных страстей и чужой порочности. Вам надо только позабыть ваши чудовищные грезы! Забыть Жозефа и больше никогда не произносить его языческого имени...

– Она непременно забудет этого ужасного человека, если ей дорого доброе имя ее отца!

Бланш повернулась к ним. Прижав ко рту свои худые, тонкие пальцы, она рассмеялась, как безумная.

– Забыть Юсуфа?! О чем вы говорите? Разве вы не понимаете? Забыть Юсуфа! Сорвите с меня эту кожу, которая горит от его поцелуев! Отберите у меня воздух, который разлит вокруг! Заставьте мое сердце перестать биться! Даже тогда я его не забуду! Пока последняя капля моей крови, пока самая ничтожная частичка моего тела будет существовать,

она будет отражением Юсуфа! Все мое существо пропитано им! Я полна его дыханием! Весь мир полон им! Если я тысячу раз умру, Юсуф останется!

– Вы обезумели! Вы больны, вы одержимы! – с отчаянием и глубокой жалостью произнес аббат.

Бланш устремила на него взгляд, полный невыразимого страдания, и из самых глубин ее существа вырвалось:

– Я всего лишь люблю его! Это так много и так мало...

– Дитя мое, придите в себя. Зачем так мучиться? – с нежным состраданием обратился к ней отец Франсуа. – Пройдет немного времени, ваш рассудок успокоится, и вы сами будете сожалеть о том, что натворили. Вы еще можете спасти вашу душу от ада, а жизнь – от жестокого разрушения. Вернитесь на путь добродетели. Господь милосерден к заблудшим...

– Время? – выдохнула несчастная Бланш. – Что мне до времени? Я знаю, что даже вечность не смогла бы вместить и жалкой капли моей любви к Юсуфу! О, если бы вы только почувствовали это... Тому, что пылает в моей груди, тесно в мире и мало вечности... Вы говорите, что это пройдет, что оно разрушит мою жизнь... Так что ж? Тогда мне не нужна вся ваша холодная вечность, спасение души и будущая жизнь! Этим мертвым драгоценностям я предпочту одно-единственное жгучее мгновенье, в котором мне будет позволено любить Юсуфа!

Бланш с силой вырвалась из рук аббата. Она стояла в про-

еме двери, бледная, со сверкающими глазами, гордая своей безумной страстью.

– Ты не посмеешь ослушаться меня! – яростно выкрикнул сеньор де Сюрмон. – Ты выйдешь замуж за монсеньора Тьерри!

Тогда его нежное дитя страшно улыбнулось.

– Как все вы слепы! Если до сих пор меня не остановил ни Бог, ни дьявол, как же сможет остановить родной отец?..

* * *

Чтобы успокоиться после тяжелой сцены, разыгравшейся в зале, сеньор де Сюрмон вышел во двор замка подышать свежим воздухом. Шелестящие ветви плакучей ивы касались его лица. Под ногами ветер играл худыми травинками. По лазурному небу стремительно неслись вытянутые, причудливые облака.

Но мессир Анри не замечал всего этого. Он стоял в глубоком оцепенении и думал о своем маленьком ангеле, из-под оболочки которого только что проглянул демон...

Он был бы потрясен меньше, если бы о добродетели забыла веселая и кокетливая Клэр. Но как могла это сделать его сосредоточенная, скромная Бланш?.. Хрупкая, воздушная Бланш, которая в детстве играла с его старыми, изрубленными доспехами... Он любил ее. Иногда он сажал ее в седло и тихонько катал по двору. Целовал ее светлую дет-

скую головку и осторожно гладил ее волосы...

А она выросла и так жестоко и внезапно ранила его заботливое сердце!

О, как можно было поверить, что из его нежной феи выросло жуткое и нечестивое существо? Но почему у нее всегда были такие темные, странные глаза, светившиеся недобрым, загадочным огнем?..

Неужели этот бесплотный, прозрачный ангел по своей воле упал в неистовые объятия уродливого сарацина?! Неужели она была одной из тех сладострастных и испорченных ведьм, которые вступают в любовную связь с демонами, и которых следует безжалостно предавать огню?! Белоснежная, невинная белизна и чудовищное, темное уродство...

Отвратительный язычник похитил душу и тело его хрупкой дочери! От этих мыслей кровь вскипала в жилах сеньора де Сюрмона... а на глазах выступали слезы...

Объясни, девочка, чего тебе не хватало под ветхой крышей старого отцовского замка? Почему ты бросилась в беспросветную ночь, которой не будет конца?.. И почему, когда тебя хотят спасти от злых чар, ты вырываешься так, как будто спасение тебя убивает?..

XXXVII. Свидание

А я – я ношу тюрьму в себе. Зима, лед, отчаяние внутри меня! Ночь в душе моей!

Виктор Гюго «Собор Парижской богородицы»

Когда я была маленькой, и мои груди едва наметились, меня уже переполняла любовь к моим куклам; и непременно одну из них я назначала влюбленным принцем, а другую – его возлюбленной. О, если бы тогда мне сделали насечку на груди, она бы стала истекать любовью – как те растения, что источают млечный сок, чуть им надрезжут стебель. Я только и умею, что любить.

А. де Монтерлан «Мертвая королева»

Закрываются наглухо врата.

Не убежать из мира скорби.

«Повесть о прекрасной Отикубо»

Ночь была тихой и прекрасной. Черное, высокое небо все было унизано сверкающими пылинками серебристых звезд. Голубоватый, холодный лунный свет озарял одинокую черную фигуру у старой, полуразрушенной ограды замка де Сюрмон. Резные листья виноградных лоз, обвивавших каменную стену, чуть подрагивали от невидимого, ночного

ветра. Было тихо и очень светло. Ни облака на небе. Ни звука в природе. Лишь разлитый по всему миру прозрачный и ледяной лунный свет...

Вдруг стоявший у ограды человек услышал таинственный шорох и поспешил к разрушенной временем стене. На руки ему мгновенно соскользнуло хрупкое и легкое создание.

– Я думал, ты не придешь сегодня, – сказал он, но в словах его вместо упрека звучало искреннее волнение.

Вместо ответа девушка обняла его за плечи и бессильно склонилась ему на грудь.

Он осторожно взял ее голову, откинул с лица спутанные светлые волосы и повернул ее к свету. В мерцающих ледяным блеском лучах луны он увидел бледное лицо девушки, на котором застыло выражение глубокого отчаяния и скорби. Глаза ее были заплаканы.

– Что с тобой? Кто причинил тебе боль? Кто заставил плакать мое бедное дитя?

– О Юсуф, Юсуф, – нервно вздыхая, прошептала она, – если бы вы только знали, какое ужасное несчастье меня постигло! Море тьмы смыкается над моей головой. Мне так холодно! О, мне чудится, будто я тону в ледяной воде, и все покинули меня... Я не больше, чем жалкий, высохший листок на осеннем ветру...

– Ты говоришь загадками. Скорее объясни мне, в чем дело!

– Монсеньор де Леруа приезжал к нам в замок. Он просил

моей руки для своего сына! Господь свидетель, я всей душой противлюсь этому! Но они заставят меня... Ах, Юсуф, ведь они заставят меня, я знаю!

Потрясенный сарацин застыл в бледном лунном свете. Выражения удивления, гнева, печали и отчаяния неуловимо и стремительно сменялись на его лице.

– Этого нельзя допустить, – вполголоса произнес он, как будто говоря сам с собой. – Ты можешь быть только моей возлюбленной... Но... Что же делать?..

– Увезите меня отсюда! – горячо воскликнула Бланш. – Увезите! Спасите меня! Я люблю вас всем сердцем! Я не вынесу ни мгновенья наедине с другим мужчиной! О, я еще так молода... Почему они хотят похоронить меня заживо?! Ведь моя душа умрет в то же мгновенье, как меня разлучат с моим Юсуфом! Я умоляю вас, увезите меня поскорее! Увезите от этих мрачных стен и злых людей, среди которых ненависть подобна добродетели, а любовь – преступлению! Я задыхаюсь здесь! Я бьюсь крыльями об ограду из мрака... Спасите меня! Вырвите меня из этого черного ада!

Он задумчиво покачал головой.

– Увезти тебя? – мрачно переспросил сарацин. – Но скажи мне, куда мы поедем?

– Куда угодно, лишь бы сбежать из этого мертвого мрака! Рядом с вами любое место на земле, каким бы оно ни было, станет мне родным домом.

– Милосердный Аллах! Сколько наивности и веры в луч-

шее в этом невинном ребенке! Бедняжка, ты ничего не понимаешь... В этом темном мире все не так просто, как представляется твоему детскому разуму. Куда нам идти? Куда бежать от этой тьмы? Мне придется покинуть дорогие моему сердцу витражи, тебе – отца и родной дом...

– Но ведь я уже сказала вам: только позовите, и я покину его сейчас же!

– Пусть так. Но кто примет нас? Кто даст нам приют? Кто выпустит к себе бездомного художника, сбросившего монашескую сутану, и несчастную, опозорившую себя, девушку из благородного рода?.. Да и как такое хрупкое, прозрачное существо, как ты, сможет выдержать все тяготы и опасности долгого пути? Два дня бродячей жизни сломят и убьют тебя! Разве я смогу это вынести? Нет, ты создана не для этого...

– О, если никто не примет нас в этом краю, отвезите меня на вашу родину, в прекрасный и солнечный Аль-Андалус! Это рай! Там мы будем спокойны и счастливы... И там мне разрешат наконец открыто любить моего императора и господина!

– Откуда тебе это известно? Моя сказочная страна далеко. Я знаю ее всего лишь как волшебную, но недостижимую грезу... Сможем ли мы туда добраться? А если сможем... Увы... Не окажемся ли мы ненужными и чужими в этом море воздуха и солнечного света?.. Посмотри вокруг. Здесь каждый ненавидел меня за мое происхождение, веру и цвет моей кожи. Быть может, и там люди станут презирать нас за то, что

мы столько лет прожили среди христиан... Я был черным демоном для белолицых людей твоей страны. Не станешь ли ты пугающим белым призраком в толпе темнокожих почитателей Аллаха?.. Да и я, кто я такой? Жалкий безумец без дома, народа и веры... Разве я христианин? Я читаю намаз и в моей голове звенят строчки из Корана. Моя мать и тени моих предков – все они были мусульманами. Но разве я добрый мусульманин? Я живу в храме иноверцев, я пою хвалу богу их словами, я никогда не видел моей страны! Я несчастный художник. Моя религия – вдохновение. Мой безумный дух затерялся между двумя враждующими мирами... Я мог бы счастливо жить и под южными, и под северными небесами. О, разве под этим огромным и бездонным небосводом не хватило бы места для каждого?.. Но то, что способны принять бескрайние небеса, отвергают безжалостные люди!

– Юсуф, неужели у нас нет выхода?! Неужели мне суждено погибнуть?! – воскликнула Бланш, душа которой делала последние судорожные взмахи, пытаюсь вырваться на волю. – Неужели бежать и вправду некуда?..

– Боюсь, что это так, – с горечью ответил сарацин. – Подумай сама. Куда бы мы не отправились, мы повсюду будем наткаться на вражду и ненависть, произвол и несправедливость! «Нет земли без сеньора», – гласит старый обычай. Везде нам встретятся лишь алчные и жестокие бароны, вроде Годфруа де Кистеля. Этот проклятый мир, словно пчелиный улей, поделен на фьефы и феодалы. Он похож на мрачную

тюрьму с цепями и подземельями, из которой нет выхода... Да и Волчье Логово... Неужели оно так и достанется моим врагам? Стоило ли столько лет отравлять себя черным ядом мести, чтобы однажды сохранить им жизни и оставить им в дар мой старый замок!

– Молю вас всей своей израненной душой, забудьте об этом! – вскричала Бланш с последней надеждой кидаясь к своему возлюбленному. – Оставьте жизни своим врагам. Их ненависть и злоба уже сожгли их изнутри... Освободитесь из этого каменного круга и летите к свету! Ведь в Священном Коране сказано: «...кто сохранит жизнь человеку, тот словно сохранит жизнь всем людям».

– Эти слова полны возвышенного смысла, но разве сбываются они в жизни? Даже если я откажусь от мести и разорву порочный круг вражды и ненависти, он будет держаться на жестокости и тщеславии остальных сеньоров.

– Значит мы обречены на вечное несчастье и погибель? – тихо спросила несчастная девушка.

– Не только мы. Всем в мире уготована эта печальная участь. Но даже если нам удастся бежать... О, меня мучит страшное сомнение! Я долго думал об этом, но не решался тебе рассказать... Даже если мы убежим, всегда ли мы будем счастливы?.. Я пламенно люблю тебя! Ты нужна мне. Ты свет и радость моей черной жизни. Но иногда... Иногда мне приходят странные мысли... Я думаю о том, может ли человеческое счастье, может ли пылкая любовь длиться вечно?

Быть может, и ей когда-нибудь приходит конец? Но тогда... тогда какой во всем этом смысл? Этот мир – холодная и злая тюрьма. И человек – тюрьма. В нем заперты тяжкие горести и страхи. Ему некуда бежать от своей вечной, вселенской тоски... Но разве любовь может утолить ее? Разве может она навеки избавить от боли?! А иначе... Иначе для чего это все?.. Мы с тобой принадлежим друг другу. Но смог ли я постигнуть твою душу, смог ли разгадать ее тайны? Неужели нам суждено всегда смотреть друг на друга сквозь стену сверкающего льда?.. Неужели, соединяя уста, сплетая руки, мы навеки останемся чужими друг другу и смертельно одинокими?! Как же это невыносимо больно! Я отдал бы мир, чтобы понять тебя! Но увы, все жертвы будут для этого слишком малы и бесполезны... Люди не могут понять друг друга. Не могут заглянуть в душу самого дорогого и любимого существа! Это меня убивает! Скажи мне, что дает любовь, если она не дарит душевной близости и понимания?! Что может она дать нам?!

– Какой вы ужасный! Какой жестокий! – в исступленном порыве выкрикнула она. – О, как же вы не понимаете?! А ведь нет на свете ничего проще! Я ничего не хочу брать! Мне не нужно от вас ни капли! Я хочу лишь отдать! Отдать вам все, что имею! Отдать до дна и без остатка! Возьмите мою душу, мое тело! Всю мою кровь! Заберите и саму жизнь, если она вам будет нужна! У меня нет ничего, чего бы я вам не посвятила... Мой голос, мои вздохи, мои мысли и чувства,

каждое мгновенье моей несчастной жизни – все это принадлежит вам! А мне... Мне самой ничего не нужно! Вы говорите мне: может ли любовь длиться вечно? Спрашивайте меня об этом каждое утро, и мой ответ будет неизменен! Не только в этой жизни... Я буду любить вас и за гробом... Никогда не потухнет это пламя, которое вы зажгли в моем сердце! О, если бы вы только знали! Моя любовь существовала еще тогда, когда вас не было рядом... Когда я была еще совсем девочкой, на закате я вздыхала о своем великом возлюбленном... Когда я задумчиво причесывала волосы, это его силуэт я видела в зеркале! Это прикосновения моего бога и государя смущали меня во сне... О, Юсуф, это о вас я грустила, это вы касались меня! Это вас я так безумно любила! Только я еще не знала этого! Но с тех пор, как я увидела вас под ветвями ивы и иней упал на мои волосы, нет для меня возврата к прошлому! Нет счастья и нет спасения! Я люблю вас без меры и с радостью бросаюсь в пропасть... А вы говорите, что моя любовь не может утолить вашу бездонную тоску! Но если это так... Если я не могу согреть и излечить вас, тогда зачем мне моя жизнь?!

Бланш беспомощно села возле старой ограды. Юсуф взглянул на нее. Ее лицо казалось мертвым. Глаза были холодными, тоскующими и страшно пустыми...

Пораженный сарацин бросился к ногам девушки, схватил ее похолодевшие руки и осыпал лихорадочными поцелуями.

– О, тысячу раз забудь мои мрачные слова! Они порож-

дены безумием и болезнью. Я сам не знаю, что говорю. Прости меня, Бланш! Я люблю тебя! Ты моя самая великая драгоценность! К чему нам думать о темном мире?.. Нам будет достаточно нашей страсти, чтобы хоть немного его осветить. Ты нужна мне. Я увезу тебя. Завтра. Дай мне только попрощаться с отцом Франсуа. Он очень болен... Он так дорог мне! А потом... Потом мы будем свободны! Ведь правда?

– Завтра я буду ждать вас в старой башне. Я отнесу туда свои вещи, – еле слышно откликнулась она.

– Но ты прощаешь меня? Ты больше не будешь печалиться? Я не хочу причинять тебе боль своими безумными страхами! Скажи, что прощаешь, иначе я не успокоюсь...

Бланш подняла на него свои темные, глубокие глаза, полные непролитых слез, и ответила дрожащим от пережитого волнения голосом:

– На свете нет такой вещи, Юсуф, которую я не смогла бы вам простить...

Он коснулся ее бледного лба жгучим поцелуем и быстро зашагал в сторону монастыря. Вскоре его силуэт поглотили ночные сумерки.

А девушка продолжала без движения сидеть на холодной земле, словно поникшая лоза, утратившая свою каменную опору...

XXXVIII. Воспоминания

О небо! Любить ее ножку, ее ручку, ее плечи; терзаясь ночи напролет на каменном полу своей кельи, мучительно грезить о ее голубых жилках...

Виктор Гюго «Собор Парижской богородицы»

Вот она, моя дочь. Вот ее шейка, ее глазки, ее волосы, ее ручка. Видали вы кого-нибудь прекраснее, чем она?

Виктор Гюго «Собор Парижской богородицы»

Когда Жозеф вернулся в обитель после долгого и тяжело-го свидания с Бланш, первые лучи рассвета уже наполнили пустынные монастырские залы. Было сумеречно и тихо. Вдалеке, под темными сводами, только что замер нестройный хор голосов. Месса была окончена.

Сарацин хотел незаметно проскользнуть в свою келью, но его остановил внезапно выросший из сумерек брат Колен:

– Где вы были? Мы долго искали вас. Это переходит все границы дозволенного! Вас немедленно хочет видеть настоятель. И он в гневе.

Жозеф ничего не ответил и пошел за Коленом в келью аббата.

После дикой сцены в замке де Сюрмон и страшных откровений Бланш, отец Франсуа уже не вставал с постели. Когда

они вошли, то увидели его измученное, желтоватое лицо при ярком свете единственной стоявшей на столе свечи. В ровном, пылающем круге света черты старого аббата, кровать на которой он лежал, и все остальные освещенные предметы приобретали до боли резкие и четкие контуры... Выражение лица настоятеля было сухим и жестким. Он даже не взглянул на вошедших.

– Оставьте нас с Жозефом наедине, – строго приказал аббат. – Но не уходите далеко. Скоро вы с Ульфаром мне понадобятся.

Как только дверь закрылась за братом Коленом, отец Франсуа повернулся к сарацину. В его взгляде гнев мешался с болью.

– Наконец-то вы изволили явиться по приказу своего настоятеля, – начал он резким и взволнованным голосом. – Бог свидетель, я всегда любил вас, всегда был с вами милосерден, чего мне вовсе не следовало делать... Но сегодня... сегодня чаша моего безграничного терпения переполнена! Я отказываюсь отныне защищать вас. Есть проступки и преступления, которые заставляют леденеть кровь в жилах! Я всю свою жизнь хотел верить в то, что вы капризное, но в сущности совсем не злое дитя, что у вас возвышенная душа и восторженные мысли. Да, в вас было много огня, но этот огонь представлялся мне светлым и вдохновенным... Все вокруг твердили мне, что вы мрачный демон и опасный безумец. Напрасно! Я отказывался этому верить. О, какими сле-

пыми и беспомощными делает нас любовь! Как она застилает наш взор темной, туманной завесой, сквозь которую мы видим не истинный облик человека, но лишь смутные его очертания...

– Я не понимаю, о чем вы говорите. Что я сделал? – прервал его Жозеф.

– И вы смеете с таким чудовищным спокойствием спрашивать это у меня?! – воскликнул невероятно возмущенный настоятель. – Давным-давно я должен был раскрыть глаза, поверить здравым суждениям людей и увидеть вашу истинную природу! Я послал вас на службу в честный и благородный дом, я представил вас моему другу... И что же вы сделали? Вместо того, чтобы верно служить славному сеньору и учить его юных дочерей, вы совратили, а может быть даже, взяли силой несчастную, ничего не ведавшую девушку!

– Это неправда! – с силой воскликнул сарацин. – Мы полюбили друг друга! Если она и была создана для кого-то, то только для меня. Иначе мое безумие и мои темные страсти не нашли бы отклика в ее полудетской душе!

– Вы хотите сказать, что бедняжка сама виновата в своем падении?! – задыхаясь, спросил аббат.

– Я хочу сказать, что в этом не виноват никто!

– Не спорьте со мной! Замолчите сейчас же! Вы порочное и преступное создание! Все мои трепетные усилия вселить в вашу душу хотя бы долю ответственности и христианской веры были напрасны! У вас нет ни одного здорового челове-

ческого понятия! Вы не знаете законов морали, не ведаете разницы между добром и злом! Грех и добродетель для вас не более, чем пустой звук! Вы следуете только своим жестоким желаниям! Вам нельзя оказывать доверие, ибо вы его дерзко обманете! Вам ничего неизвестно об угрызениях совести! Нет преград для ваших мрачных страстей и преступлений! Вас невозможно изменить! Вы сжигаете своим дыханием все на вашем чудовищном пути! Остается только безжалостно остановить вас!

Потрясенный этой страшной вспышкой гнева, этими жестокими и невероятными в устах милосердного аббата словами, Жозеф смотрел на отца Франсуа широко раскрытыми глазами и глотал невыносимую горечь обиды и отчаяния...

Тем временем аббат позвал монахов, которые уже ждали за дверью и сурово произнес:

– Брат Жозеф грубо и дерзко нарушил правила нашего священного устава. Мы обязаны строго наказать его. Уведите его и запирайте в подземелье!

– Нет! Не делайте этого! – с дикой силой крикнул сарацин, вырываясь из рук державших его монахов. – Я люблю ее! Разве вам известно, что это такое?! Пусть я не знаю ваших понятий добра и зла, но сегодня это вы, а не я, все разрушите!

Братьям пришлось связать его, чтобы наконец увести. В келье остались лишь старый настоятель и пляшущий огонек свечи...

Отец Франсуа бессильно откинулся на подушку. Несмотря на то, что он победил чувства и исполнил свой долг, он не чувствовал ни радости, ни просветления. Ему было тяжело, душно и тоскливо. И внезапно затуманенный мозг его, словно вспышка молнии, пронзила фраза, которую он бросил в лицо графу де Леруа: «Бросайте невинных людей в подземелья!» Он знал, что Жозеф был виновен. И все же... Ослепленный гневом и возмущением он бросил несчастного сарацина в тюрьму, подобно жестоким и своевольным сеньорам, с произволом которых он боролся всю жизнь... Для чего? Для того, чтобы однажды, забыв о милосердии и сострадании, вот так же бросить в темницу живого человека, не выслушав даже его оправданий?.. Все это было невыразимо чуждо и противно натуре аббата. Его поступок казался ему жестоким и ужасным. Неужели однажды несчастный Жозеф освободил его из-за тяжелых решеток, чтобы он из невинной жертвы превратился в жестокого гонителя?!

Из последних сил приподнявшись на постели, отец Франсуа нервно позвал брата Колена. Тот безмерно удивился, услышав, что настоятель требует снова привести к нему узника.

Когда сарацин снова появился в келье, он был пугающе спокоен, равнодушен и бледен. Взор его потух. Черты застыли в странной неподвижности.

Взглянув на него, отец Франсуа с искренней жалостью произнес:

– Жозеф, мне недолго уже осталось пребывать на этом свете. Но все это время я буду горячо молиться, чтобы вы простили мне эту горькую четверть часа, на которую я лишил вас свободы и вверг во мрак... Моему поступку нет оправданий. Прошу вас, высказитесь в свою защиту. Откройте мне свою душу... О, почему вы раньше этого не сделали?..

Сарацин медленно опустился на колени и сел у постели настоятеля.

– Увы, – отвечал он еле слышно, – что я могу вам сказать? Я люблю ее. Да, я безумен и несдержан. Но в этот раз я не хотел ни боли, ни зла. Хотел лишь лучшего. Она сама отдала мне свое сердце, а потом и тело... Ничего из этого я не брал силой. О, вам не понять... Но это так удивительно и так согревает душу, когда хоть единственная женщина на свете отвечает нежностью и пылкой страстью на мои жестокие, звериные ласки! И ее глаза полны глубокой и самой искренней любви... тогда как глаза других наполнялись лишь отвращением и страхом... Как мог я после этого пожелать ей зла? Я хотел в едином вздохе излить ей всю свою тяжелую страсть, все бешенство, всю нежность... О да! Ее восторженный взгляд и наивная доверчивость будили во мне невыносимую нежность! Я задыхался от нее, и от прилива чувств на глазах у меня выступали слезы... Вам никогда не казалось, что в любви мужчины к женщине есть что-то неуловимое от любви матери к своему ребенку? Много лет прожив в мо-

настыре, я лишен был возможности иметь детей... Но она пробудила во мне странное чувство... В те минуты, когда мне не хотелось покрывать ее тело неистовыми поцелуями, во мне просыпалось желание защищать ее от мира, укладывать спать, играть ее чудесными волосами и трепетно целовать тонкие пальчики... О, если бы вы только видели, как мило и с каким серьезным видом эта девочка читает книги, как она прикладывает пальчик ко лбу, вы, быть может, смогли бы понять, что я чувствую...

Странная, неясная улыбка пробежала по губам сарацина. Сейчас в его смягчившихся чертах не было и тени жестокости и мрака. Казалось, сквозь них снова проступает что-то далекое и забытое...

– Я вижу, что вы любите ее. Но, Жозеф, разве вы не понимаете, что это безумие! Она девушка из дворянского рода, ее руки просит сын самого монсеньора де Леруа. А вы лишь жалкий, бедный монах. Ваша связь не может быть признана ни Богом, ни людьми...

– Скажите это моему сердцу, которое разрывается! Она нужна мне. Я умру без нее! Она хочет, чтобы я увез ее отсюда...

– О, это очень опасно!

– Не опаснее, чем мой поход в замок дяди. Но на этот раз цель в тысячу раз важнее опасности... Если бы вы когда-нибудь любили женщину, вы бы меня поняли.

Тут сердце аббата не выдержало, и он выдохнул:

– Богу известно, я любил однажды...

Жозеф поднял на него удивленный взор.

– Она носила звенящие браслеты и белое покрывало...

Ярко горела одинокая свеча. За окном с шумом падали редкие капли дождя. На миг в комнате стало невыразимо тесно...

Потом Жозеф сделал несколько судорожных движений и закрыл лицо руками.

– Почему вы никогда не говорили мне? Я так любил ее... Я готов принять и полюбить все, что касалось ее жизни...

– Потому что мы совершили огромный грех. Я был служителем Господа, а она – замужней женщиной... Как могу я после этого упрекать вас? И моя и ее вера учили строгости и целомудрию, но мы позабыли об этом, как будто никогда и не слышали... Она была созданием солнца и света. Она умела лишь любить... Я никогда ее не забуду...

– Ни один человек, однажды увидевший ее, не смог бы забыть ее образ, – тихо проговорил Жозеф, глядя в пустоту.

– Идите! – внезапно воскликнул аббат, хватая его руки. – Идите, пока не поздно! Вырвите вашего ангела из рук злых и безжалостных людей! Попытайтесь дать ей счастье... Попытайтесь сами обрести его... Скорее, спешите, пока не поздно! И прощайте, мое обожаемое дитя! Помните, что я всегда любил вас... Любил ее в вас...

Жозеф с жаром в последний раз сжал руки аббата и быстро вышел из кельи.

Отец Франсуа снова остался наедине с трепещущим язычком пламени... Всей своей благочестивой жизнью, своими милосердными поступками и служением Иисусу он пытался искупить этот тяжкий грех, совершенный в далеком прошлом. Но только в эту минуту, в одиночестве лежа на постели, он понял, что все это было напрасно... Чтобы он ни делал, с ним всегда оставался запах восточных цветов, жар гранатовых уст и тень колеблющегося от тихого ветерка длинного, белого покрывала...

XXXIX. Жестокие признания

Я говорю тебе: ты – Петр, и на камне сем Я создам церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного.

Библия. Евангелие от Матфея. 16

После разговора с Жозефом аббат призвал к себе всех братьев. Странную картину представляла собой полутемная, холодная келья. Бледный и утомленный настоятель неподвижно лежал в постели. Его строгий, четко очерченный профиль выделялся на фоне серой стены. Свеча уже угасла, и сквозь маленькое окошко проникали в келью бледные лучи рождающегося дня. Черные и редкие силуэты монахов выступали из сумерек, все еще наполнявших вторую половину комнаты. Руки были сложены в жесте смирения и послушания, но лица были суровы и насторожены...

– Мои силы иссякают, – слабым голосом начал аббат, не глядя на своих подчиненных. – Они уходят, как песок, который просачивается сквозь пальцы... Мой жизненный путь подходит к концу. Эта несчастная обитель нуждается в новом пастыре. По старинному обычаю это я должен его назначить.

В келье стало так тихо, что, казалось, можно было услышать чужое дыхание.

– Я хочу, чтобы после моей смерти кресло настоятеля занял брат Жозеф.

Слова отца Франсуа были встречены все той же гробовой тишиной.

– Если, по какой-то причине, Жозеф не сможет занять мое место, вы сами выберете себе разумного и мудрого пастыря, который будет управлять вами вместо него... Да благословит вас Бог в нашем трудном деле и горькой жизни, дети мои! Вот все, что я, несчастный и слабый старик, могу вам сказать, находясь у порога вечности...

Настоятель с трудом приподнял руку, одновременно благословляя собравшихся и отпуская их.

Монахи молча покинули келью. Однако, брат Колен задержался у ложа аббата.

– Вы хотите мне что-то сказать перед долгой разлукой, друг мой? – спросил отец Франсуа, поднимая удивленный взор на стоящего у его изголовья человека.

– Многое, – ответил Колен, и странная, печальная улыбка пробежала по его спокойному и замкнутому лицу. – Все то, о чем так долго молчало мое сердце...

– Так говорите. Я всегда готов выслушать исповедь моего старого друга.

– Что же, она не покажется вам сладким утешением. Зато станет правдивым и полезным напутствием на дороге в Царствие Небесное. Безумию, которое вы только что совершили, нет равных. Вы поставили во главе этой забытой Бо-

гом обители сумасшедшего сарацина! Человека без веры, без совести и здравого смысла... Неужели вы настолько лишились рассудка, что действительно думаете, будто такой человек способен управлять монастырем?

– Я делаю это из любви. Я хочу защитить Жозефа...

– В том-то и дело! Все ваши поступки продиктованы мимолетными вспышками чувств и глупой жалостью! Но разве об этом должен думать настоятель, в руках которого жизнь целой обители?!

– Вы правы, в моих руках была целая обитель. Но за то время, пока я управлял ею, на моих глазах не угасла ни одна из жизней...

– Зато наш монастырь медленно, но верно катится в пучину неизвестности и тлена, – горячо и убежденно возразил брат Колен. – По вашей вине мы лишились покровительства монсеньора де Леруа! По вашей вине теперь нашим братством будет править потерявший человеческий облик безумец! Всю свою жизнь вы толковали о любви и милосердии... И где плоды ваших возвышенных проповедей?! Я вижу вокруг одно лишь разрушение и тьму... Ваши бессмысленные и вредные грезы привели к увяданию Господней славы и влияния Церкви в этом глухом и мрачном месте!

– Разве Господь, искупивший кровью своей страдания рода людского, не предпочел бы, чтобы к его ногам приносили раскаявшиеся души и добрые поступки, вместо лживых восхвалений и позолоченных алтарей? – со вздохом спросил

аббат.

– Если бы все слуги Господни руководствовались вашими красивыми, но пустыми словами, величие и мощь нашей Матери Церкви давно бы превратились в жалкий прах! – с нетерпеливым жестом воскликнул брат Колен. – Если бы святые епископы и миссионеры постоянно думали о милосердии и жалости, сколько бы народов им удалось окрестить? Они не поймали бы в свой невод ни одной рыбы!

– Если бы все слуги церкви чаще думали о жалости и человеческих слезах, сколь многих деяний, запятнавших нашу веру кровью и грязью, удалось бы избежать! И тогда бы даже души язычников сами устремились к кресту, ища у него защиты и милосердия. Ведь когда-то так оно и было...

– Так говорят и еретики, не признающие нашей святой веры! – возмущенно перебил его монах. – Но сколь невероятно слышать такие кощунственные речи из уст настоятеля Божьего храма!

– Я говорю лишь то, что написано в моей исстрадавшейся душе... И верю, что Господь, перед которым я вскоре предстану, не осудит меня за эти искренние слова.

– Вы безнадежный и слепой мечтатель! Таким, как вы, надо проповедовать среди нищих, а не управлять землями и храмами. Вы все испортили своей чудовищной снисходительностью и преступной мягкостью.

– А вы хотели бы, чтобы я, как брат Ульфар, не прощал ни единого греха и наказывал всякого оступившегося? – с

печалью в голосе обратился к нему настоятель.

– О нет, – задумчиво произнес Колен. – Мне нет дела до грехов и добродетелей. Еретики и грешники заслуживают наказания вовсе не за то, что они иначе истолковали какую-нибудь несчастную строчку из Евангелия, а потому что они разрушают здание. Здание, которые наши предшественники возводили веками, крестя варваров, захватывая земли сеньоров, борясь с бунтовщиками и вольнодумцами... И только после долгой и тяжелой борьбы великое здание Церкви засияло во всем своем победном блеске!

– Это меня и пугает, – едва слышно отозвался отец Франсуа.

– О чем вы говорите?

– Разве вы не боитесь, Колен, что огромное здание, выстроенное на несправедливостях и насилии, однажды может обрушиться на головы его создателей?

– Оно обрушится, если такие восторженные и опасные мечтатели, как вы, будут медленно источать его изнутри. Нет, зря я трачу драгоценное время! Вы ничего не хотите слушать... И почему мне было суждено всю свою жизнь прожить среди художников и безумцев? Наш прежний настоятель ценил в людях только бесполезные таланты и вредную способность поддаваться чувствам. Поэтому он и сделал вас своим преемником. Поэтому он любил Жозефа. Но я... я, в котором всегда было столько рвения и здравого смысла, почему никто никогда не подумал обо мне?..

Его голос дрогнул, и он продолжал все тем же глубоко искренним и скорбным тоном:

– О да, мне неведомы безумные причуды! Я не способен поддаваться слепым порывам чувства... Всем вам было нужно что-то исключительное, что-то гениальное, из ряда вон выходящее! А что было делать такому разумному и уравновешенному человеку, как я, среди сверкающих глаз и затуманенных голов, которые меня окружали?! Объясните мне! Если сможете... Разве я виноват в том, что не могу поддаваться минутным порывам?! Разве виноват, что Господь пожелал дать мне это простое лицо?! Эту заурядную внешность и холодную душу, до которых никому нет дела! Он дал мне великие замыслы, но не потрудился наградить ни красивым лицом, ни талантами, всем тем, что так легко пленяет воображение людей! Долгие годы я трудился в этой проклятой, затерянной в глуши обители, которую я ненавижу всем сердцем! Я поддерживал могущество Церкви, я управлял хозяйством и прodelывал чудеса дипломатии... Без меня этот чертов монастырь давно бы сгнил и рассыпался в пыль при первом дуновении весеннего ветра! Мне место среди могущественных епископов, при дворе государей, на вселенских соборах, а я сижу в глухом лесу, среди волков и сумасшедших! Ужасная, несправедливая участь! Так, оказывается Господь вознаграждает за усердие!

Он умолк. Некоторое время слышалось только его взволнованное, нервное дыхание. Отец Франсуа в глубоком удив-

лении смотрел на своего старого друга и видел, как сквозь серый и невзрачный его облик проступали мучительные, похороненные на дне души давние страсти. Так бывает во время пожара, когда огонь, бушевавший внутри здания, наконец выбирается наружу и начинает неистово лизать окна и кровлю.

– Не думайте, что я сдамся так просто и скоро, – вновь заговорил Колен, немного успокоившись после своих тяжелых признаний. – Годы борьбы и трудов закалили мою волю и сделали ее железной. Наступит время, и эта бедная обитель пойдет по пути, который я ей предназначил...

– Да простит вам Господь ваше жестокое ослепление, – с глубокой горечью и состраданием произнес отец Франсуа. – Ибо страшны те жертвы, которые несете вы к престолу его...

Но брат Колен уже не слушал его. Он быстро набросил на лицо капюшон и вышел из кельи, неся под своей сутаной огромную тяжесть и разочарование всей своей безрадостной жизни...

Аббат чувствовал, что силы его иссякают с каждым мгновением. Он знал, что должен был в эти последние часы читать молитвы или обращаться к распятию, которое висело в его изголовье. Но вместо этого отец Франсуа поднял глаза и обратил свой взор к крохотному окошку, сверкавшему в ярко-розовых, заливающих всю комнату, лучах рассвета... Потому что она всегда обращала свой лик к солнцу. И он вспомнил укрывавшие его пылающее лицо черные волосы.

Вспомнил безумный шепот и откиннутое покрывало. Ее глаза. Ее руки. Ее алые, как гранат, губы. Единственные, короткие мгновения, которые имели смысл посреди холода и пустоты человеческой жизни... Вдруг ему показалось, что дивные волосы вновь касаются его щек. Всепоглощающая волна света и радости залила все его трепещущее существо, и в этом торжествующем потоке утонул мрачный, жестокий и ничего больше не значащий мир...

XL. Государь и девушка

Не удивляйтесь. Я люблю исповедоваться женищинам. Это моя слабость. И к тому же, мне нужно попытаться себя убедить, что мне еще доступны чувства, хоть я уже не чувствую ничего. Мир уже почти не прикасается ко мне. И это возмездие, ведь я сегодня вижу, что в продолжение жизни я едва касался мира.

А. де Монтерлан «Мертвая королева»

Каждый год весна одна и та же, но мне кажется, что каждый раз она приходит впервые.

А. де Монтерлан «Мертвая королева»

Taaffe:

Du hast dich selber ums Glück gebracht!

Mary:

Fahr'n Sie zur Hölle, mein Herr!

Ich bin zu allem bereit!

Wenn das Schicksal ihn ereilt. Rudolf

Taaffe:

Ты сама у себя отобрала счастье!

Мэри:

Провалитесь вы в ад, мой господин!

Я ко всему готова!

«Когда судьба его настигнет». Мюзикл «Рудольф»

Гордый, изящный и блестящий монсеньор Гильом де Леруа медленно и задумчиво расхаживал по небольшой приемной зале в замке де Сюрмон. Рассеянным взглядом он окидывал унылый пейзаж, открывавшейся за окном, и старые, выцветшие шпалеры, украшавшие стены.

Странные мысли мелькали в голове надменного государя. Ему доложили, что мадемуазель де Сюрмон хочет ответить отказом на его почетное предложение. Это казалось графу до того нелепым и забавным, что легкая улыбка невольно трогала уголки его тонких губ. Несомненно, эта бедная и невоспитанная девушка еще ребенок. Она толком не понимает, чего от нее хотят. Сеньор де Леруа всегда был любезным и изящным кавалером. Он привык вызывать восторженные улыбки на лицах прекрасных дам. Только поэтому он снизошел до свидания и разговора с этим прелестным и наивным созданием.

Дверь в залу тихо отворилась. Граф обернулся и увидел молодую девушку в простом, светлом платье. Она была небрежно причесана, на лице не было красок. Словом, девушка никак не приготовилась к приему столь важного и высокого гостя.

Подойдя к государю, она поклонилась спокойно и просто, без тени восхищения и без тени страха. Ее глубокие, темные

глаза смотрели сосредоточенно и печально. Улыбка не трогала юные губы.

Изысканным, придворным жестом граф пригласил девушку сесть. И только потом сел напротив, глядя на нее мягким и чуть насмешливым взглядом.

– Вблизи мадемуазель кажется мне еще более прелестной, чем на балу.

Надеясь расположить к себе это дикое дитя, эту настороженную птичку, сеньор де Леруа начал беседу с искреннего и приятного комплимента.

– Это странно, – просто и так же искренне ответила Бланш. – Потому что государь кажется мне таким же, как и был. Однако, в тот вечер на празднике я не думала, что нам доведется познакомиться ближе...

– Я очень рад нашему знакомству. Мы могли бы стать добрыми друзьями и узнать друг друга получше... Для этого у нас будет много времени.

– Иногда людям не удается узнать друг друга и за целую жизнь, – серьезно возразила она.

– Не делайте вид, что не понимаете меня, милое дитя, – с нетерпеливым жестом прервал ее государь. – Я говорю вам о том, что вскоре вы поселитесь в моем замке и станете мне доброй и послушной дочерью.

– Я уже сказала, монсеньор, и повторяю еще раз: это невозможно.

Темные глаза смотрели спокойно и пристально. Голос был

недетскими серьезным. На мгновение в зрачках государя молнией промелькнуло что-то похожее на удивление.

– Мадемуазель, – медленно и задумчиво произнес он, – должно быть, вы не понимаете, о чем идет речь. Вы обязаны согласиться.

– Этого не будет, – все так же решительно прозвучало в ответ.

Сеньор де Леруа решил сменить тактику:

– Хорошо. Но объясните мне, что же вас удерживает от заключения такого выгодного и блестящего брака? Вы войдете в знатную и безупречную семью, вы возвысите вашего старого отца...

– Мне все это известно, монсеньор, – мягко остановила его девушка. – Но у меня уже есть мой повелитель и возлюбленный...

Легкая тень пробежала по красивым чертам графа.

– Вот как... И кто же этот счастливый человек, которому удалось похитить сердце такой очаровательной и милой девушки?

– Его зовут Юсуф, – мечтательно проговорила Бланш, и ресницы ее затрепетали, а лицо странно просветлело.

– Неужели вы говорите о сарацине, о брате Жозефе? – воскликнул государь, не в силах подавить первого порыва удивления.

– Каждое мгновение я говорю и мечтаю лишь о нем, – тихо отвечала она.

– Поистине у женщин бывают странные причуды, – глядя в пустоту заключил сеньор де Леруа. – Дитя мое, мне нет дела до того, кого вы любите. Любить можно хоть сарацина, хоть монаха, хоть оруженосца. Но благородная девица должна выйти замуж за равного ей сеньора. А это значит, что вы будете женой моего сына. Я милосерден и мягок. Я легко прощаю людям (а особенно юным девушкам) их грехи и глупости. Я даю вам слово, что ни разу не вспомню о вашем прошлом, каким бы оно не было, и ни разу ни в чем вас не упрекну. Так же поступит и мой сын.

– Государь, благодарю вас за великодушие. Но мне не нужно ваше прощение. Я люблю Юсуфа и не чувствую в этом никакого греха. Напротив, грехом было бы стать супругой вашего сына, не испытывая к нему любви...

– Мадемуазель Бланш, – с состраданием и искренним участием произнес граф Леруа. – Вы наивная девушка. Вы еще ребенок. Вы ничего не понимаете. Вы не понимаете, как все сложно и несправедливо устроено в этом мире. Я правитель великого и обширного графства. Я много повидал и много пережил. Я гоюсь вам в отцы, и вы можете поверить моему опыту. Безумные влюбленные сгорают от любви, совершают невероятные поступки... Но приходит новый день, и что остается от вчерашнего пламени страсти? Лишь холодный и мрачный пепел... Вы молоды. Вам кажется, что ваши детские грезы будут длиться вечно. Но это не больше, чем малящий туман над рекой. Предрассветный ветер развеет его

в ключья... И тогда вы останетесь лицом к лицу с холодной и жестокой действительностью.

– Монсеньор, – с полубезумной и печальной улыбкой отвечала девушка, – мне неведомы те краткие, волшебные грезы, о которых вы говорите. Да, быть может, другие люди и живут ими, и они проходят... Но моя любовь к Юсуфу... о, я чувствую, как она глубока и бесконечна! Вечность не сможет поглотить ее, даже если пожелает. Скажите, неужели вы не слышали о людях, которые бросались с высоких башен, умирали у могил своих возлюбленных... О женщинах, которые до последнего вздоха хранили верность давно погибшим мужьям? О влюбленных, которые предпочитали погибнуть вместе, смешивая свое замирающее дыхание, чем расстаться навеки? Почему же вы говорите мне, что это проходит?... Когда перед этим в ужасе отступает и бездна вечности... Я знаю, мое место среди таких людей, и то, что я чувствую, не может закончиться...

– Но ведь это безумие, желать для себя такой страшной участи!

– Огонь, который пылает внутри меня, не станет меня спрашивать...

Граф Леруа опустил голову, и на некоторое время в зале воцарилась тишина. Он собирался с мыслями. Разговор с бедной девочкой оказался куда тяжелее, чем он рассчитывал...

– Пусть так... Но скажите мне, мадемуазель, почему вы

думаете, что со временем доброе отношение моего сына не сможет вытеснить из вашего сердца образ вашего возлюбленного? Мне известны такие счастливые браки... Тьерри мягок и кроток. Он сумеет быть внимательным и заботливым. Что вы имеете против него? Он красивый, образованный и вежливый молодой человек... Любая девушка в наших краях была бы счастлива назваться его супругой...

– Но он не Юсуф. А все, что не является частью Юсуфа, не имеет для меня смысла в этом мире...

– Вы упрямы и одержимы! – потерял терпение государь. – Вы не слушаете добрых и разумных советов! Но подумайте вот о чем. Ради укрепления моих владений и славы моего прекрасного графства мне нужно получить в свое распоряжение земли вашего отца. Я хочу сделать это через вас. И я это сделаю! Что за невиданная картина! Как может судьба целого огромного и великого графства зависеть от мимолетного каприза неразумной девчонки?! Неужели же вы полагаете, что ваша жалкая, бесполезная жизнь и никчемные чувства важнее вековой славы и земель, политых кровью моих доблестных предков?! Какой безумец вздумал бы кинуть на одни весы империи и королевства и существование ничтожной женщины, которая весит не больше крохотной пылинки!

– Монсеньор! – с глубокой силой воскликнула девушка. – Моя безграничная любовь в тысячу раз важнее, чем все ваши графства и королевства, о которых я ничего не знаю! Скажите, разве это тело, эти губы, эти волосы не принадле-

жат мне, чтобы я могла их отдать тому, кому пожелаю?! Разве мое дыхание, мое сердце... оно ваше?! Разве я родилась для того, чтобы вы играли моей жизнью?! Нет, только я вольна отдать мою пылкую любовь и восторги тому, кого изберет мое сердце! Так при чем здесь государи и графства?!

– Не будьте такой легкомысленной и жестокой. Подумайте о ваших будущих подданных. Подумайте о величии наших владений. Вы думаете, мне самому не приходилось приносить тяжелые жертвы на алтарь долга и обязанностей? Вы думаете, я не проливал горьких слез обиды и сожалений? Не жертвовал своими мечтами, чувствами надеждами? Но поймите, я государь. А у государя не может быть своей жизни... Я должен был принести ее в жертву своему графству! Но кто вернет мне все, что безвозвратно умерло в моей душе? Кто вернет мне спокойный сон и чистые радости?.. Где искать мне пролитые в юности слезы?..

Красивые черты графа исказились. Он закусил нижнюю губу и впился в открытое окно пустым, горящим взглядом...

Вдруг он почувствовал прикосновение тонких пальцев к своим изящным рукам.

– Мне от души жаль вас, монсеньор! Но скажите мне, к чему все эти горькие жертвы? Они были принесены только ради расширения ваших земель? Ради блеска вашего великолепного двора? Ради славы вашего прекрасного графства, чтобы ветер разнес ее по чужим краям и королевствам? Но что это? Пустой звук... Умирающее эхо... Разве ценою ва-

ших усилий нищие получили золото с небес? Голодные дети перестали плакать? Вытерли ли вы своим графским рукавом хоть одну слезу? Разве от ваших великих стараний хоть один человек в ваших владениях стал счастливее?..

Государь поднял голову. Он смотрел в это странное, безумное и вдохновенное лицо и не мог понять, о чем она говорила... Что такое простое и щемящее звучало в словах несчастной девочки, чего он не мог постичь и принять? Какую удивительную, пугающую истину скрывали от его глаз блестящие наряды придворных и позолоченная мечта о славе?..

– То, что ты описываешь, похоже на рай, – пожал плечами могущественный сеньор.

– Государь, если вы не хотите построить рай, тогда зачем вообще начинать что-то строить?..

– К чему я говорю вам все это? – спросил граф, как бы очнувшись от тяжкого сна. – Не юной девушке судить о делах государей... Но вы удивительно располагаете к тому, чтобы люди открывали вам свои душевные раны... Однако, я вижу, что тратил время впустую. Я хотел уговорить вас по-хорошему. Я ненавижу насилие и принуждение. Но, кажется, мне придется в день свадьбы увезти вас в мой замок силой...

– Монсеньор, – с пугающим спокойствием отвечала она, – эта свадьба не состоится.

– Клянусь честью, мадемуазель, я ее сыграю, – резко бросил граф де Леруа, задетый ее непонятной дерзостью и

упрямством.

– А я еще раз повторяю вам: легче будет вашим воинам завоевать Гранаду, чем получить согласие невесты. Вы увезете мое тело, но мою душу вы никогда не получите!

– Мне ни к чему ваша беспокойная душа.

– Но без души тело мертво, государь... Это все равно, что покинутый дом без яркого света...

Граф де Леруа слабо улыбнулся и слегка поклонился на прощанье.

Так расстались государь и девушка. Каждый уверенный в своем торжестве.

Государям не отказывают... Сможет ли жалкая соломинка устоять против могучего и беспощадного ветра?..

XLI. В клетке

Nur mein Gift macht dich gesund.

Gott ist tot. Tanz der Vampire

Лишь мой яд способен исцелить тебя.

«Бог мертв». Мюзикл «Бал вампиров»

Ночь была тихой. Небо было темным. Редкие огоньки звезд вспыхивали на черном небосклоне. Бланш сидела в старой башне и застывшим взором смотрела на просветы между облаками, в которые время от времени был виден тонкий, умирающий месяц.

Она чувствовала, как огромное море тьмы нависло над ее хрупкой жизнью. Оно было повсюду. Она падала. Она тонула в этой бескрайней тьме. И не было ни единого путеводного огонька, не было ничьей руки, которая могла бы поддержать и спасти ее... Все ее существо пронизывал мертвящий холод. Она была нечеловечески одинока на своем скорбном и запутанном пути. Иногда Бланш хотелось просто заснуть и не увидеть следующего утра. Бывали мгновенья, когда она сожалела о том, что однажды пришла в этот мрачный мир, полный холода и несчастий...

Вдруг она очнулась от своих тяжелых грез. В дверь тихо постучали. Мгновенье – и она бессильно прижалась к его

плечу, шепча бессвязные и горячие слова:

– О, Юсуф, я знала, что вы придете! Не могли вы не прийти... Иначе погас бы последний светильник, который освещает мрак моего существования...

– Да, да, я здесь, я рядом с тобой, – торопливо отвечал он. – Я увезу тебя. Я исполню все, о чем ты мечтала... Но сегодня... сегодня я пришел сказать тебе не это... Я пришел сказать тебе самое важное в моей жизни! О, я оставил в монастыре дорогого мне человека... Он был мне почти, как отец... и быть может, в эту самую минуту его сердце перестало биться... Но это меня не останавливает. Ты же видишь, Бланш, это меня не останавливает! Сегодня я стою рядом с тобой, потому что нет в моей жизни ничего дороже и драгоценней, чем ты... Я думал, ты всего лишь несчастная девочка, но ты дороже, чем все бессмысленные годы, которые я прожил... Ты единственное, что способно привязать меня к жизни! Помнишь, я говорил тебе, что ничто не в силах утолить мою безмерную тоску? Так вот, я не хочу знать, что со мной будет! Я смотрел на закат, и он не имел смысла... Ничего в жизни не имело смысла. И вот теперь я понимаю, что закатные лучи будут радовать мое сердце, если ты будешь смотреть на них вместе со мной! Я не знаю, пойму ли я тебя когда-нибудь... Разгадаю ли... Но сегодня... сегодня мне это неважно! Я хочу только, просыпаясь каждое утро, видеть твои сверкающие глаза... твои любимые глаза, без которых новый день больше не наступит! Я не знаю, сколько продлит-

ся моя жизнь, и сколько боли мне еще суждено вынести... Я понял только, что больше не хочу искать смыслы и ценность в этой жизни... хочу лишь до самой смерти держать твою тонкую руку...

И море тьмы рассеялось в единое мгновенье. На сердце у девушки стало так легко, как будто с него упала тяжесть, равная тысяче грехов... Она забыла весь мир. Все поплыло перед глазами... Бланш бессильно поникла в объятиях своего господина.

В это мгновенье раздался резкий щелчок и стук опущенного снаружи засова. Два сердца одновременно вздрогнули. Они подняли головы, и смертельный холод объял их души. Дверь в башню была накрепко заперта. Они стали пленниками... Снаружи донесся торжествующий голос:

– Наконец-то я поймала тебя, ведьма! Прикидываешься тихим ангелом, а сама бегаешь по ночам на свидания к любовнику. Бесстыжая, спуталась с проклятым язычником! Но ничего... твой отец все узнает и живо положит конец твоим безобразным похождениям!

Как раненная птица, Бланш стремительно бросилась к двери и закричала:

– Пощадите меня, мадам Жанна! Что я вам сделала?.. Позвольте нам уйти! Вы больше никогда меня не увидите...

– Еще чего! Не в моих правилах покрывать вопиющие грехи!

– Открой, старая дрянь! – тихим, угрожающим голосом

произнес сарацин. – Если не откроешь, весь этот замок будет наутро залит кровью...

Но шаги служанки быстро удалялись, пока наконец не затихли в ночи. Они остались одни.

Бланш соскользнула вниз и села на пол. Все было кончено. У нее не осталось ни капли надежды...

Юсуф метался, как дикий зверь в клетке. Он осыпал ударами тяжелую дверь, бросал блуждающие взгляды на маленькое окошко под потолком, кидался из угла в угол в поисках какого-нибудь оружия... Все его существо, вся его неистовая сила взбунтовались против этого насильственного заточения. Но бессмысленно было биться о стены, издавать отчаянные вопли и в бессилии раздирать себе руки... И хищные звери в ярости грызут железные прутья своей клетки, но кто из них смог вырваться на свободу?

Видя его пугающее неистовство, видя, что он напрасно ранит себя, а глаза блестят надвигающимся безумием, Бланш нашла в себе силы обратиться к нему:

– Юсуф, молю вас, успокойтесь! Придите в себя. Вы убиваете меня зрелищем вашего отчаяния! Пощадите свои несчастные руки и мое истерзанное сердце... Вы были правы. Из этого мира нет выхода. А я, неразумная, думала, что на этой земле возможно счастье... Как же я ошибалась! Не мучьте себя понапрасну. Идите ко мне. Я обниму вас в последний раз и буду до рассвета бороться с вашей тоской... До утра они не придут.

В ее тихих словах было столько печали и искреннего со- страдания, что этот неистовый и безумный человек послу- шался. Он медленно подошел к Бланш и бессильно опустил- ся на пол рядом с ней. В темноте они прижались друг к дру- гу, как испуганные дети, которых гроза застала в поле в са- мом разгаре игры. Он тихо и нежно гладил ее волосы, она покрывала поцелуями его исцарапанные руки. Мерцающий лунный свет лился из маленького окошка на их искаженные, бледные лица. Летели часы, а они все продолжали сидеть неподвижно, как осужденные, не говоря ни слова, стараясь навеки напиться жаром своих умирающих сердец...

Когда Бланш подняла глаза на окно, она увидела, что го- ризонт едва уловимо светлеет. Тогда она закрыла лицо рука- ми и из глубины ее онемевшей души вырвался отчаянный крик:

– Юсуф, сейчас они придут! Сейчас они отберут меня у вас, и я больше никогда вас не увижу! О, кровь леденеет у меня в жилах от одной этой мысли! Я больше не увижу вас! Как я смогу прожить даже час, зная, что рассталась с вами навеки! Какие ужасные люди! Почему они не хотят оставить меня с моим богом! С тем, без кого я не мыслю ни едино- го дня своей жизни! Что такого я сделала?! Чем так страш- но провинилась перед Всевышним, что он отбирает у меня больше, чем жизнь! Он отбирает у меня свет и воздух! О Юсуф, что они со мной сделают! Они схватят, они увезут меня, они толкнут меня в объятия чужого человека! Можно

ли это вынести?! Я не смогла бы стерпеть чужого прикосновения и взгляда, даже когда не знала вас! Как же я вынесу, если кто-то коснется этой кожи, которая покрыта вашими трепетными поцелуями?! Как я вынесу, если незнакомый человек заключит меня в свои холодные, отвратительные объятия после того, как я горела и умирала в ваших?! Я не переживу этого! Мое сердце разорвется в тот же миг! Спасите меня, Юсуф! Спасите от этого жестокого кошмара! Я вся дрожу от ужаса! Спасите! Пусть даже ценою моей несчастной жизни! Я стану мертвой в ту же ночь, как совершится этот проклятый брак! Вы видели женщин с потухшими глазами? Тех, у кого ничего не осталось... Которые потеряли себя навеки! Неужели вы хотите, чтобы ваша бедная девочка стала мертвой при жизни?! Я знаю, вы этого не допустите! У вас есть смертельный яд, избавляющий от мучений этой ужасной жизни! Отдайте мне его! Умоляю, отдайте!

Юсуф сидел неподвижно. Он не смотрел на нее и ничего не отвечал. Только рука продолжала машинально скользить по ее распущенным волосам...

– Скажите мне, где он? Отдайте мне его!

– Здесь, в рукаве моей сутаны, – упавшим голосом ответил сарацин. – Возьми его, бедное дитя, если это тебя успокоит... Увы, ты не понимаешь, о чем говоришь! Бездна смерти страшит и самых мужественных. Нет такого ада в этом мире, которого бы человек не предпочел бездне вечности... Да, ты будешь жить, как и сказала. С мертвыми глазами. Но

будешь жить.

Бланш изо всех сил сжала в руке спасительный флакон. Станный холод сосуда отозвался дрожью во всем ее разбитом теле.

В это мгновенье снаружи послышались голоса и звон мечей. С треском упал тяжелый засов, и дверь стремительно распахнулась.

Ворвавшийся в комнату яркий луч света казалось в единое мгновенье придал сарацину нечеловеческой силы. Он вскочил на ноги и, прижимая к себе девушку, как добычу, дерзко бросил толпе вооруженных вассалов:

– Не отдам ее вам! Она моя. Попробуйте, отберите у меня этого несчастного ребенка! Я безоружен, но я умею вливаться в горло моим врагам! Вам не помогут все ваши мечи и доспехи!

На минуту воины остановились в растерянности. Этот обезумевший, оскаливший зубы язычник и вправду был чудовищно страшен!

– Мадемуазель, – нерешительно начал один из вассалов, – нам приказано отвести вас в замок монсеньора де Леруа. Идемте с нами.

– Она не пойдет с вами! – в бешенстве крикнул сарацин и выхватил меч из рук стоявшего рядом с ним стражника.

На несколько мгновений он превратился в древнего, чудовищного демона, который в одиночку отражал удары целого вооруженного отряда. Это дикое существо с рычаньем мета-

лось по зале, напоминая неистовый и яростный дух самой битвы... На минуту у потрясенной Бланш мелькнула слабая надежда, что на глазах у нее произойдет чудо, и ее гений все-таки защитит ее от этих протянутых рук...

Но их было слишком много. У него выбили из рук оружие, и поверженный на колени сарацин оказался в окружении направленных на него острых, смертоносных клинков. Единый миг, и эти клинки вонзились бы в его сердце.

Но в смертельный круг проскользнул тонкий силуэт, и пылкий голос произнес:

– О, опустите ваши мечи! Я пойду за вами тотчас, как только вы пожелаете!

Потрясенные вассалы замерли, безотрывно глядя на девушку. Она шагнула вперед, не думая, что сама может стать первой жертвой удара. Ее лицо было полно боли, но в нем не было страха. Храбрым воинам много раз приходилось видеть, как бросались вперед, навстречу верной смерти, их доблестные противники. Но никто не делал этот шаг с такой пугающей легкостью, как эта хрупкая девочка. Она шагнула так, будто выбежала на солнечную лужайку, будто вошла в открытую часовню... Так, как будто позади у нее ничего не было...

Мечи опустились, а она, как предрассветная тень, выплыла из комнаты, бросив последний взгляд тому, кому навеки отдала каждую каплю своей живой крови...

Сломленного и убитого горем Юсуфа заключили под

стражу и отправили обратно в монастырь.

Роскошный, сверкающий портшез графа де Леруа ждал невесту. По широкому двору шла беззащитная, юная девушка в темном платье в сопровождении отряда воинов, вооруженных острыми тяжелыми мечами...

XLII. Полет

*Ces deux mondes qui nous séparent
Un jour seront-ils réunis?
Oh! je voudrais tellement y croire
Même s'il me faut donner ma vie
Donner ma vie
Pour changer l'histoire.*

*Vivre
Pour celui qu'on aime
Aimer
Plus que l'amour même
Donner
Sans rien attendre en retour.
Aimer
Comme la nuit aime le jour
Aimer
Jusqu'à en mourir d'amour
Jusqu'à en mourir d'amour.
Vivre. Notre Dame de Paris*

*Эти два мира, что нас разделяют,
Придет ли день, который их соединит?
О! Я так хотела бы этому верить!*

*Даже если мне придется отдать мою жизнь,
Отдать мою жизнь,
Чтобы изменить историю!*

Жить

Для того, кого любишь.

Любить

Больше, чем сама любовь.

Давать,

Ничего не ожидая взамен.

Любить,

Как ночь любит день.

Любить,

Пока не умрешь, любя,

Пока не умрешь, любя!

«Жить». Мюзикл «Нотр-Дам де Пари»

Как погребенная заживо, сидела Бланш в великолепных, роскошных носилках. Она не видела ничего, кроме темных, давящих стен. И ничего не чувствовала, кроме равномерно покачивания портшеза. У нее не было даже желания приподнять тяжелую занавеску, чтобы взглянуть на восходящее солнце. Она была холодна и бессильна. Подобно восковой кукле, сидела она, равнодушно опираясь спиной о стену и не открывая глаз. Море тьмы все-таки поглотило ее. Сомкнулись холодные волны...

За всю дорогу она не сделала ни единого жеста. Только один раз уронила голову на оконную раму, ибо она смертельно устала...

Но вот легкие толчки и мерное колыхание прекратились, и Бланш поняла, что они прибыли в замок графа. Воины отворили перед ней дверцу, и она вышла из темноты портшеза на белый свет. Замок государя был прекрасен. С рассвета он сиял праздничными огнями, и был полон шумного веселья. Но Бланш не смотрела на него. Она шла по саду, по сверкающим коридорам, подобная ночному призраку, затерявшемуся в море дневного света. Для нее больше не существовало ни огней, ни человеческих лиц, ни праздничного блеска...

Когда блистающий роскошью и величием монсеньор де Леруа увидел девушку, он невольно вздрогнул, так была она непохожа на существо из мира живых. Ее бледное лицо застыло в неподвижности и равнодушии. Тонкая фигурка выражала безмерную усталость и отстраненность от окружающего блеска...

– Мадемуазель, я сожалею, что мои суровые приказы стерли последние краски с вашего юного лица, – с состраданием обратился к ней сеньор де Леруа. – Наверное, вы считаете меня очень злым...

Бланш спокойно и серьезно посмотрела на графа, и слабым голосом ответила:

– Вы не злы, монсеньор. Вы очень несчастны. Потому что тот, кто причиняет зло, гораздо несчастнее того, кто это зло

терпит...

– Счастье? – презрительно улыбнулся блистательный государь. – Что вы знаете о нем? Это пустая химера! Все хотят свободы и счастья, но никто их не получает...

– Мне неизвестно, что хотят все. Я же хотела только раствориться в Юсуфе. Но вы мне не позволили.

– Идите, мадемуазель. Ваша комната готова. Прислать вам прислужниц, чтобы они помогли вам облачиться в свадебный наряд?

– Благодарю вас, государь. Мне никто не нужен.

Она поклонилась, как сломанная кукла, и оставила графа наедине с гостями и его мыслями.

Бланш вошла в великолепную, богато убранную комнату. Стены были украшены дорогими, искусными шпалерами. Из огромного, высокого окна лился теплый утренний свет. Посреди комнаты стояла большая кровать с резными спинками и с расшитым серебряными узорами тяжелым занавесом. На постели кровавым пятном пламенело прекрасное алое платье невесты...

Девушка притворила дверь и без сил опустилась на постель. Вот ее последний дом, последняя тюрьма, последнее убежище. А там, за дверью, конец всему... В этой роскошной, давящей комнате кончилось время, кончилась сама жизнь.

Через четверть часа она, облаченная в свадебное алое платье, спустится в шумную и радостную толпу гостей. Чужая

рука коснется ее руки, и она, мертвая и холодная, пойдет к сверкающему золотом алтарю... Но она знала, что она этого не сделает.

Ночью чужие руки коснутся ее тела, чужие руки будут распускать длинные волосы... Но пока в мире существовал тот, кто так любил играть с ними, пока в мире существовала она, пока существовал сам мир, этого не могло случиться.

Чужие холодные поцелуи касались бы ее вздрагивающей от отвращения кожи. Она должна была бы смотреть в чужие, незнакомые, страшно далекие глаза... В то время, когда существовали те, что жгли огнем всю ее душу... Жить с небоющим сердцем, с мертвой кровью под холодеющей кожей... Разве она смогла бы каждый день открывать глаза и просыпаться?..

Но то сердце, которое сгорало рядом с ее сердцем, то дыхание, которое наполняло ее жизнь смыслом, у нее отобрали навеки! Бланш хотела биться головой о стены, выпрыгнуть в окно, рая себя острыми осколками стекол, бросаться на железные прутья решеток, лишь бы вырваться из этого холодного, сверкающего ада и, умирая, упасть на грудь того, к кому изо всех сил рвалась ее окровавленная, содрогающаяся душа... Ни мгновенья без него! Свет убивает! Нет воздуха! Не выдержать этой дикой пытки!

Бланш разжала онемевшую ладонь, схватила ледяной флакон, и в отчаянии выдернув крышку, выпила все до дна. Она не почувствовала ничего. Ни запаха, ни вкуса, ни боли.

Ничего.

В то же мгновение, смертельно испуганная тем, что натворила, она вскочила с постели и начала метаться по комнате. Она хотела бежать отсюда, звать на помощь, молить о спасении. Ведь она теряла жизнь, дыхание, свет, звуки и ощущения... Но это были последние судороги страдающей души. Внезапно она замерла и совершенно успокоилась.

Бланш медленно, слегка пошатываясь, подошла к огромному окну и распахнула его. В лицо ей дохнул свежий, прохладный ветерок. Она обвела усталым, растерянным взглядом синеющий горизонт, зеленые весенние равнины, бескрайнюю небесную лазурь и убегающие вдаль быстрые, вольные облака... Скоро все это исчезнет. Она не увидит больше ни колышущихся на ветру ветвей, ни весенних лугов, ни сияющего утреннего света. Не вдохнет этот свежий, холодный ветер... А ведь она еще так молода. Она прожила так мало...

Стоя возле открытого окна и предаваясь этим тяжелым мыслям, Бланш почувствовала легкое головокружение и слабость.

Тогда странная мысль пришла ей в голову. Девушка медленно вернулась к кровати, сбросила свое старое, темное платье и облачилась в красный свадебный наряд. Белая и застывшая стояла она посреди комнаты в своей пламенеющей одежде...

Потом легла на постель и закрыла глаза. Веки сами смыкались под неведомой тяжестью. Стены комнаты давили сво-

ей мрачной и бесчеловечной роскошью... Куда идет душа, в какую неизведанную бездну? Возьми меня, мой господин, я твоя единственная невеста... По ту сторону всего мы будем вместе навеки. В кругах ада никто не разлучает грешников! Возьми меня, мой ангел, мой бог, мой гений, мой император, мой великий, прославленный Саладин. Возьми меня, мой обожаемый Юсуф, и больше вовеки веков не отпусти мою руку... Какое глубокое море тьмы! Оно заливает собой все, оно покрывает собой Вселенную... Нет больше людей, нет больше мира. Только всепоглощающее море тьмы. Но даже если исчезнет мир, он, единственный, существует! Это всепоглощающее море тьмы и есть Юсуф...

Недовольные голоса. Быстрые шаги на лестнице. Скрип тяжелой двери и море света. Поздно! Не помогут ни мечи, ни решетки, ни угрозы... Птичка упорхнула из раскрашенной клетки...

XLIII. Государь и мертвая девушка

*Улыбка странная застыла,
Мелькнувши по ее устам.
О многом грустном говорила
Она внимательным глазам:
В ней было странное презренье
Души, готовой отцвести,
Последней мысли выраженье,
Земле беззвучное прости.
Напрасный отблеск жизни прежней,
Она была еще мертвей,
Еще для сердца безнадежней
Навек угаснувших очей.
М. Ю. Лермонтов «Демон»*

Она лежала на роскошной постели, раскинув руки. Ее хрупкий и тонкий силуэт в рассветных лучах смутно напоминал очертания креста... Алые краски, пламеневшие на платье, казались озерами пролитой крови. Яркая ткань отбрасывала красноватые отсветы на ее мертвенно-бледное лицо. Опущенные ресницы бросали темные тени на бескровные щеки. В неподвижном лице девушки не было ни боли, ни страха. Только темный, чарующий свет... Что она видела перед тем, как навеки ушла отсюда?..

Возле свадебного ложа, превратившегося в ложе смерти, в тяжелом, резном кресле сидел государь. Он медленно раскачивался из стороны в сторону. Оба были одеты в алое. Их лица были неподвижны.

Когда монсеньор де Леруа понял, что девушка не лишилась чувств, а умерла, он впервые в жизни вышел из себя, отослал всех слуг, выгнал капеллана и, крикнув, что сам прочитает над покойной положенные молитвы, затворился с ней наедине.

Но он не читал молитвы. Он продолжал сидеть в кресле и безотрывно смотреть в это мертвое, просветленное лицо. И странные мысли и чувства рождались в душе государя...

Он не знал, что он делает здесь. Он должен был поговорить с сыном и с гостями, исполнить другие обязанности хозяина дома, а тело Бланш оставить на попечение капеллана и тут же забыть об этом нелепом и диком происшествии. Но вместо этого он сидел здесь, и какая-то таинственная сила не позволяла ему оторвать растерянный взор от мертвой невесты.

Ничего не случилось. Это происшествие ничтожно. Может ли смерть какой-то упрямой девчонки помешать его великим замыслам? Он видел множество смертей, и не одна жизнь была принесена в жертву возводимому им невиданному зданию... Но если в борьбе за власть и могущество погибали знатные и сильные сеньоры, какое значение может иметь жизнь такого никчемного и жалкого существа, как эта

бедная девушка? Много ли она весит на весах истории?..

Ему не о чем беспокоиться. Его важный замысел будет исполнен. Она не смогла расстроить его планы. Она ничего не понимала. Он сейчас же пошлет за ее сестрой и обвенчает ее с сыном. Владения старого де Сюрмона все равно будут принадлежать ему, что бы ни случилось. Но ведь ничего не случилось... Всего лишь умерла девушка. А это такая малость в этом мире, где каждый день гаснет множество жизней.

И все же, он не среди гостей, не отдает приказы слугам, а сидит в этой комнате... В том, что она сделала, было что-то, что безумно раздражало графа! Вся кровь вскипала у него в жилах, когда он смотрел на ее спокойное, безмятежное лицо... Несмотря на толстые стены и железные решетки, несмотря на вооруженных вассалов и пышный двор, она не подчинилась, сбежала... «Но без души тело мертво, государь... Это все равно, что покинутый дом без яркого света...» Так вот о чем она говорила! Государям не отказывают... Так как посмело это сделать это хрупкое, беззащитное создание?! К его ногам склоняли головы знатные и могущественные сеньоры, а она не подчинилась. Она была ничтожной соломинкой на пути шумящего потока, каким было его великое дело. Что она по сравнению со славой и могуществом, с величием и памятью потомков? Несчастное, жалкое существо... И вот это ничтожное существо отвергло все здание обязанностей, великих понятий и долга, отбросив его, как дитя бросает надоевшую игрушку... Но в чем тогда мо-

гушество этого здания? К чему мечи и сила, двор и пышность, слава и государи, если все это не способно победить упрямство одной полусумасшедшей девчонки?..

Здание прочно. Его нельзя сломать. Но оказывается его можно отвергнуть, выпрыгнув из этого душного мира... Но если есть то, что не подчиняется власти, тогда какой в ней смысл? Она была дана ему, чтобы одерживать победы. А если он не одержал победу, значит потерпел поражение... И от кого? От беспомощного создания, которое могло быть уничтожено одним его легким жестом...

Граф почувствовал приступ невыносимой тоски и усталости. Какая-то тайная, невысказанная боль тихонько царапала его сердце. Всего лишь день назад она сидела напротив него, он слышал ее голос, касался носком башмака подола ее платья... Час назад она поклонилась ему, такая бледная и измученная... но все же живая... Час назад в ней теплился огонь жизни. Она дышала, видела мир и слышала его радостные звуки. А теперь она лежит тут, холодная и неподвижная. Мертвая. И никогда больше не услышит пение птиц и шум веселого праздника...

Как легко она это сделала! Как будто перешла из одной комнаты в другую... Мысль, что можно вот так легко и просто отказаться от жизни в расцвете юности, приводила графа Леруа в ужас. Так неужели это правда, и на свете существуют такие безумцы, которых мрачные страсти толкают на жуткие и необъяснимые поступки?.. Ведь ко всему можно привык-

нуть. Что могло быть у нее такого драгоценного и дорогого, что она пожелала скорее расстаться с жизнью, чем утратить это?.. Неужели в мире есть что-то дороже владений, власти и славы, за что люди умирают так же просто, как падают с неба сверкающие звезды?..

Час назад она в последний раз поклонилась ему. Поклонилась, чтобы послушаться. Она была жива. Он говорил с ней. А теперь она лежит здесь, холодная и мертвая. Лежит по его вине. Ничего не случилось. Всего лишь умерла несчастная девушка. Каждый день их умирает так много. Еще одна смерть не имеет никакого значения... Она такая бледная. Лучи рассвета такие яркие. Не имеет никакого значения... Но почему же тогда... здесь так холодно?..

XLIV. Вечер

*Но я любил ее, как сорок тысяч братьев
Любить не могут!
У. Шекспир «Гамлет»*

...участь единого существа не менее важна, чем судьбы миллионов; одна живая душа стоит королевства.

А. де Монтерлан «Мертвая королева»

Бледный, шатающийся, полумертвый Жозеф вошел в церковь монастыря Сен-Реми в сопровождении вооруженных стражников сеньора де Леруа. Церковь сияла яркими огнями зажженных свечей и синеватыми, траурными бликами витражей. На возвышении стоял гроб с телом настоятеля, озаренный тысячью мерцающих точек. Зрачки сарацина расширились, и он сделал шаг к гробу. Но путь ему преградил брат Колен с каменным и суровым лицом. Он набросил на плечи Жозефа великолепную белую ризу и произнес с почтительным поклоном:

– Аббат мертв. Вы наш новый настоятель. Смиренные братья приветствуют вас.

Ослепленный и растерянный стоял брат Жозеф посреди холодной церкви. Все окружающее казалось ему абсурдным, фантастическим кошмаром. Тяжелая, раззолоченная

риза камнем давила на грудь, яркие огни слепили глаза... Он чувствовал мучительное, смертельное головокружение, но не мог вымолвить ни слова...

Сарацина подвели к сверкающему алтарю, и началась торжественная месса. Под звуки радостных песнопений монахи увенчивали всеми знаками достоинства аббата этот живой труп, равнодушно повиновавшийся бессмысленным приказам...

Застывший взгляд Жозефа был безотрывно прикован к лежащему в гробу спокойному и бледному отцу Франсуа. Но душа его была далеко отсюда... С губ машинально срывались ледяные латинские фразы, но Жозеф не слышал их. Он думал о той несчастной девочке, которую он покинул сегодня утром. Вот так же и она будет произносить бессмысленные фразы перед позолоченным алтарем. Вот так же будет задыхаться под тяжелыми одеяниями. Пройдут годы, но они ничего не узнают друг о друге. Никогда больше не увидят друг друга. Каждый из них, вдали от другого, превратится в мертвую куклу, будет тихо тлеть и холодеть под своим сияющим покровом... Будет делать безжизненные движения и существовать с мертвым взглядом и небьющимся сердцем... Боже, как долго тянется эта нелепая месса! Как тяжело стоять здесь на коленях! Сколько прошло времени?.. Минута или столетье?.. А впереди огромное море этих невыносимых, бесчисленных минут... Как хочется закрыть глаза и упасть пылающим лбом в обжигающий, ледяной снег!..

Когда торжественная церемония завершилась, Жозеф, не говоря ни слова, поднялся с пола и, не снимая сверкающего парадного облачения, отправился во двор. Там он сел под раскидистым деревом и просидел весь день, пока небо не стало лиловым, и не ступились первые сумерки...

Под вечер его воспаленный взор различил вдали, за распахнутыми монастырскими воротами, какие-то неверные силуэты. Сарацин встал и, подобно выходцу из могилы, не разбирающему дороги, направился к воротам. В потоке бессмысленной, застывшей во времени действительности это странное зрелище необъяснимо повлекло к себе его болезненный дух.

– Куда вы? – крикнул ему Колен, ни на мгновение не терявший его из виду.

Но Жозеф ничего не ответил. Он подошел к брату Ватье, ковырявшемуся во дворе, и хриплым голосом спросил:

– Что там?

– Да черт их знает, – равнодушно отвечал тот, кинув беглый взгляд за ворота. – Какое-то похоронное шествие.

Сарацин медленно вышел на дорогу. Так оно и было. Мимо монастыря двигалась пышная похоронная процессия. Редкие, красноватые звезды факелов освещали вереницу безмолвных теней. Среди них были мрачные плакальщики, лица которых тонули в глубоких капюшонах. Замыкали призрачное шествие благородные, великолепно одетые сеньоры и дамы. Блуждающий взор Жозефа узнал в толпе монсеньо-

ра де Леруа с сыном, Сесиль, сеньора де Сюрмона, юную Клэр... Бледные лица были залиты слезами, слышались подавленные всхлипывания и вздохи, горькие жалобы на судьбу и мольбы, полные черной печали... Над головами собравшихся, подобно огромной лодке на тихих волнах, плыли погребальные носилки с пышным, траурным покровом...

Словно во сне, Жозеф поднял остановившийся взор вверх... И тогда в мире наступил страшный, леденящий холод. Рушились империи и царства. Небо падало на землю. На пыльной дороге стоял язычник в белой ризе с мертвой маской вместо лица. А на погребальных носилках лежала бледная девочка в алом платье...

Чей это чудовищный вопль, похожий на рев раненного зверя, перевернул сердца внутри людей?.. Нет, он вырвался не из человеческой груди... Человеческому существу не снести той невыносимой боли, которой он был рожден...

Голубоватые лучи луны освещали застывшие в ужасе человеческие фигуры. На земле сидел язычник с искаженным, изуродованным жестокой мукой лицом, прижимал к себе хрупкую, мертвую девушку, заглядывал ей в лицо, разбирал дрожащими пальцами ее волосы, выл, как дикие волки, плакал и смеялся...

– Разве это ты, моя маленькая? – нежно обратился он к ней, устроив мертвую Бланш у себя на коленях. – Да нет же! Вся эта дорога, эта процессия, этот душный вечер... все это мне снится! Если бы и вправду я держал тебя мертвую на

коленях, то этих звезд, этого неба не было бы перед моими глазами... Боже, дай мне поскорее проснуться! Еще ни разу ты не посылал мне такого нестерпимого кошмара! Ее прозрачные пальчики... Какие они холодные! О нет, мои поцелуи больше не согреют их, хотя бы я сидел здесь над тобой целую вечность... О, ответь мне, ответь мне, бедняжка: как ты могла?! Зачем ты это сделала?! Она не отвечает! Мог ли я допустить, мог ли помыслить, что она решится, что она это сделает! Если бы я знал, если бы я только знал, я бы с наслаждением позволил пронзить себя тысячью мечей!.. Что же ты натворила! Растаяла, как облако на рассвете... Выпрыгнула из мира и оставила меня выть от нестерпимой боли! О, как же это больно, видеть ее такой! Холодной и неподвижной... А ведь ее глаза сверкали, как факелы в тумане! Милосердный боже, дикие звери разрывают мне внутренности своими острыми когтями! Прошу тебя, девочка, еще один взгляд в этой страшной ночи мира!.. Почему мое сердце не разорвалось и кровь не хлынула у меня изо рта в то мгновение, когда твои губы коснулись проклятого яда! Я животное, я демон, я могу сносить пытки! Но она... почему, Господи?! Разве ты не видел, что она всего лишь невинный ребенок?! Даже голодные звери не посмели бы причинить ей зла...

Он наклонился к ней, покрыл куском своей ризы, и, тихонько погладив по голове, продолжал:

– Спи, моя девочка, спи... Больше я тебя не покину. Мы останемся на этой дороге, пока не кончится мир... Я буду

охранять твой сон. Помнишь, ты хотела, чтобы мы просыпались вместе?.. Теперь ты вечно будешь спать у меня на коленях... Ночь превратится в день, а время – в вечность, но мы больше не расстанемся... В Аль-Андалусе круглый год сияет весеннее солнце... Ад только под этими небесами. Но ты ушла из ада! Зачем ты не взяла меня с собой?! О, я больше не буду прижимать к сердцу ее сердце! Оно не бьется... Мои виски... как они пылают! Разве это еще не конец, Господи?! Как же жестоко твое наказание!

Он бросил страшный, блуждающий взгляд на немые фигуры, застывшие перед этой чудовищной сценой.

– Взгляни на них, Господи! Ты наказываешь меня, отобрав жизнь у этого невинного ангела... Скажи мне, разве среди них я худший?! Вот этот великий государь ведет к алтарю женщину, мужа которой он убил собственными руками! Разве его руки не в крови, Господи?! Или вот этот сеньор... бедная девочка еще не остыла, а он уже облачил вторую дочь в свадебные одежды! Так где же их наказание, ответь мне! Ты говорил: «Если грехи ваши красны, как кровь, сделаю их белыми, как снег». Так почему же не сделал мои, милосердный Боже?! Ныне они стоят перед тобой чистые, а я один проклят! Но чем провинилось перед тобой это несчастное дитя, не ведавшее зла, чистая слеза которого могла искупить грехи всей Вселенной?! Ныне все они будут в золоте и радости, а она будет спать в холодном склепе! Что мы сделали?! Вовеки не будет нам прощения! Мы воевали за жалкий кло-

чок земли, за разрушенный замок, мы захлебывались ненавистью, мы вгрызались друг другу в горло... и вот мы все живы, а страшная вражда пала на голову этого невинного ребенка! Жалкий клочок земли! Да знаете ли вы, что один ее вздох стоит больше тысячи королевств! В вашей уродливой клетке... она одна была живая... Жизнь несчастной девушки! Как это много! Как это безмерно много! Это больше, чем все ваши цепи и замки, обычаи и феодалы! Это больше, чем все ваши знатные предки! Венцы государей и даже престол Господа ничто перед ее единым взором! Посмотри на меня, девочка... Нет, этот взор погас навеки... Но вся роскошь и власть мира не вернет мне сияния ее любящего взгляда! Она мертва! Но неужели вы не видите, что только она и была живая! А мы... «раскрашенные гробы»... К чему нам свет и воздух?! Мы полны праха! Мы сгнили изнутри... Мы отравляем своим дыханием все чистое и сверкающее, что упало в этот мир! Зачем ты пришла сюда, девочка?... Лучше бы ты оставалась на небесах... и я никогда не знал тепла твоей души и тела... тогда бы не было так больно! Так мучительно больно! «Раскрашенные гробы»... Она одна живая... Только в ее сердце билась живая кровь! Но что же вы с ней сделали?!

Ослепленный, пугающий, дикий, он крепко держал свою добычу. Но сеньор де Сюрмон все же осмелился шагнуть к этому неистовому демону.

– Верните мне мою дочь, – сдавленным от слез голосом попросил он. – Я расторгаю оммаж, принесенный сеньору де

Леруа... Отныне я больше не буду его вассалом...

Сарацин с рычанием повернулся к нему и еще крепче вцепился в тело Бланш своими сильными руками. Он жутко расхохотался и закричал в лицо мессире Анри:

– Не будет вассалом... Она не дышит! О чем вы говорите, сумасшедшие?! Разве вы еще не поняли?.. К чему ваши замки и феоды?! Ее глаза закрыты, и сердце больше не бьется... Она не ваша дочь! Она моя! Ведь правда, мое дитя?.. Ведь правда, моя единственная возлюбленная?.. Она вас не знала! Вы убили ее! А я был ей и отцом, и учителем, и мужем... О, как же я люблю ее! Вся моя душа изорвалась в кровавые клочья от этой мучительной страсти... Разве это вы смотрели, как она тихо шевелила губами, разбирая арабские буквы?.. Разве вы играли с ее мягкими волосами?.. Разве у вас на груди она прятала свое пылающее личико?.. Бланш, мой трепетный ангел, я не вынесу жизни без твоего чудесного голоса! Дитя, я больше его не услышу! Я больше не осыплю тебя поцелуями! О, твой крохотный ротик... я больше не смогу его коснуться!..

– Пойдемте, – с усилием произнесла баронесса де Кистель. – Оставим это уродливое чудовище...

И, словно толпа черных теней, люди медленно стали покидать сумеречную дорогу. Угасли последние факелы, и крошечная тьма нависла над миром.

– Неужели вы не видите, что это вы чудовища! – крикнул обезумевший сарацин им вслед. – Женитесь! Радуйтесь!

Стройте на ее смерти ваше черное счастье! Ваши дети возненавидят друг друга! Волчье Логово и их отравит своим вековым ядом! Вы не люди, вы звери и призраки! И ваши дети станут такими же! Все мы навеки прокляты! Только у меня было единственное дитя... И вот я держу ее холодный прах... Так будет и с вами! Единственное дитя, как же я люблю ее, Господи!

Он снова наклонился к безжизненному телу, покоившемуся у него на коленях и, поцеловав ее в лоб, тихо зашептал:

– Здесь мы будем спать с тобой, девочка... Я буду охранять твои сны. Мы увидим солнечный Аль-Андалуз... Там так красиво! И там никогда не бывает холодно...

Он осторожно снял ее с колен, лег рядом с ней, устроил голову девушки у себя на груди и закрыл глаза. Было темно и тихо. Их обступали чарующие и пугающие звуки ночи... Холодные лучи луны серебрили пустынную дорогу, на которой спали нечеловеческим сном безумный сарацин и его мертвая невеста...

XLV. В склепе

Он подошел ко гробу, с робостию посмотрел в лицо умершей и не мог не зажмурить, несколько вздрогнувши, своих глаз: такая страшная, сверкающая красота!

Н. В. Гоголь «Вий»

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

Библия. Первое послание к коринфянам, 13.

Любить ее со всем неистовством, чувствовать, что за тень ее улыбки ты отдал бы свою кровь, свою душу, свое доброе имя, свое спасение, бессмертие, вечность, жизнь земную и загробную; сожалеть, что ты не король, не гений, не император, не архангел, не бог, чтобы повергнуть к ее стопам величайшего из рабов.

Виктор Гюго «Собор Парижской богородицы»

*Альф, меч поднявши, встречи ожидает,
Но вдруг бледнеет, голову склоняет,
О подоконник оперся, шатаясь,*

*Но – знак магистра – плащ срывает пышный,
Ногами топчет, гордо усмехаясь:
«Вот грех мой, да простит его всевышний!
Готов я к смерти, что ж еще услышать
Хотите?..»
Адам Мицкевич «Конрад Валленрод»*

От сырых стен монастырского склепа веяло жутью и потусторонним холодом. Мерцающий огонек единственной свечи, стоявший на каменном надгробии, освещал застывшее лицо девушки, лежавшей в темной гробнице. Черты ее заострились, кожа пожелтела, под глазами лежали чудовищные черные тени. Но в круге света, отбрасываемом на него свечой, это спокойное и просветленное лицо все еще хранило в себе что-то непостижимо прекрасное. И даже первые следы разрушения и дыхание смерти не могли уничтожить странный внутренний свет, исходивший от этого полудетского, невинного и порочного лица...

Рядом с открытым гробом на коленях неподвижно стоял Юсуф в изорванной, испачканной ризе и пристально смотрел в лицо умершей.

С той минуты, как он принес ее сюда, он не сделал ни жеста, не произнес ни слова. Мертвая Бланш крепко приковала его к себе. Сильнее, чем живая...

В разрушенном, потрясенном рассудке сарацина непрерывно возникали одни и те же образы, но воспаленный мозг

не мог подолгу сосредоточиваться на них, и минутами Юсуф впадал в тупое, сонное состояние без единого проблеска чувств и мыслей... Все его существо было разбито и безвозвратно сломлено в то ужасное мгновение, когда он увидел Бланш на погребальных носилках...

Изо всех сил он старался понять, почему это несчастное дитя оставило мир?.. Но понять он не мог. Годами он хранил у себя страшный яд чужестранного настоятеля, и ни разу не решился заглянуть в мрачную бездну... Но она сделала это в единое мгновение. Почему она не цеплялась за жизнь, как все смертные? Почему в ней не было страха? Тысячи женщин живут с нелюбимыми мужьями, тысячи тлеют под своими роскошными одеждами. Но она единственная предпочла черную бездну вечности роскошной клетке графского двора... И никто из людей не смог удержать ее в мире! Неужели он был дорог ей так сильно, что она без колебаний предпочла смерть вечной разлуке с ним?.. А он... он ничего не сделал, чтобы остановить ее...

Не отдала... так и не отдала своей загадки, единственная женщина на земле! Она любила его, она отдала ему всю себя без остатка, она умерла ради него... Но он так и не смог понять почему... Что было такого непостижимого в этой странной девочке, что она умела любить сильнее, чем тысячи женщин?.. Что было такого, раз она смогла уйти так же легко, как тают облака на рассвете?.. И почему она отдала все, что имела уродливому и безумному язычнику, ничего не прося

взамен?..

Кем она была? Ангелом, звездой, упавшей на грешную землю? Нет, ее глаза сверкали темным огнем неизведанной силы... Призраком? Но призраки не приносят себя в жертву людям... Да, она была простой девушкой. Но разве человеческим существам знакомы такие удивительные, самоотверженные порывы?..

Она любила его. Она отдала ему все. А он не мог задержать ее здесь даже на мгновенье... Она все время ускользала от него, и вот исчезла навсегда, а он ничего так и не понял... Как могла она ценить любовь и свою свободу выше самой жизни? Ведь без жизни нет ни свободы, ни любви... Нет ничего. И все же она бесповоротно отвергла жизнь, в которой не могло быть счастья. Не нужна ей была эта клетка. Все томятся в клетках, покорные своим мучительным страхам. Но она не захотела...

Юсуф смотрел на ее детское лицо в обрамлении светлых, прекрасных волос, и вдруг в голову ему пришла странная мысль. Для того, чтобы удержать ее в мире не надо было думать о дворцах и клетках, не надо было копаться в глубоких смыслах и искать конец дороги... Нужно было быть таким же простым, как дети. «Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него». Простым, как дети. Как дети, которые просят луну с неба, боятся темноты и радуются лучу солнца, больше, чем всем богатствам мира... Если бы он был таким, она осталась бы!

Размышляя об этом, он услышал позади себя чьи-то легкие шаги. Сарацин не обернулся. В этом не было смысла. На свете были лишь одни шаги, которые могли заставить его радостно повернуть голову. Но сегодня их больше не существовало...

– Я пришел проститься с вами. Скоро я уезжаю, – прозвучал рядом с ним печальный голос Жилия.

– Прощай, – равнодушным и бесцветным голосом ответил сарацин.

– Я хочу сказать вам... хочу предупредить вас. Я слышал, что брат Колен с братом Ульфаром назначили собрание капитула. Они больше не хотят видеть вас аббатом...

– Я никогда не хотел им быть... Мне ничего не нужно...

– Но речь идет о серьезных обвинениях. Вам могут назначить суровое наказание, – горячо возразил Жиль. – Я уезжаю. Быть может... вы хотели бы поехать со мной? Это возможно...

Сарацин медленно повернул голову. Жиль увидел перед собой застывшие в неподвижности, неживые черты и ужасающе пустые глаза...

– Зачем? – со слабым вздохом спросил монах. – Посмотри... она такая холодная, ее глаза закрыты, она не дышит... Она больше не скажет своим детским голоском: «Юсуф, успокойтесь». Куда я поеду? В каком раю ты сможешь вернуть мне ее?

– Я вижу, ваше горе глубоко... Но разве мое меньше? –

воскликнул горожанин дрогнувшим голосом, и на глаза его навернулись слезы. – Я любил Клэр. Она так очаровательна, так прекрасна! И вот, она пошла под венец со знатным сеньором и оставила меня наедине с моим отчаянием! А моя любовь была столь сильной, что я не желал ей ничего, кроме добра и счастья... Я хотел видеть лишь ее нежную улыбку и отдать всего себя, чтобы в ее глазах никогда не угасали лучи радости! Мои мысли о ней всегда были полны тепла и света...

– И ты можешь называть эти жалкие мечты любовью? – презрительно произнес сарацин, и по губам его пробежала горькая улыбка. – Ты никогда не узнаешь, что это такое. Там, куда вторгается любовное пламя, нет места свету... Любить – это не то, что ты думаешь. Это значит гореть и умирать каждое мгновенье! Не находить себе места без тепла ее тела... Не видеть мира. Забыть себя. Жить лишь мыслями о встрече с ней. Леденеть вдали от ее сверкающего взгляда... Любить – это то же, что испытывать безмерную жажду! Это значит ни на миг не выпускать ее руку...

– Пусть так, – перебил его Жиль. – Не время спорить об этом. Меня пугает ваша дальнейшая участь. Покиньте эту обитель, иначе может быть поздно...

– Поздно? Посмотри на нее... И ты говоришь мне, что может быть поздно! Но куда мне торопиться, если вечная ночь уже наступила?.. О, когда-то я думал, что отдал бы все сокровища на свете, чтобы обладать ею и разгадать ее тайны...

Но сегодня нет того, чем бы я не пожертвовал, лишь бы она не покидала мира... Прощай. Я останусь рядом с ней, и день превратится в вечность...

Жиль с печальным вздохом взглянул на эту коленопреклоненную фигуру, в которой больше не было ни огня, ни жизни, и стремительно вышел из мрачного подземелья.

Юсуф не двигался с места. Он знал, что произойдет завтра. Но это больше не имело никакого значения, потому что у него больше не было никакого «завтра»...

Сарацин продолжал впиваться в Бланш пылающим взглядом. Такая маленькая, такая беззащитная, такая холодная и одинокая... Внезапно его охватил острый приступ отчаяния. Он бросился к ней и покрыл ее лицо, тело, волосы безумными, истерическими поцелуями... Но она не отвечала. Она была далеко... Юсуф выпустил из объятий мертвую девушку и снова впал в тяжелое оцепенение.

Один... один в этом огромном, пустом мире... Завтра христиане потребуют у него ответа. Но в чем он провинился? Каким чужим и нереальным казалось ему мрачное убранство склепа!

Когда он держал ее у себя на руках и требовал у бога ответа, он обращался к Всевышнему их словами. Он говорил так, как говорила бы она... Но разве он в это верил?.. Разве он не знал Последнего откровения? Он с детства запомнил звенящие слова Пророка... Только зачем они ему в этом опустевшем, холодном мире?.. Он позабыл себя... Он нико-

гда не знал, кто он... Он умел только рисовать и предаваться неистовым порывам своей дикой природы. За пределами этого лежала пустота. Но ему не было до этого никакого дела... С рождения он был потерян. У него ничего не было, кроме рассказов матери да грез о неведомом, недостижимом южном рае...

И все же, в эту минуту, посреди холода и бессмысленности этого мира, что-то далекое, полуживое теплилось в его умирающей душе...

Завтра... Завтра христиане призовут его к ответу...

Юсуф медленно поднял руки, разорвал измятую белую ризу и бросил ее на пол. Освободившись от тяжелого одеяния, он встал на колени, протянул ладони к солнцу и из мрачной тюрьмы своего тела вознес последнюю, жаркую молитву к Аллаху...

XLVI. Собрание капитула

Меня ввели в длинный мрачный сводчатый зал, и я увидел там одетых в черные одеяния духовных лиц на высоких стульях, расставленных вдоль стен. Перед ними за столом, накрытым кроваво-красным сукном, сидел судья, а возле него доминиканец в орденском одеянии.

Э. Т. А. Гофман «Эликсиры Сатаны»

Кое-где из тьмы выступали бесстрастные лица судей. В конце длинного зала можно было разглядеть выделявшееся на темном фоне смутное белое пятно. Это была подсудимая. Она с трудом дотащилась до скамьи.

Виктор Гюго «Собор Парижской богородицы»

Я подчинюсь приговору, каким бы он ни был. Для меня это будет правосудием, чем это будет для вас – не знаю. Дай Бог, чтобы приговор не сокрушил вас самих.

Фридрих Дюрренматт «Визит старой дамы»

С в я щ е н н и к. (беспомощно). Я помолюсь за вас.

И л л. Молитесь лучше за город.

Фридрих Дюрренматт «Визит старой дамы»

Сарацин сидел у окна на длинной, холодной скамье. Свер-

кающие, горячие лучи солнца, лившиеся из противоположного окошка, били ему прямо в глаза. Яркий свет освещал его бледное, усталое и растерянное лицо. Он щурился и пытался защититься от света рукой, но эти слабые попытки не могли облегчить его трагического положения.

Прямо перед ним, в тени и сумрачной прохладе, вырисовывались головы остальных братьев, скрытые черными капюшонами. Их фигуры были бесстрастны и неподвижны, как холодные изваяния на старых надгробиях. На столе перед братом Коленом лежала стопка книг, перо и чернильница. Брат Ульфар быстро и нервно перебирал свои четки, и в мрачной пустоте зала слышался их тихий, тревожный стук... Ватье безучастно чертил носком башмака узоры на пыльном полу. Голубоватая дымка, еще не тронутая пылающими лучами солнца, скрывала их головы.

Позади монахов, на скамье, стоявшей у самой стены, сидел Жиль дель Манж. Он попросил разрешения до своего отъезда присутствовать на заседании, и это было ему позволено.

– Братья вынуждены призвать к ответу своего настоятеля, – раздался ровный и бесцветный голос из-под капюшона брата Колена. – Мы не можем мириться с вашим чудовищным поведением. Вы вступили в преступную связь с дочерью сеньора де Сюрмона, вы устроили ужасный скандал на ее похоронах, вы осквернили труп несчастной девушки, повсюду таская его с собой и не предавая христианскому по-

гребению... Из ваших безумных слов все поняли, что вы таинственным образом причастны к ее внезапной смерти. Все эти жуткие поступки сами по себе заслуживают порицания. Но вам этого мало! Вы ведете себя, как дикарь, как древний язычник! Вы выставили все мерзкие склонности вашей порочной и больной натуры на всеобщее обозрение! Что может ждать нашу несчастную обитель с таким настоятелем? Она и так погрязла в бедности и безвестности. Слава ее угасла... А во главе с таким безумцем, наш монастырь получит славу гнезда преступлений и порока! Ваши необдуманные действия толкнули нас в эпоху дикости и варварства, из которой вывело этот бедный монастырь умелое и разумное руководство старых, святых аббатов... Мы не можем этого допустить! Мы требуем у вас ответа.

В воздухе повисла мертвая тишина. Сарацин продолжал сидеть неподвижно. Его плечи были бессильно опущены. Он уронил руки на колени и больше не пытался защититься от слепящего света... Судьи с напряженным вниманием ловили каждое движение на его освещенном, бледном лице.

– Я любил ее, – наконец сорвалось с его перекошенных губ. – Я не хотел быть аббатом. Я хотел расписывать витражи...

– Это не оправдание, – сурово перебил его Колен. – Отец Франсуа доверил вам эту высокую должность, и вы обязаны были достойно нести ее крест.

Он порылся в стопке, лежавшей перед ним на столе, и вы-

нул оттуда небольшую книгу с драгоценным переплетом и чудесными позолоченными узорами. Это был Коран.

– Вы узнаете эту книгу? – спросил Колен, показывая ее подсудимому. – Ее нашли у вас в келье. Ваша мать была крещена. Вы рождены в лоне святой католической церкви. Вы были допущены под сень нашего святого монастыря. Как вы могли хранить у себя эти языческие писания, которые оскорбляют христианскую веру?

Сарацин поднял глаза и, несмотря на поток ослепительного света, пристально взглянул на своих судей.

– Так значит вы уже успели обыскать мою келью? – спросил он с горькой усмешкой.

Тут не выдержал до сих пор хранивший молчание брат Ульффар:

– Посмотрите на этого язычника и еретика! Он еще смеет бросать обвинения святому суду, когда вина его огромна, как море, и не простится в день Страшного суда! Покайся! Посыпь главу свою пеплом! И, быть может, гнев Господень станет хоть на малую каплю меньше... Ты мерзкий сарацин и язычник! Дурная кровь течет в твоих жилах...

Брат Жозеф медленно поднял глаза куда-то ввысь и задумчиво произнес искренним и полным отчаяния голосом:

– Поистине, вы странные люди, христиане. Проходят века и царства, а вы так и не поняли... Бог ниспослал вам Писание. Он говорил вам: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все

вы одно во Христе Иисусе». Так почему же сегодня я сижу перед вами на этой скамье, а вы допрашиваете меня?..

– Но разве не говорится в Библии, – возмутился Ульффар, – чтоб не брали себе невест среди чужестранок и не перенимали нечистых обычаев языческих народов?!

– То сказано в «Ветхом Завете». Но Иса говорил вам другое. Он говорил: «Здесь нет различия между Иудеем и Эллином, потому что один Господь у всех...» Почему же вы до сих пор не поняли?..

– Мы собрались здесь не для богословских споров! – раздраженно воскликнул Колен. – Вы хранили у себя сарацинскую книгу. Это строжайше запрещено уставом. Это грех и ересь.

– Нет уж! – снова вмешался разгневанный Ульффар, негодуя сверкая глазами. – Пусть он ответит мне, этот возгордившийся язычник! Я его обвиняю! Пусть признает, что сарацины – мерзкие идолопоклонники и враги Господа нашего! Что Иисус – сын Божий! А Магомет – безумец, веротступник и убийца! Пусть скажет, что верует в Господа нашего и отвергает языческую мерзость! Иначе его ждет суровая кара!

Снова воцарилась гнетущая тишина. Казалось, время остановилось, и эти нестерпимые мгновенья будут тянутся вечно... Сарацин глубоко вздохнул, устремил перед собой невидящий взор и твердым голосом ответил:

– Верю в милосердного Аллаха и Последнее откровение.

«Аллаху принадлежит восток и запад. Куда бы вы не повернулись, там будет лик Аллаха. Воистину, Аллах – Объемлющий, Знающий». Мы не идолопоклонники. Мы верим в единого Господа, как и христиане. Но разве вы хотите слушать? Что я могу сказать вам, если вы до сих пор не поняли? «Воистину, слепнут не глаза, а слепнут сердца, находящиеся в груди». Я не знаю, был ли Иса сыном Божиим или просто великим праведником. Но то, что вы говорите о Пророке, ужасная ложь и клевета! Он был невинен и чист, как цветы лилий и первый снег в зимний день... Как же я могу повторить то, что вы произносите! Даже если бы все покинули его, как мы можем это сделать?.. «Мухаммед только посланник. Нет уже теперь посланников, которые были некогда прежде него; если и он умрет или будет убит, то неужели вы обратитесь вспять?» Чего вы от меня требуете, христиане? Вы обвиняете его, но я его не покину... Не покину даже на пороге вечной ночи, которая стоит перед моими глазами... Вы говорите мне: отрекись! Разве вы еще не поняли? В Последнем откровении сказано: «О сыновья мои! Аллах избрал для вас религию. И умирайте не иначе, как будучи мусульманами». Чего же вы от меня требуете?.. Я жил, как своевольный безумец и птица без гнезда... Но я слышал, как ваши уста хулят Пророка. И умру я мусульманином.

Эта долгая речь утомила сарацина, и он бессильно уронил голову на грудь.

– Он оскорбляет Иисуса Христа, Господа нашего! – вос-

кликнул Ульфар, простирая дрожащую руку к скамье, на которой сидел подсудимый. – Язычник! Сарацин! Идолопоклонник! Как еще не переполнилась чаша терпения Всевышнего?! Нужно было предать его богомерзкие книги огню, чтобы лик Господа воссиял в прежнем своем величии и славе! Покайся, пока не поздно, иначе будешь, как жалкий червь извиваться во прахе! Если бы мы только знали, кого скрывали эти святые стены...

– Подумайте, брат Жозеф, – серьезным и глубоким голосом обратился к нему Колен. – Вы впали в страшные заблуждения. Вы отвергаете крещение. Подумайте. Мы не хотим зла. Но в нашей власти заставить вас раскаяться. В наших руках темные подземелья и суровые наказания... Это сломает вас. Еще не поздно. Отрекитесь.

Сарацин был страшно бледен. Он почти ослеп от солнца. Он мучительно устал. Он подумал о страданиях, которые его ждут, о тьме, в которую его ввергнут... Судьи старались прочесть каждую мысль, каждое движение загнанной души на этом искаженном лице...

Внезапно его пересохшие губы приоткрылись.

– Нет, – сорвалось с них, раскалывая мертвую тишину и рая души.

– Да смилуется над вами Господь! – отвечал Колен. – Нам остается вынести последнее решение...

– Пусть оно не станет для вас тяжким грузом, – обронил сарацин, и обратил лицо к открытому окну, сквозь которое

лились огненные лучи высоко взошедшего солнца.

Жиль дель Манж тихо встал со своего места. Он бросил последний взгляд на смуглого человека, сидевшего на скамье. В этой просторной, светлой зале его сгорбленная фигура казалась такой чужой... И такой смертельно одинокой... Его взор был устремлен вдаль. Помертвевшие губы что-то тихо шептали...

Горожанин резко повернулся и быстро вышел из залы, так и не дождавшись сурового приговора...

XLVII. Тени прошлого

– Ах! Вы я вижу, еще не слышали о смерти Хитклифа? – продолжала она.

– Хитклиф умер? – воскликнул я, пораженный. – Давно ли?

Эмили Бронте «Грозовой перевал»

Любовь переживет нас. Искусство сделает нас бессмертными.

И. – В. Гёте

Прошло два года.

Наступила новая, прекрасная весна. Бескрайние равнины графства Эно вновь оделись нежной, зеленоватой дымкой. В воздухе звенел хрустальный птичий щебет. Теплые лучи весеннего солнца с трепетом ласкали первую листву, которая только что родилась... Легкие облака с детской радостью порхали по сияющей небесной лазури... Жизнь снова возвращалась на землю после долгой, морозной зимы...

В такое чудесное утро Жилю дель Манжу суждено было снова вернуться в неприветливые, глухие края, куда когда-то его забросила судьба. Он оказался здесь проездом, будучи послан по делам к епископу Льежскому. Наступившая весна, казалось, мало коснулась его своим мягким крылом... За

истекшие два года Жиль стал серьезнее и печальнее. Исчезла юношеская непосредственность, на лбу залегла упрямая морщинка.

Завидев вдалеке острые башни монастыря Сен-Реми, горожанин решил заехать туда. Далекие воспоминания, смутные образы людей, которых он знал раньше, неотвратимо потянули его к себе.

Старая обитель показалась ему еще более заброшенной и убогой, чем два года назад. Но при ярком свете солнца в ней уже не было ничего мрачного и таинственного. Только картина тлена и разрушения представала перед глазами. Одна из тонких башенок покосилась, стены начали обсыпаться и разрушаться, ворота открывались со страшным скрипом.

Войдя во двор, Жиль увидел неизменного привратника, брата Ватье, который, впрочем, не потрудился даже ответить на его теплое приветствие. Ватье молча указал на темную фигуру стоявшего перед раскидистым деревом монаха. Приезжий направился к нему. В неподвижно стоявшем под старым деревом человеке со скучающим взором Жиль узнал брата Колена. Волосы его совсем поседели. Взор был рассеянным и равнодушным. В чертах застыло выражение горького разочарования и смертельной скуки...

– Добрый день, брат, – обратился к нему Жиль. – Вы помните меня?

Брат Колен пристально посмотрел на него, потом перевел взгляд на сверкающее весенней голубизной небо и медленно

произнес:

– Да, день сегодня очень ясный... Разумеется, помню, мэтр. У меня отличная память. Опять вас занесло в наши глухие края...

– Я здесь проездом, и скоро их покину. Но прежде мне захотелось узнать, как поживают мои старые знакомые, – улыбнулся горожанин.

– Что я могу вам рассказать? – спросил Колен, равнодушно пожимая плечами. – Вы сами знаете, мы живем так, будто время остановилось несколько столетий назад... Эта несчастная обитель медленно погружается в бездну вечности. И даже, став настоятелем, я не могу ее спасти... Послушники не приходят к нам. А какой монастырь без монахов?

– А Волчье Логово? – в нетерпении перебил его Жиль. – Вам удалось его удержать?

– Пока я жив, оно будет принадлежать обители, – с мрачной решимостью произнес старый монах. – Я никому не уступлю земли, принадлежащие нашей святой Матери Церкви! Монсеньор де Леруа по-прежнему покушается на эти владения... О, сейчас он могущественен, как никогда! Весь край в руках государя. Его супруга блистает на праздниках. Мадам Клэр родила дочь своему мужу, монсеньору Тьерри... А сын мадам Сесиль скоро вырастет и станет настоящим сеньором. Правда, в их семье нет мира... Но где он есть?

При упоминании о Клэр Жиль слегка вздрогнул, и мрач-

ная тень пробежала по его открытому лицу. Он поспешил сменить тему:

– А брат Жозеф? Он по-прежнему не желает уступить Волчье Логово своей кухне?

– Брат Жозеф? – переспросил Колен, взглянув на своего собеседника. – Да он давно умер.

– Умер?! – воскликнул Жиль. И внезапно весь этот солнечный день и просторный двор стали чужими, серыми и ненужными.

– Чему вы так удивляетесь? Все мы смертны.

– Но что с ним произошло? Расскажите мне. Какой приговор вы ему вынесли в тот день, когда я покинул вашу обитель?

– Он упорствовал в своих заблуждениях. И нам пришлось заточить его в подземелье, – начал брат Колен с тяжким вздохом. – Брат Ватье приносил ему хлеб и воду. Так он провел в молчание, тьме и одиночестве несколько недель. Он больше не говорил с нами. Он замкнулся в своем молчании, как в крепости! Но однажды Ватье пришел к нам и сказал, что узник больше не может подняться со своего соломенного ложа... Увы, его разбил паралич. Мы сжалились над Жозефом. Мы перенесли его в келью и стали ухаживать за ним. Но он по-прежнему не говорил с нами. Только однажды попросил бумагу и чернила... И, как помешанный, чертил свои проклятые рисунки! Они интересовали его больше, чем все происходящее вокруг... Больше, чем спасение собственной ду-

ши! Даже на пороге смерти... Потом и руки перестали ему повиноваться. Он лежал и молча смотрел на окно, залитое лучами солнца, как делают это все язычники. Я не знаю, о чем он думал... Но в глазах его был странный огонь! Только один раз его пересохшие губы приоткрылись и с них сорвалось: «О, это слишком жестоко!» Больше ни слова. Он не смотрел на нас... Только на проклятое окно! Странно было видеть, как жизнь по капле покидает это сильное и неистовое тело... Брат Ульфар и брат Ватье сменяли друг друга у его постели. Но однажды, когда Ватье вошел в келью, Жозеф был уже мертв. Паралич достиг мозга... Только его чертовы рисунки валялись на полу, как хлопья снега.. Да лучи расцвета заливали лицо, которое больше не могло к ним повернуться...

Колен умолк. Несмотря на все свое спокойствие и умение владеть собой, он был бледен и взволнован.

– Вы похоронили его в склепе? – спросил Жиль, подавленный печальным рассказом.

– Нет, – покачал головой старый монах. – Мы стоим на его могиле...

Горожанин невольно сделал шаг в сторону.

– Ему было не место в священном склепе, – продолжал Колен. – Здесь мы похоронили ту девушку... помните? Мадемуазель де Сюрмон. А потом и его... Их души были слишком преступны и беспокойны, чтобы тела могли упокоиться в святом месте...

В это мгновение в дверях обители показалась высокая и тощая фигура в монашеском одеянии.

– А вот и брат Ульффар. Если хотите, он покажет вам последние рисунки Жозефа в церкви... Они жутки и прекрасны!

Церковь была наполнена легким и светлым сверкающим светом. Все в ней казалось радостным и новым. Искры на витражах были только белыми и серебристыми, как чистый иней в прекрасное зимнее утро...

Жиль подошел к стене, на которой располагались окна с рисунками брата Жозефа и увидел на месте старых, выбитых стекол три новые, великолепные картины. В них было столько иступленного порыва, силы и нечеловеческой красоты, что горожанин застыл пораженный, не в силах оторвать взгляд от этих последних творений умирающий души...

На первом витраже бледная, полу-призрачная девушка принимала крещение от смуглого и охваченного пылкой страстью Иоанна Предтечи. По волосам и по коже обращенной струились прозрачные, живые капли. Ее образ наполовину тонул в сияющем покрове легких брызг... Юное лицо было обращено к пророку с выражением самой трогательной доверчивости и светлой надежды...

На другом окне была изображена душная, темная комната с давящими стенами. Все та же бледная девушка испуганно прижималась к серой стене, а в ее огромных зрачках плясали

тени черного ужаса и смерти... Перед ней явился мрачный архангел со сверкающими темными глазами. Он парил перед девушкой в вихре жаркого пламени! Это архангел Гавриил принес Марии благовест. Так почему же она не радуется?.. Нет, кажется, этот ангел пришел не из рая, а из преисподней... И несет он не благовест, а мрачную страсть пылающего ада!

Последний витраж надолго приковал восхищенный взор Жилия. На нем, в бессмертном величии и славе, облаченная в алое платье, восседала царствующая над миром Дева Мария с лицом все той же белой девушки. Но не было в ее чертах ни торжества, ни радости... Огромные, широко распахнутые глаза смотрели на мир со смутной скорбью и неммым вопросом... И было в ней все. И детство, и мудрость. И порок, и невинность. И печаль, и счастье. Были свет и тьма. Отчаяние и надежда. И сама она была. И в то же время, как будто ее и не было. Коснись рукой, и рассеется, улетит зыбкая, пугливая греза...

Долго еще стоял Жиль перед чарующими, сказочными образами и никак не мог оторвать взгляда от этой волшебной и пугающей красоты...

Но пора было отправляться в путь. Он вышел во двор и, бросив последний взгляд на огромное дерево, под зелеными ветвями которого нашли себе вечный покой соединенные неведомой силой сарацин и христианка, направился к воротам.

Но у самых ворот кто-то настойчиво потянул его за рукав. Жиль обернулся и увидел брата Ватье.

– Стойте, – сказал тот с таинственным видом.

Потом, с опаской оглядевшись по сторонам, вытащил из бездонного рукава своей сутаны какую-то книгу и протянул ее горожанину. В ярких лучах солнца ослепительно засверкали позолоченные застёжки Корана!

Жиль смотрел на монаха с искренним и глубоким удивлением.

– Возьмите ее, – пояснил Ватье, видя недоумение своего собеседника. – На суде я украл ее и спрятал. А то брат Ульфар непременно бы ее спалил... Ему лишь бы спалить! А книжка-то вон какая красивая. И дорогая, небось... Вы ее в городе продадите или подарите кому. Возьмите, мэтр, что вам стоит!

С минуту Жиль стоял неподвижно, как изваяние. В лучах солнца переливались искусные, причудливые узоры. Потом решительно протянул руку и взял языческую книгу...

* * *

Спустя четверть часа Жиль дель Манж покидал затерянную среди весенних равнин одинокую обитель. Оставляя эти мрачные, печальные края, горожанин не думал о крепких стенах высоких замков, блестящем дворе графа, старом, угасающем монастыре или заброшенном Волчьем Логове. Пе-

ред его мысленным взором, подобно языкам черного пламени, ярко вспыхивали сверкающие витражи сарацина, на которых смуглый язычник и бледная девушка рассказывали странную повесть о всех радостях и горестях человеческой жизни... И в те минуты Жилю казалось, что на свете нет ничего более хрупкого и более прочного, чем эти волшебные, чарующие стекла...

29 апреля-2 августа 2015 г.